

18+ НЕЛЛИ ГОРИЩВЕТ

Никто не избегнет
блаженства
Часть I

Нелли Горицвет

**Никто не избегнет
блаженства. Часть первая**

«Издательские решения»

Горицвет Н.

Никто не избегнет блаженства. Часть первая / Н. Горицвет —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566473-0

Середина XXI в., недалёкое будущее. Катаклизмы вынудили народы мира переселиться в чудом не затонувшую Россию. Отныне вместо государств — Союз Диаспор. Вроде экономика наладилась, можно жить за счёт ренты, обходить законы. Но неравнодушные понимают: пора вырвать власть из рук безумца, захватившего контроль над погодой. В романе есть любовные линии, юмор, стихи, притчи. Все совпадения случайны.

ISBN 978-5-00-566473-0

© Горицвет Н.
© Издательские решения

Содержание

Музыка грозы (пролог)	6
Синдром стройки века	10
Не умирай!	16
Человек-феникс	22
Шестнадцатый этаж	30
Летучие авантюристы	34
Осколки прошлого	57
Долгожданная встреча	80
Ледяной душ будничной реальности	88
Отдых перед дорогой	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Никто не избегнет блаженства

Часть первая

Нелли Горицвет

Дизайнер обложки <https://ru.postermyswall.com>

© Нелли Горицвет, 2022

© <https://ru.postermyswall.com>, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-6473-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0056-6464-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Возненавидел все вокруг слепец,
Такой же сумасшедший в обладанье,
Сколь ни имей, еще желает он.
Ждал удовольствий, а нашел страданье,
И думал – счастье, оказалось – сон.
Все так и есть, но кто избежать рад
Блаженства, низвергающего в ад?
Уильям Шекспир. Сонет 129*

Музыка грозы (пролог)

Частицы Света – это записанные ноты. Удар молнии может быть целой сонатой. Тысячи молний – это концерт.

Даже самая крошечная звезда обладает законченным строением и тоже является частью звездной симфонии.

Никола Тесла

Дождь лил не переставая. Его тревожный голос не смолкал, начиная с шести вечера, и некоторым, быть может, это уже порядком поднадоело. Его тяжелые капли, точно жаркие слова, сказанные в запальчивости, сливались в единый поток, что-то шептали, ударяясь об асфальт, сияющий в свете ночных огней, дрожали, игриво подскакивая в сверкающих лужах... пузырились, пенились и, чего-то не договаривая, растворялись в мутных тяжелых ручьях... куда-то неукротимо спешили, а после, проплывая под струями фонарных светопадов, вспыхивали лучиками последней надежды. Они стремились туда, откуда восходит солнце.

Последние трамваи ушли на восток, погасив свои близорукие фары, и серебристые полосы рельсов, призрачно вырисовываясь во тьме, терялись где-то за горизонтом, рассеиваясь, словно шлейф реактивного самолета. Уснули витрины дорогих магазинов – вместо великолепия цветных гирлянд и неоновых реклам теперь зияют оскаленными пастями черные провалы. И лишь матовые квадраты окон современных новостроек продолжают неустанно глядеть желтыми, зелеными и розовыми глазами; немигающие, мрачные, точно безмолвные стражи, точно маяки для одиноких усталых путников. Они смотрят туда, откуда восходит солнце.

Безлюдье царит вокруг. И зачем только я приперлась на эту дурацкую остановку? Ведь ясно, что автобусов больше на сегодня уже не будет. Но что-то держит меня под укромным навесом и не дает сдвинуться с места. Что это? Ночное небо, которое мне одной, маленькому человечку с его ничтожными проблемками, затерявшемуся в большом и сложном мире, доверяет свои вселенские секреты, свою тревогу? Небо, которое надрывается от раскатов грома и трескается, пронзенное пиками молний? Небо, которое устало ждет восхода солнца...

И вдруг я замечаю прямо перед собой одинокую фигурку мужчины, изогнувшегося, словно левкой. Открытый всем ветрам, на проезжей части, на огромной площади, стоит он, склоняясь сосредоточенно над электрогитарой, и его длинные пальцы неистово бегают по ладам и струнам, высекая грозди искр так, что даже до меня доносится удушливый запах озона. Мокрая рубашка прилипла к телу, заставляя выпирать ребра-шпангоуты, густые черные локоны неровными прядями закрывают лоб и глаза, а ноги по щиколотку утопают в воде. Но гитарист точно не замечает обрушивавшейся на него лавины дождя. Напротив, скорее он рад этой разбушевавшейся стихии, он живет в ней, он живет ею. И его музыка вторит ветру и ливню, то тревожно и жалобно вздымаясь куда-то ввысь и оттуда низвергаясь и преломляясь обилием риффов и глиссандо, то застывая в едином запиле, то отбивая барабанную дробь мрачного низкого трэша в такт ударам грома, то замедляясь и утихая... вызывая в душе смутные неясные воспоминания о чем-то недосказанном, упущенном, прибереженном для себя и безвозвратно утерянном. Шнур от гитары едва заметной змейкой отходит от деки и исчезает где-то в вышине...

Кто ты, прекрасный незнакомец с голубыми задумчивыми глазами? Что ты забыл в такой поздний час на этой одинокой площади, под этим ледяным дождем, в этом унылом и скучном городе, в этом жестоком и холодном мире? Что заставляет тебя выдыхать эту музыку, точно боль, в самое сердце грозы? И веришь ли ты в восход солнца? И во что ты веришь вообще? Я не заметила, как вышла из своего укрывища и медленными шажками придвигаюсь все ближе к музыканту. А дождь, между тем, не спеша, утихал и, наконец, смолк совсем. Вслед за ним

и молодой человек остановил свою песнь на робкой, чуть слышной ноте. Он откинул нервным движением руки со лба волосы и тут только впервые увидел меня.

– Привет, – небрежно бросил он так, словно мы давно знакомы, – что ты здесь делаешь?

– Жду мужа из командировки, – обескуражено ответила я и, точно в оправдание, для чего-то выставила вперед сумочку, – вот, принесла ему плащ.

– О Господи! – устало и слегка рассерженно воскликнул он. – Как это банально! Понимаю. Сейчас придете домой, примете горячую ванну и будете пить чай с вареньем.

– Ну да, – согласилась я и посмотрела в упор: «А что в этом зазорного?»

– Какие вы все скучные и одинаковые, – заключил музыкант.

– Кто это мы? – не поняла я.

– Ну... люди, земляне, долгожители... или как вас там?..

– Прости, а ты кто будешь? – удивленно, тихо и взволнованно спросила я, предчувствуя что-то важное.

– Я – нечто вроде Архангела, – угрюмо ответил мужчина, – сын Шаровой Молнии и... пьяного авиадиспетчера, – усмехнувшись, добавил он, – титулованный Принц Грозы. Я рождаюсь каждый раз заново с раскатами грома и ... – тут его голос дрогнул, – с прекращением ливня развоплощаюсь снова.

Помолчав немного, он добавил уже более веселым тоном:

– А знаешь, это так здорово: всякий раз, словно впервые, просыпаться, вспоминать прежнюю жизнь и... вспоминать о Ней.

– О Ней?

– О Ней, – спокойно подтвердил музыкант.

– А кто Она? – робко поинтересовалась я, чувствуя, что вопрос не совсем тактичен.

Но Принц Грозы ответил, как ни в чем не бывало:

– Она – дикое дитя июньского леса. Она – веселая хохотушка с васильками в золотых кудрях и с веснушками на носу. С первым лучом рассвета Она встает, радуясь пению птиц, зеленой листве, весело танцует на лесной поляне, окруженная детенышами пятнистых оленей и... не подозревает о том, как Она прекрасна! А однажды, – тут лицо молодого человека совсем просветлело и оживилось, – однажды я Ей поведал об этом.

– А Она?

– Она? Она рассмеялась в ответ, – с восхищением сказал он, – но стоит только на небе появиться пусть даже легкому облачку, – далее продолжал музыкант, – как Она тотчас ложится спать. Чтобы не взгрустнулось ненароком, – пояснил он, – чтобы Ее лицо не украсила ни одна морщинка.

– Но тогда как же тебе удалось поговорить с Ней?

– Видишь ли... – замялся гитарист и испытывающее посмотрел на меня, – все дело в том, что Она живет в моей музыке, в моей Теме, во всей моей жизни. Там мы и беседуем.

– Так вы никогда-никогда не встретитесь? – осторожно, вкрадчиво спросила я.

Музыкант отрицательно покачал головой.

Я застыла, как вкопанная, сумев вымолвить только:

– И легко ли тебе жить с такой мечтой?

– Легко ли? – небрежно повторил мужчина и, точно не желая распространяться о каких-то мелких пустяках, резко сменил тему. – Слушай, время мое подходит к концу. Долго ли ты еще думаешь здесь торчать?

– А что? – с готовностью спросила я, собравшись в любой момент послушно сорваться и уйти.

– Понимаешь, – смущенно глядя вниз, проговорил сын Шаровой Молнии, чье имя я даже не решалась спросить, – я скоро растаю, – откуда-то из глубины донеслось до меня, – отвернись тогда, пожалуйста, а? Понимаешь, я не хочу, чтобы ты видела мою смерть... Это хуже, чем показывать слезы.

– Понимаю, – вздохнула я.

Наступило неловкое молчание. Но, как оказалось, только для меня.

– А расскажи мне, как вы, люди, любите друг друга, – вдруг поинтересовался музыкант, и глаза его вспыхнули каким-то внутренним светом, – разве у вас не так?

– Нет! – горячо возразила я, будто ждала этого вопроса. – У нас совсем... совсем другая гармония. Когда небо застилают тучи и на землю падают первые капли, мы беремся за руки и выбегаем на улицу, чтобы вместе танцевать и смеяться под дождем, наблюдать, как очищается от пыли листва, слышать запах грибов. А когда лучи солнца иссушают лужи, то мы глядим ввысь и шуримся до слез.

– Завидую! – мечтательно сказал Принц Грозы. – Мне бы так... Но я знаю, что Она тоже думает обо мне, – тихо произнес он, – скажи мне, – вдруг резко, с волнением в голосе спросил он, – ты веришь, что Она тоже любит меня?

– Конечно! Я...

Тут я осеклась, заметив немую боль и беспомощность в огромных голубых глазах гитариста. И, как и обещала, отвернулась. И побрела домой. Я вдруг поняла, что последние автобусы уже давно уехали в автопарк, и что сегодня больше ничего не будет.

И я ушла. Туда, откуда восходит солнце.

Синдром стройки века

*Окна в домах потускнели,
Грязный асфальт отражая.
Двери с петель послетели,
Свалку собой украшая.
Грязь перемешана с лужей,
Радуга пятен бензина...
Вряд ли отыщется хуже
Русскому сердцу картина.
Крыши поехали набок,
Кошки попадали сверху.
...Катится гулко и слабо
Жизни рассыпанной эхо.*

Шестнадцатиэтажная коробка из грязно-серого железобетона с жутковатыми черными пустыми глазницами окон отпугивала даже детвору, которая, как известно, любит играть на стройках. Это замороженное, недостроенное здание конца XX века, без крыши, имело весьма дурную репутацию, сотканную, буквально, из воздуха. Раньше – то было дело понятное: в старинных замках водились приведения. Теперь можно страшиться разве что только разносчиков антисанитарии – бомжей.

Однако эта серая высотка без веранды, ну или хотя бы подъезда с лестницей, обеспечивающего подступ к зданию и попадание внутрь, необитаема и неприступна из-за груды строительного мусора и грязи, которая окружает ее вокруг метров на триста. Смесь земли, песка и глины лишь изредка просыхает, образуя твердые уродливые колдобины. Да и в них тоже можно увязнуть по колено, если пытаться пройти напролом, чтобы срезать путь из леса к жилому району. А однажды, к примеру, совсем недавно, возле самого фундамента было найдено обезображенное тело девочки-подростка. Ходили слухи, якобы она спяну свалилась в шахту лифта, которую перепутала с туалетом. По этой и по ряду других причин жители города почти не пользуются дорогой через стройку, предпочитая обходить зловещее место по удобному широкому освещенному проспекту.

Люди не забредают туда даже несмотря на то, что строительная площадка не обнесена забором, и вход на нее не воспрещен – а следовало бы запретить, так как там нет ни специального деревянного настила, ни фонарей, освещающих путь. В придачу ко всему, кое-где набросаны уродливые железобетонные плиты, навал длинных черных арматурин, а над домом виднеется вышка со стрелой башенного крана, правда, проржавевшего, без задних колес, и, как выяснилось, со спущенными шинами на передних. Впрочем, специально ко всему этому случайные прохожие тоже не присматриваются. Они слишком заняты собой.

Я неоднократно при попытке поскорее попасть домой выходила из лесу, держа в поле зрения угол угрюмой высотки с оголенным фундаментом, и направлялась в жилой район по азимуту, напрямик, сгая с колдобин в выбоины, оставленные здоровенными шинами с глубоким протектором. И всякий раз с неприязнью жмурилась, осторожно вполглаза поглядывая вправо, на нелюдимый вход в вышеупомянутую недостроенную коробку, начинающийся примерно на уровне моей груди.

Никто не обращал на меня ровным счетом никакого внимания. Пятачок с новостройкой был с двух сторон окружен трассой и возвышался над ней, точно курган, его крутые склоны густо позаросли бурьяном. По обеим сторонам дороги пролегали узенькие тропинки, тянущи-

еся сквозь колючки и пустырь вплоть до нашего спального района – да и по ним тоже редко кто хаживал. А с третьей стороны, плавно переходящей в четвертую, темнел лес, отгороженный от шоссе полосой гаражей, окаймляющих жилые массивы.

Но вот что удивительно. Чем неприятнее и отвратительнее мне казалась эта серая коробка с черными дырами вместо стекол, тем больше она меня манила, притягивая к себе, точно магнитом. Словно я нутром чуяла, что именно здесь произойдет череда событий, круто изменивших мою последующую жизнь.

В конце концов, искушение взяло надо мной вверх и заставило посмотреть «в лицо» жуткому строению – правда, удалось мне это лишь со второй попытки.

Поначалу, конечно, я самым естественным образом ужаснулась, случайно взглянув на страшные оконные проемы, вымазанные коричневатым цементом, и панели с темно-серыми от дождя пятнами. Помнится, я тогда резко отвернулась и мысленно сказала себе, что больше никогда в жизни не посмотрю на это омерзительное сооружение. Но постепенно у меня развилось странное, азартное, навязчивое желание преодолеть страх и обратить свой взор к недостройке, вопреки опасению, что злополучный дом явится мне во сне. А также любопытство перед какой-то тайной, не понятно, откуда взявшейся. В конце концов, все это настолько захватило меня, что я начала ходить мимо дома, точно сомнамбула, жадно вчитываясь глазами в стены, боковую пристройку, которая должна была стать комплексом из магазинов, парикмахерской, аптеки, почты, прачечной, фотосалона – да так и не стала...

Я разглядывала нагромождения земли и цемента, а вокруг не было ни души – лишь грузовики изредка неслись куда-то по унылой одинокой дороге, вдоль которой не было столбов с освещением. Гаражи стояли ко мне «спиной». И, наконец, надо ли говорить, что идиотов, вроде меня, желающих переться в лес, сплошь изрытый оврагами, превращенными в мусорные свалки, среди болезненного вида деревьев, где не росло ни ягод, ни грибов, тоже не находилось?

Никто не сновал мимо меня туда-сюда, и я, не стесняясь, принималась рассматривать разнообразный строительный мусор, состоящий, главным образом, из бетонно-цементного крошева и кажущийся на фоне закатного солнца произведением сюрреализма. Более того: купив надежные катерпиллеровские берцы своего размера в магазине военной форменной одежды, я экипировалась и уже смело приходила на свою мертвую «зону 51» все чаще и чаще, подбывая к дому все ближе и ближе. И почему-то мне казалось – это тоже была навязчивая мысль, овладевшая мной внезапно – что помещение, особенно его подвальная часть, кишмя кишит крысами.

Наконец настал час, когда я перешла на второй уровень храбрости – отважилась проникнуть внутрь, вооружившись фонариком. Огляделась вокруг: пустой широкий холл (если, конечно, этот сарайный антураж можно именовать холлом) пересекала лестница, ведущая на этажи. В помещении витал устойчивый специфический запах строящегося здания, причем такой, в котором сразу чувствуется отсутствие людей. Я стала подниматься по ступенькам. Перил не было, отчего приходилось быть особенно внимательной и осторожной. Здесь и, вправду, оказалось полно крыс. Являвшие собой реальность, а не миф, они разбегались в стороны из-под моих ног. Их спины, такие же серые, как и все вокруг, мельтешили, выхваченные световым ореолом моего фонарика, оставляя на порошках и боковых стенах резко увеличенные контрастные копошащиеся тени. Время было вечернее, на улице уже стемнело, да вдобавок все небо заволочло тучами. Так что фонарик оказался очень кстати. Стаи стрижей, с реактивным свистом рассекающих небосвод, залетных ласточек и голубей, сидящих на подоконниках, крыс, уделяющих дом изнутри, придавали атмосфере какую-то загадочность и таинственность.

Я малость побродила по квадратным комнатам, манящим своей серо-белой пустотой – для этого мне пришлось аккуратно ступать среди цемента, шаря фонариком по полу из-за страха провалиться в какое-нибудь канализационное отверстие, из любопытства заглянула

в пару оконных проемов на этажах. И постепенно добралась до самого верха, не найдя и намека на граффити ни на одной из стен.

На крыше, построенной лишь наполовину, оказался прочный каменный парапет. Подойдя к нему, я посмотрела в сторону своего дома: освещенная людная мостовая, яркие рекламные вывески, фонарные столбы, машины, автобусы. До чего же все это выглядит милым, добрым, манящим и родным, когда находится так далеко! И тут мне в лицо ударили хлесткие капли дождя. Я молниеносно раскрыла над собой прозрачный зонт-купол, и свет далеких окон стал мерцать сквозь потоки воды золотыми новогодними шарами. Огни уличного освещения и вспышки трамвайных разрядов, роняющие грозди искр среди паутин проводов, отразились бликами от моей мокрой черной клеенчатой ветровки.

Сверкнула молния, загремел гром. В воздухе сильно запахло озоном, пылью, мокрой побелкой и бетоном. Словно технички во всех подъездах города в одночасье затеяли влажную уборку...

Блестел черный асфальт, светились булькающие лужи. Я не могла стронуться с места, а ливень все хлестал и хлестал, сметая с крыши голубиный помет, с тротуаров – мусор, с души – грязь.

Многие из заброшенных зданий нашего города находятся в активном процессе возведения – в таких домах лучше не показываться: опасно, да и могут штрафануть. Уличная детвора так и норовит свернуть там себе шеи. Еще у нас есть старинные заброшенные развалины – останки советских тюрем и колоний-поселений. Мрачноватое место, притягивающее всякий сброд. Там тоже делать нечего. А вот в атмосферу замороженных долгостроев окунуться, определенно, стоит. Остовы строений, словно горы, выступающие из дымки, видны отовсюду, и расстояние до них на глаз не определишь. Обживают они обычно либо бродягами, либо руфферами.

Постепенно мое основное обиталище переместилось из ненавистой моему сердцу трехэтажной «сталинки», где я прописана, сюда, на шестнадцатый этаж – на крышу одинокого вольнолюбивого дома, продуваемого всеми четырьмя ветрами. Теперь, стоит только мужу уехать в служебную командировку в Москву, отправиться в очередную горную экспедицию, или даже просто отлучиться в научную библиотеку по делам, как я тотчас надеваю джинсы, ветровку, зашнуровываю берцы и выметываюсь из квартиры на стройку! (В рюкзаке у меня впритирку с «перекусом» лежат одновременно и солнцезащитные очки, и зонтик от дождя, а отдельно в накладном кармашке сбоку книга, ручка и блокнот – так, на всякий случай.) Правда, порой на меня накатывает неумолимое желание уединиться даже в том случае, если супруг находится дома – сидит себе где-нибудь за чертежным столом неподалеку. И тогда я тихонько «отпрашиваюсь» у него прогуляться, чтобы нарвать зверобоя с душицей или каких-нибудь других трав, а сама сворачиваю с тропинки, так и не дойдя до леса, и, наскоро перебежав шоссе, окунаюсь с головой в мир строительного сюрса...

И вот я все лежу и лежу себе наверху многоэтажки, задумчиво глядя по сторонам: то вниз и вдаль – на проезжающих мимо машины и вечно спешащих по делам людей, то вверх – на тревожное небо с угрюмо бегущими куда-то облаками и изредка пролетающими галочками самолетов. Лежу и словно растворяюсь в тихом мире, одна-преодна на всем белом свете, охваченная неизвестно откуда взявшимся счастьем, изысканным, точно предвкушение полета. А вокруг – ни души!

Голуби уже привыкли ко мне и сами подлетают, раскрывая доверчивые клювы, курлыча, курлыча...

Крысы – ниже живущие соседи – проворно выхватывают у меня добычу, уносят ее куда-то во тьму, в норки, и незамедлительно возвращаются за новой порцией. А, насытившись, довольно трутся мордочками о мои берцы.

Часа через четыре я, довольная, прихожу домой, предварительно купив на рынке у бабушек несколько свежих вязанок лекарственных растений.

И так пошла-поехала, так потекла моя двойная жизнь...

– Ты не знаешь, где мои старые спальные мешки, который я брал на плато Путорана? – спросил меня как-то Эрик. – Ну, те, что списаны за негодностью?

– Так их у нас еще в прошлом году на даче украли, – невозмутимо соврала я в очередной раз, как ни в чем не бывало.

Оба спальника были едва ли не единственным... *реквизитом человеческой жизни*, принесенным мною в заветный тайник на случай резкой перемены погоды. С ними я смогу проводить прохладные ночи на крыше, в то время как муж долбит кайлом горы где-нибудь в тысячах километрах отсюда. Вернее, не сам долбит, а только руководит...

Ах да, забыла представиться! Зовут меня – Конкордия. По мужу я – Эрикссон, по отцу – Зимоглядова. Мне чуть больше двадцати лет согласно новому, медицинскому удостоверению личности, выданному ВОЗ после успешного завершения процедуры увеличения продолжительности жизни, и чуть больше пятидесяти согласно старому российскому паспорту. Омолодиться мне помог Эрик, эмигрировавший в Россию задолго до Мирового Исхода 2035 года: однажды повстречав нас с мамой на юге, именитый ученый взял, да и увез меня в Заполярск – нынешний New-Land, один из северных захолустных городков, которые в преддверии Мировых Катаклизмов власти отдали предприимчивым и зажиточным мигрантам, получившим статус беженцев. Так Карелия, Мурманская, Архангельская области и Коми стали заново отстраиваться силами приезжих из Хельсинки и Глазго, Упсалы и Осло, Анкорриджа и Рейкьявика...

По правде говоря, поначалу я боялась уезжать так далеко на Север, думая, что начавшееся Всемирное Потепление не коснется тех краев, и я там попросту заледенею. К тому же мать тогда сильно переживала, что у нас могут экспроприировать, ссылаясь на отчаянное положение в стране, то, ради чего стоит жить – наследство, право на которое мы с величайшим трудом восстановили. Опять же: восстановили благодаря Эрику. Я говорю о заповеднике Вольные Славены, в прошлом запущенном и нуждавшемся во втором рождении. Эмигранты, как объяснил тогда моей матери прежний губернатор – наш хлеб, и закон отныне на их стороне. И если, мол, они предложат российским банкам достаточно золота, то им разрешат вырубить какой угодно лес и построить на его месте десятки мотелей да пансионатов, превратив горные плато и морские побережья в фешенебельные курортные зоны. Глупые, недалёковидные политики!

Ну и кому нынче нужно золото, на которое ничего купишь за рубежом? Так и не втянув Русь-матушку, присоединившую к своим владениям славянские территории, в затевавшуюся было Третью Мировую войну, все флаги мира навсегда пожаловали в гости к нам, за граница вымерла! И образовалось новое государство – Единый Союз Ассимилированных Диаспор. Ибо уже третий десяток лет в Америке, Европе, Азии и Австралии бушуют, не прекращаясь, торнадо, наводнения, землетрясения и вулканы. Нефтяные вышки рухнули, рудники обвалились, а горизонтальные сланцевые шахты, затопленные водой, сползли в широкие карстовые провалы, на дне которых теперь булькают ядовитые горячие гейзеры.

Итак, я отправилась вместе с мужем в Заполярск, и была крайне удивлена тем, что там стоит такая же духотища, как и у нас на Кубани. А Эрик оказался человеком во всех отношениях положительным и респектабельным, и с ним я почувствовала себя, как за каменной стеной. Что ни говори, он здорово помог нам, благодаря своим исключительным связям в мэрии, Министерстве природных ресурсов и Министерстве внешних экономических связей – мы с матерью отстояли-таки право на родовое поместье. И в благодарность за это я отдала настойчивому доктору геолого-минералогических наук Эрику Эрикссону руку и сердце. В конце концов, ради спасения родной земли и жизни не жалко, не то, что там руки какой-то! Тем более что Эрик красив, гибок и изыскан, словно холеный кот: точеный профиль, большие кошачьи серо-голубые глаза, вкрадчивые и обволакивающие манеры. Походка бесшумная, а кисти рук

белые и мягкие – скорее, как у писателя, нежели геолога. Бородка и седые пряди в темно-русых волосах напоминают о портретах выдающихся умов, коими бывают увешаны по обыкновению ученые аудитории...

Словом, выгодная партия, удачное замужество. Но отчего ж тогда в душе у меня навсегда поселились леденящая душу тоска и вакуумный холодок пустынной лунной безжизненности? Лишь моя подруга Наташа Миротворец, с которой я познакомилась, лазая по крышам, скрашивает мое одиночество – не считая бродячих кошек и собак, конечно. А скучая вдаль от заповедника, где у нас мамой размещены питомники редких млекопитающих и птиц, я становлюсь рада даже крысам. Общего у меня с ними оказалось ничуть не меньше, чем с вольными стрижами.

****

Поодаль от гаражей находится автостоянка. И вот однажды, в очередной раз любуясь обзором сверху, я вдруг обнаружила, что дежурный сторож из смотровой будки, расположенной примерно на уровне третьего этажа, уже давненько знает о моих посещениях стройки и частенько замечает мою фигуру, одетую в коричневое или темно-серое, спешащую по неровной земле и исчезающую среди железобетонных плит. Возможно, впоследствии многое из произошедшего и не случилось бы, будь я и вправду одна на всем пустыре, или если бы будка охранника не возвышалась над пустынным ландшафтом, или если бы сторожу не было скучно одному, в обществе бутылки и собаки, или если бы... если бы...

Но обо всем по порядку.

Итак, я не ошиблась в своих опасениях: спустя некоторое время сторож автостоянки остановил меня – спешащую на шестнадцатизажку – осмелившись выйти мне навстречу и не побоявшись при этом покинуть пост. «Этот добренький старичок сильно смахивал бы на деда Мороза своим розовым лицом, – подумалось мне, – не будь оно поджарым и волевым». И уж очень он как-то притворно удивился тому, что лицо, случайно заинтересовавшее его – это женщина, а не парень.

– ...А я-то вижу: бейсболка, одежда какая-то мужская, прически не видать! – оправдывающимся голосом проговорил сторож. – Ну, думаю, малый, как пить дать, преступника какого-нибудь в мертвом доме укрывает – дружка там или родственничка. Еду ему то и дело носит...

– Ну, может, я-то как раз беглого каторжника и прячу, – хитро усмехнулась я, – считаете, дамы на такое не способны?

– Э-э-э, нет, – отмахнулся старичок, – по тебе сразу видно, что не водится за тобой такого греха. Ты для меня ясна, как стеклышко.

– ...из чего следует, что все мужчины непроницаемы, а женщины, видимо – нет! – иронично заметила я. – Тогда для чего же вы меня окликнули, приняв за мужчину? Думаете, молодой человек – вот так вот запросто и ответил бы на все ваши заковыристые вопросы, признался бы в содеянном?

– А я бы и не стал спрашивать, – в тон мне сказал сторож, – я бы так, покурить стрельнул. Ну а сам, между делом, попытался бы всю правду-матку по глазам прочесть. А там, кто его знает: пробрался бы в дом как-нибудь, подсмотрел бы...

– ...вызвали бы полицию, – насмешливо перебила я его, – вот что, дедуля! Думаю, вы уже давным-давно пробрались в дом и все осмотрели, разведали да вынюхали. А сейчас из чистого любопытства пытаетесь мне болты вкрутить. Разве не так? Может, скажете все-таки, что вас на самом деле интересует?

– Да стар я уже, дочка, – внезапно посерьезнев, сказал дед, – артрит у меня. Сил моих не хватит ни в грязь лезть, ни по плитам карабкаться. Шучу я: знаю ведь, что помыслы твои

не имеют под собой ничего дурного. Какие там еще тайны? Просто слежу отсюда, как бы маньяк какой за тобой не увязался следом, – с печальной улыбкой добавил он.

– Ну, тогда, может, поведаете мне, зачем я, по-вашему, я хожу на стройку? – слегка сбитая с толку словами деда, растерянно спросила я, махнув рукой в сторону незавершенного дома.

– Да мало ли, зачем, – уклончиво ответил он, – видимо, тебе там нравится шастать просто так, без дела. Сказки, небось, какие сочиняешь...

– А вот и не угадали! – воскликнула я. – Не сказки сочиняю, а картины пишу! – немедленно соврала я, совершенно неожиданно для себя. Мне стало как-то жутковато от проницательности деда, который понял мое душевное состояние и был не слишком уж далек от истины, – я в академии художеств учусь, – и мне задали написать панораму: «Вид сверху».

– А-а-а, – с пониманием протянул старичок, – ну тогда ты правильное место выбрала! На крыше тебе никто не помешает. Это не то, что с моста рисовать! Ну а мольберт-то там? – поинтересовался пытливым сторож, указав рукой, в которой звякнула связка ключей, на верхние этажи «моего» дома.

– Да, я его под кафельной плиткой все время держу.

– Ну смотри, дочка, плотнее закрывай его и прячь получше, чтобы дождик не намочил. А мне пора на вахту, – еще раз тряхнул связкой сторож, – а то я заперся снаружи, а вдруг шофер какой приедет... Ну, удачи тебе!

Старичок засеменял обратно, а я, глядя ему в спину, с удивлением подумала, как порой не просто судить о людях. Взять хотя бы этого сторожа. Раньше мне приходилось встречать его в городе – даже в трамвае, бывало, вместе ехали. И всякий раз при этом я с интересом разглядывала его, точно загадочную магнетическую личность, пытаюсь представить в своем воображении, кто он такой. И до тех пор, пока дед не раскрыл рта, мне казалось, что это бывший полковник в отставке, прямой и властный. Или, может быть, ученый, мыслитель, вроде Курчатова или Кюри. А тут заговорил – и оказался деревенским хитрецом с подковырками. Возможно, это длительная работа в цеху на штамповке сделала его таким стройным и жилистым. Ведь ни для кого не секрет, что порою высокие станки, за которыми не надо гнуть спину, способствуют выправке. А еще также не секрет, что иногда простые заводчане оказываются умнее и одухотвореннее интеллигентов...

Забегая вперед, замечу, что, пытаясь прочесть сторожа, я попала пальцем в небо: впоследствии он сыграл огромную роль в свалившихся на мою голову приключениях. Но мой рассказ только начинается – все еще впереди.

А пока, после нашей короткой беседы, магнетизм старого незнакомца безвозвратно улетучился вместе со шлейфом таинственности. Прав оказался он: сочиняю я сказки!

Я поплелась наверх, «к себе», слегка расстроенная тем, что место моего времяпрепровождения раскрыто, сегодняшнее одиночество скомкано, и что в эти часы я вряд ли надолго задержусь на крыше, зная, что чьи-то любопытные глаза за мной наблюдают. Но постепенно ровное гармоничное настроение привычно взяло надо мной вверх. В конце концов, сообразила я, поскольку на той автостоянке работают четыре человека, то отнюдь не всегда мой приход будет совпадать с дежурством настырного деда. И совершенно неожиданно мне вдруг захотелось время от времени махать старичку рукой, приветствуя его по дороге на стройку.

Не умирай!

– Этьен, – кричу я, из-за ветра и шума дождя с трудом слыша собственный голос, – Этьен, подожди, стой на месте! Не выходи из поля, пока я тебя не зафиксирую!

– Конкордия! – обрадованно произнес гитарист, не обращая внимания на мои слова. – Вот здорово, что ты опять здесь! Нет, пожалуй, сегодня слишком сильный ливень для обычного человека – ты чего пришла без зонта? Дай-ка я тебя укрою, иди сюда, – и протянул руки, готовый шагнуть мне навстречу...

– Стой, где стоишь! – ору я, делая отталкивающие движения ладонями, и невольно морщусь: капюшон слетел с головы, острые капли неистово хлещут меня по лицу, мешая следить за показаниями приборов.

– Не понял. Что это ты такое забавное вытворяешь? Для чего все эти датчики? – растерянно, точно спросонья, вымолвил Этьен, продолжая медленно двигаться ко мне и широко улыбаться. Мои слова еще не успели дойти до него, как следует.

Я в душе негодую: вдруг ливень неожиданно прекратится, и мой друг сейчас растворится прямо у меня на глазах – я этого больше не вынесу. Но к счастью, гитара музыканта съехала с его плеча и повисла на ремне, путаясь под ногами и мешая пройти. Это заставило его остановиться.

– Ой, а где это мы? – Этьен с удивлением огляделся по сторонам. – На крыше?

– Вот, держи! – мгновенно реагирую я и чуть ли не в лицо кидаю другу *игнинопояс*. – Давай надевай живо, не тяни! Все вопросы потом.

Этьен ловко увернулся от удара и обеими руками поймал довольно массивное, необычное на первый взгляд, устройство, невольно выпустив при этом гитару. Та шлепнулась в лужу, издав приглушенный стон всеми двенадцатью струнами.

– Что за дикая португеза? – совершенно никак не реагируя на мою серьезность и нетерпение, спросил Этьен с блаженной улыбкой на лице. – Сейчас модно перепоясываться такими вот игрушками? Это твой подарок мне? – мужчина повертел в руках сложную конструкцию из кожи, стали, углеволокна и медной катушки, пытаясь рассмотреть со всех сторон.

И вдруг громко расхохотался.

Похоже, мое вторжение в магнитосферу сына Шаровой Молнии каким-то образом подействовало на его мозг и затронуло центры возбуждения. Или, может, это своего рода эйфория – реакция на дождь и гром?

– Да одевай уже, – более спокойным тоном говорю я, – только предварительно отключи свою дику балалайку. Хотя бы на время.

Я указала на бесконечно длинный шнур, уходящий в черноту тучи.

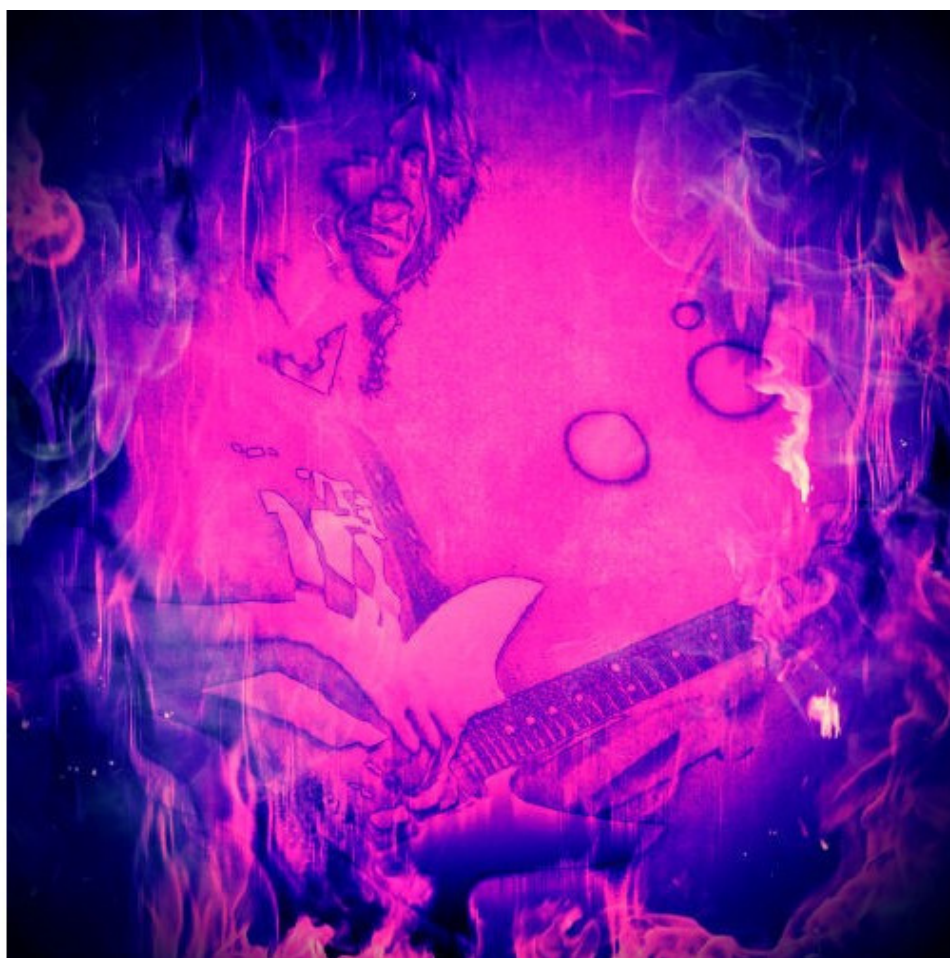
Слова об инструменте наконец-таки привели Этьена в себя.

– А почему ты не хочешь слушать музыку? – серьезно спросил он, зная, что я, по обыкновению, с удовольствием вникаю в его лирические Темы.

Продолжая смотреть на меня, Принц Грозы послушно стал оборачивать пояс вокруг талии.

– Да нет же, Этьен, пойми... – начала я, прекрасно понимая, что без подпитки разрядами молниевой музыки гитарист не проживет и минуты, – сейчас не подходящее время, чтобы...

Но тут оба конца игнинопояса соприкоснулись, раздался щелчок на пряжке, и ослепительное шаровое пламя – серебристо-голубое по краям и темно-синее в середине – куполом накрыло мужчину. Этьен оказался заключенным внутри сияющей электрической клетки вместе со своей гитарой, лежащей у его ног. Он поспешно огляделся, ощупал ладонями тугие стенки купола, постучал по ним пальцами и пощелкал ногтями. Снаружи прогремел звук дзынькающего хрусталя.

– Отключи гитару! – громко повторила я, указав пальцем на шнур, который теперь вырос-
тал из конической вершины купола, точно блестящий шпиль.

Но мои слова потонули в шуме дождя, так и не проникнув сквозь плотную оболочку. Я перешла на крик.

Принц Грозы нахмурился, стараясь по моим губам прочесть сказанное. Я увидела это отчетливо, поскольку электрический купол хорошо просвечивался. Абрис музыканта имел тонкие карандашные очертания, светящиеся в инверсионном изображении. И каждая его черточка, от белых насупленных бровей до бледных складок на тонких пальцах, непрерывно перемещалась по синему полотну, точно в рисованном мультфильме.

В конце концов, Этьен догадался отключить инструмент, дернув за светящийся шнур, который тотчас укоротился до обычных размеров.

Купол рассеялся, а я, успевшая отбежать подальше от высоковольтной сферы, возвратилась и протянула своему другу руку.

– Вот теперь здравствуй, – сказала я и победно улыбнулась, не в силах сдержать радость от удачного воплощения собственной идеи и приятного ожидания триумфальных почестей со стороны Этьена – в виде комплиментов и прочих эмоциональных излияний.

– Но что это было? – недоуменно спросил музыкант, и тут его осенила догадка. – Ты? Это все ты устроила?..

Этьен начал лихорадочно соображать, а я, наблюдая за его ошарашенным лицом, быстро убрала провода, антенну, трансформатор, мембраны и прочую аппаратуру в карбоновый кейс.

– Выходит, ты меня своею волей вызвала из плазменного мира космоса, в котором я дремал? – наконец заключил Этьен.

– Да, – весело ответила я: мне стало смешно из-за растерянности мужчины, – вызвала и стабилизировала. Ты больше никогда не развоплотишься, Этьен! Так что теперь ты – моя игрушка, и прощай, свобода! – рассмеялась я.

– Но как? – слегка удрученно проронил музыкант, видимо все еще пребывая в состоянии шока и так и не осознав до конца, что произошло.

– Все очень просто. Помнишь, как в прошлый раз я записала твою музыкальную Тему сначала на телефон, а потом на ферромагнитную ленту?

Этьен промолчал, продолжая таращиться на меня.

– Так вот, – радостно тараторила я, – мне удалось создать наложение двух родов колебаний – звуковых и цифровых – в едином магнитном поле, и затем воспроизвести полученный аудиофон как запись последовательных электрических импульсов. Причальная мачта, которую ты видишь на этой крыше, сыграла роль антенны и сенсорного датчика, а...

Но не успела я договорить, как Принц Грозы вскрикнул, точно его внезапно обдало кипятком, и, что было силы, стукнул кулаком по металлическому парапету крыши. Гроздь искр вырвалась из-под его руки и растаяла где-то далеко внизу слабыми огоньками салюта.

– В чем дело? – возмутилась я, не понимая, какие именно мои слова могли так дурно на него подействовать.

Вместо ответа Этьен лишь глубоко вздохнул, плотно сжав губы, скривил мрачную мину и сердито тряхнул косматой головой. Он явно не спешил меня благодарить. Как будто я оказала ему медвежью услугу, а не продлила жизнь.

– В общем, Этьен, моя сказка сбылась, – попытожила я куда менее радостным тоном. – Когда твоя мать, Шаровая Молния, высоко в небе услышала знакомую музыкальную Тему, то она немедленно откликнулась на мой призыв и выпустила в мачту весь свой заряд! В результате между всеми этими проводами, в поле-ловушке возник ты. А может, это простое совпадение, и она тут и вовсе ни при чем...

– Но как?.. – снова повторил Этьен тихо, вяло и безжизненно. И, оборвав себя на слове, нервно вздохнул.

– Что как? – не поняла я.

– Как ты могла?! – разочарованно и с непонятной мне болью в глазах в третий раз повторил он. – Как ты посмела!

– Что?! – только и смогла выдохнуть я.

И это называется «спасибо»? За то, что я терпеливо и молча сносила все его душещипательные бредни о мифической Глории?! Или за то, что я отважилась рискнуть и приблизить его мечту на шаг к реальности?! И даже более чем...

Может, Этьен все еще не осознал, что у него теперь в запасе достаточно времени на поиски своей возлюбленной? Ведь я толком не объяснила...

Я стояла, тяжело дыша, чувствуя гнев, злость, обиду, растерянность, вину. В глазах Этьена не промелькнуло ни малейшей искорки благодарности мне или хотя бы сочувствия. Он застыл, точно зомби, с мрачным и неподвижным лицом, продолжая повторять полупшепотом одну единственную фразу: «Как ты могла...», и глядеть при этом куда-то в сторону, точно меня и не существовало вовсе. И сколько я не теребила его за рукав, в эту минуту мне не удалось от Этьена ничего добиться.

Дождь перестал идти, небо резко начало светлеть, расчищаться, и гитарист сперва перевел взгляд вверх, на чистый голубой лоскут, затем глянул на меня с каким-то неприязненным скептицизмом, а после – опустил глаза на четырехлучевую звезду пряжки на поясе. Руки его напряглись, и, еще раз стрельнув в меня глазами, он решительно принялся разъединять клеммы – отключаться от питания.

«Все, – подумала я, – надоело! Наша дружба окончена».

Только я не буду отворачиваться! Принципиально. Каким бы мучительным твое развитие не было.

И вдруг солнечный луч упал на пряжку, заставив ее сиять и отбрасывать множество зайчиков на наши лица. Этьен замер и медленно поднял голову. Лицо его внезапно просветлело: огромная золотая сфера торжествовала над нашими головами, напоминая о себе всякому мрачному гордецу и заставляя даже самых замкнутых людей на свете щуриться и улыбаться, глядя в стороны или вниз – на бесчисленные сверкающие пряжки, заклепки, витрины, зеркала, алмазы и мириады капель на траве или асфальте.

– Что ж, придется тебе еще соорудить для меня и солнечную батарею, – несколько натянуто улыбнулся Этьен, однако его взгляд стал куда более дружелюбным.

– А тебе придется иногда защищать глаза тонированными стеклами, – в знак примирения предложила я, сообразив, что Этьен уже несколько минут непрерывно взирает вверх, на солнце, не отрывая глаз, – этот свет слишком ярок. К тому же, ты наверняка видишь его впервые.

Тот отрицательно махнул головой, продолжая смотреть, не мигая.

– Сетчатку сожжешь, Этьен! Очнись, – снова повеселев, повторила я, – у меня прекрасные, солнцезащитные очки, марки Polaroid. А еще есть рейнбановские, летно-лыжные – так что выбирай любые.

– Благодарствую.

Сие означает «отвянь».

– Этьен, это Солнце – оно что, напоминает тебе твою маму? – вдруг сообразила я.

– Когда в космосе, – вместо ответа проговорил Принц Грозы, устремив взгляд на горизонт, – две Галактики повздорят между собой, то они, разбежавшись в разные стороны, мчат навстречу друг другу с огромной скоростью, стараясь при сближении вытеснить свою противоположность с очерченной дуэльными правилами территории. Они сталкиваются с такой силой, что возникает взрыв и появляются на свет очередные светила. Это очень похоже на процесс любовного соития, при котором в атмосфере Земли вспыхивают электрические разряды и формируются существа, подобные мне. По сути дела то же самое. В космосе полным-полно подобных Шаровых Молний, чей свет по яркости в сотни раз превосходит сияние Солнца...

– Прости, я не подумала, что...

– ...но они живут только один раз и очень медленно умирают, – продолжал Этьен, – понимаешь, они не рождаются заново, как рождаюсь я под воздействием огневой мощи моей темпераментной *мама*. А сейчас я вот даже родился без нее, как бы от искусственной Молнии, и это... больно, – тихо сказал он, – но ничего, уже прошло.

Я обняла мужчину.

– Прости, – повторила я, – я и не предполагала ничего такого. Тем не менее, надеюсь, твоя мама еще будет гордиться тобой... Погоди! А у других Молний или звезд тоже, наверное, есть сыновья, вроде тебя?

– Конечно же, разумеется! Вселенная велика. Я думаю, – лицо Этьена стало очень серьезным, – что даже здесь, на Земле, поблизости, в каких-нибудь двухстах шагах от нас, могут находиться создания, подобные мне. И тебе здорово повезло, что ты именно меня вызвала. Ведь мог явиться другой, и что тогда? Какие бы у него возникли намерения по отношению к тебе за то, что ты нарушила его покой? А вдруг он оказался бы агрессивным и опасным?

– О Небо, какая же я все-таки легкомысленная дура! – воскликнула я, ужаснувшись: от слов Этьена в моем воображении сразу нарисовались картины испепеления меня светящимися членистоногими волосатыми монстрами. – Какое счастье, что ты не агрессивен, Этьен. Ты самый лучший друг на свете! – и я с восхищением посмотрела снизу вверх на Принца Грозы.

– Ну еще бы! – улыбнулся он мне, – ведь у злобных маньяков вряд ли найдутся подруги, подобные тебе, – и обнял меня в ответ.

– Жизнь порою преподносит нам сюрпризы, – пожала плечами я

– Короче, ты не только поэт, Коко, но и философ. Все у тебя, как на ладони, – ласково пошутил Этьен, – да и у меня тоже. Смотри: солнышки вон масенькие дробятся в лужах, братья и сестры вот этого гиганта. Видишь?

Мы стояли у каменного парапета и глядели, как Солнце медленно скрывается за домами. Этьен периодически поглядывал на игнитопояс.

– Надолго ли хватит заряда? – как бы нехотя спросил он. – Там внутри нечто вроде батарейки?

– Ага, с дозаправкой на целую неделю. Завтра в это время уже можешь снять пояс.

– Даже так?! – изумился Этьен.

– Обыкновенное зарядное устройство. Которое питается от розетки. Еще его можно зарядить от фонарного столба через выпрямитель, – объяснила я, – а затем весь ток через пуповину перетечет в тебя.

– Не знаю, права ли ты, затевая все это, – с сомнением произнес Этьен, – но, так и быть, благодарствую.

– Он повернулся и взял мои руки обеими своими. Цепь замкнулась. Я ощутила легкое электрическое покалывание.

– Я считаю, что ты должен найти ее, – тихонько произнесла я, глядя музыканту прямо в глаза.

– Глорию? – вздохнув, Этьен отвел взгляд.

– Да, – мягко ответила я, – для этого я тебя и стабилизировала. Я хочу, чтобы вы встретились. Для начала хотя бы при солнечной погоде.

– А зачем? Стоит ли?..

– Затем, что она тебя ждет, – непререкаемым тоном подтвердила я.

– Разве? – с удивлением в голосе вымолвил мужчина.

– Конечно! Ты же в нее веришь. Даже меня заставил поверить, хотя мне все это кажется таким... призрачным. Словом, если она существует, то она тебя ждет.

– Но откуда... откуда ты знаешь? – всполошился Этьен. – По-моему, ты сентиментальная сказочница и все преувеличиваешь!

– О, Боги, ну это же естественно! – уверенно заявила я. – Женщины всегда ждут. Это только мужчины могут бесконечно жить мечтою, хотя, чтобы осуществить ее, достаточно перейти через дорогу.

– Но ведь если все, что приходит в голову, осуществлять, то так можно дойти и до логического абсурда! – возразил Этьен неохотно.

– Тогда для чего нужны мечты вообще?!

– А вдруг Глория уже забыла о моем существовании? – настаивал Этьен.

– Она помнит о тебе так же, как и ты о ней, – не соглашалась я.

– Но как можно совмещать несовместимое: знать, помнить – и при этом не страдать? Вот я, например, вспоминаю ее – и сразу чувствую боль, – с упоением, высокопарно произнес Этьен, точно смакуя собственное страдание и любуясь им со стороны, – но ведь она-то не страдает, потому что не способна. Я-то это *знаю*!

– Просто у нее другой характер, – слегка насмешливо произнесла я, – она сидит на полянке и хохочет: «И чего этот дурачок Этьен мучается и никак не соизволит прийти ко мне?»

– Серьезно? – порывисто воскликнул он, вспыхнув глазами.

– Да!

– При этом ее светлые кудряшки так смешно выбиваются из-под косынки и падают на курносый веснушчатый нос... – мечтательно и блаженно улыбнулся Принц Грозы.

– Но когда-нибудь она все так же, *не страдая*, всерьез сочтет тебя дураком, – наставительно заметила я, – и забудет, вот увидишь! Потому что ее терпение лопнет.

Этьен резко повернулся ко мне:

– Хорошо, я найду ее, – решительно произнес он, – пусть будет так.

– И тогда, возможно, благодаря стараниям Глории, сбудется мечта всех отчаявшихся женщин на свете, – нарасспев добавила я, – ибо, как только она заразит своим оптимизмом сотни окружающих ее приятельниц, их ожидания перестанут оставаться бесплодными, потому что они плюнут на все и сами сделают предложение своим хлюпикам. Или же сменят объекты глупых воздыханий на более достойные!

– Мечта *всех* женщин? Надеюсь, это обобщение не относится к тебе? Или все же ты грезишь встретить новую любовь, кого-то особенного? Впрочем, нет, вопрос в другом: нужны ли тебе мужчины вообще? По тебе что-то не скажешь, – заметил Этьен, – тебе и муж-то незнамо зачем *даден*.

– Нет, разумеется, я имею в виду не себя, а... так, в общем. Я про мечту нормальных женщин. Если б я не была неприкаянной дикаркой, то, возможно, эта мечта была бы и моей мечтою.

– Понятно. Пусть будет по-твоему. Я найду Глорию, – повторил Этьен.

Человек-феникс

Сколько порою терпения мне требуется для того, чтобы общаться с этим несносным Этьеном! Но что еще важнее, надо быть готовым к любым неожиданностям.

Вторая наша встреча произошла недалеко от военного аэродрома, который находится возле вышеупомянутой убогой и замусоренной лесополосы, но только по другую ее сторону – рядом с границей, отделяющей американские кукурузные поля от территорий общего пользования. Я туда обычно хожу, чтобы с опушки украдкой понаблюдать за учебно-тренировочными полетами. В тот день полеты отменили из-за внезапно переменившихся погодных условий, и я, замерев посреди прогалины, стояла и мокла, замороженно слушая тихий шум морсящего дождя в сопровождении шороха желтеющей листвы.

И вдруг я увидела Его. Неожиданно возникший силуэт музыканта, который так несказанно обрадовал меня прежде, летним вечером на остановке. А ведь я даже и не думала о том, что когда-либо еще в своей жизни повстречаю его.

Однако мое сознание поразило то, что гитарист абсолютно меня не узнал и отпрянул, когда я подбежала к нему и кинулась на шею – обниматься. А мне так хотелось кричать, что за последние два месяца после того, как я с ним пообщалась, у меня совершенно изменилась система жизненных ценностей, и причина этому – наш предыдущий разговор. Мне многое нужно было сказать ему! Например, о том, что он – моя единственно родственная душа на всем свете. Но по тому, как робко и растерянно улыбнулся этот болезненного вида астенический странник с гитарой, я поняла: что-то здесь пошло не так, и энтузиазм мой сошел на нет.

– Скажи, может быть, ты все-таки узнал меня, но обиделся на какую-нибудь мою бестактность? – допытывалась я. – Или попросту не доверяешь мне?

Мужчина отрицательно помотал головой.

– Тогда почему ты не хочешь меня вспомнить? Разве ты забыл, что рассказывал мне про Нее? – в отчаянии воскликнула я, ухватившись за последнюю зацепку.

– Ты о Глории? – впервые внятно заговорил гитарист.

– Ты не говорил, как ее зовут! – я начала раздражаться. – Ты лишь сказал, что она любит танцевать среди пятнистых оленей.

– Это Она! – со значением ответил музыкант.

– А тебя как зовут?

– Этьен.

– А меня Конкордия.

– Конкордия, – повторил Этьен, – редкое имя. Я запомню.

– Не стоит! – иронично посоветовала я.

Этьен на это ничего не ответил.

– Я многое не припоминаю из своих предыдущих жизней, – спустя минуту проговорил он, – извини, но так уж я устроен: мне приходится почти все забывать. Но когда-нибудь я разучусь забывать тебя, – утешительно сказал он.

– И почему это вдруг? – усмехнулась я.

– Потому что я вообще не знаю других людей! – отрезал он.

– Но, тогда как же ты можешь рассуждать о людях?..

– Но зато о них я знаю – все!

****

В другой раз Этьен сам окликнул меня, когда я шла из магазина – без зонтика, что нередко случалось – и участливо взял из моих рук тяжелую сумку.

И как же ты умудрился вспомнить меня? – спросила я удивленно и обрадованно.

– Ты уже начинаешь процарапывать дорожки в моей душе, – ответил музыкант со значением.

– Какие еще дорожки? – не поняла я.

– Ну как это, «какие»? – искренне переспросил Этьен, возмущившись, что я его не поняла. – Точно такие же, какие процарапывает записывающая игла, нарезая их кругами на виниловом диске.

Вспомнил о виниловых дисках! Вот те на, sentimentalный музыкант прошлого века. Характер Этьена временами становился вздорным и колючим, но его трогательная простота и неповторимое обаяние так импонировали мне, что в итоге я примирительно относилась к любой его колкости.

Мы шли и беседовали. Я весело рассказывала о себе, учебе, семейной жизни со стажем почти в тринадцать лет и о наполеоновских планах на будущее. Стараясь, чтобы исповедь моя была интересной и захватывающей, я выбирала наиболее красочные страницы жизнеописания из своей памяти и соединяла в единый орнамент, опуская скучные и грустные моменты. Под конец я даже расчувствовалась и пообещала Этьену помочь обрести общество друзей и приятелей – ведь пока что я у него единственный знакомый человек.

Я рисовала перед новым другом сказочную картину беззаботного существования в райской России. Мне казалось бестактным вести речь о политике, ценах на нефть и электроэнергию, тревожных настроениях в городе, связанных с экологическими проблемами и дефицитом пригодной для проживания земли – вверх взяли привычные вузовские навыки массовика-затейника и небольшой стаж работы в должности гида нашего заповедника. И потом, я ведь в то время еще не планировала стабилизировать Этьена, так зачем ему знать печальную правду о нашей реальности? Тем более что он – существо тонкое, живущее фантазиями, а не настоящим. Которое, к тому же, вспыхивает, как лучинка, и через пять минут гаснет, напрочь забывая обо всем, что увидело и узнало.

Этьен слушал молча, почти равнодушно и рассеянно, лишь изредка переспрашивая меня о чем-либо. И постепенно я заметила, что он акцентирует внимание в моем рассказе именно на том, о чем я не договариваю. Ну и еще на кое-каких деталях, касающихся исключительно моей нескромной персоны.

И тогда я вдруг почувствовала себя маленьким ребенком, и мне от этого стало не по себе, но вместе с тем так хорошо и тепло, как никогда на свете.

Мутные капли игриво подпрыгивали в лужах, порождая концентрические круги. Теплая дождевая вода приятно омывала мои щиколотки, оставляя в шлепанцах щекочущий ступни песок.

– Ну, мне пора, – проговорил Этьен, так и не дойдя до моего подъезда.

И тут я кинулась к другу на грудь (он был высок настолько, что я едва доставала до его шеи) и прижала его к себе крепко-накрепко, прочно сцепив пальцы под гитарой. Я готова была так стоять целую вечность. Но помнила наш уговор не видеть его развоплощения, и мне стоило больших усилий разжать руки, быстро выхватить у Этьена свою сумку, резко отвернуться и убежать.

Мне так хотелось, чтобы он никогда не умирал!

– Я всякий раз гадаю: встречу ли я тебя еще хотя бы раз в жизни или нет, – сказала я ему однажды.

– Встретишь, если захочешь, а вообще, никогда не думай об этом заранее, – безмятежно мудрствовал Этьен.

Мы сидели на мокрых порожках Центра научно-технической информации.

– Но почему ты всегда встречаешь именно меня?

– Наверное, потому что редко кто любит рассматривать дождь, стоя на улице без зонтика и поднимая лицо к небу. А может быть, по какой-нибудь другой причине? На свете существуют закономерности и всевозможные хитросплетения, не подвластные нашему пониманию.

– Я не всегда гуляю без зонтика, я просто люблю рассматривать небо. Причем, независимо от того, идет дождь или нет.

Вдруг Этьен неожиданно рассмеялся.

– Ты чего? – опешила я.

– Сейчас моя любимая летная погода, – глумливо произнес он.

Это прозвучало настолько заразительно, что я не выдержала и тоже рассмеялась вслед за ним. И так мы хохотали и хохотали, словно два идиота, вперившие взор ввысь, вымокнув до нитки, но зато вооружившись водоотталкивающими очками новейшей разработки (где и как Этьен сумел раздобыть их, для меня осталось загадкой). Но потом смех куда-то улетучился.

– Мой отец летал и не в такую погоду, – почему-то вспомнилось мне.

– А на чем он летал?

– Последние годы больше пилотировал «Конкорд».

– Ну да: Конкордия, «Конкорд» ... Следовало догадаться...

– Это был его любимый пассажирский самолет, – перебила я друга, – а потом он на нем же и разбился.

Этьен дружески обнял меня.

– Так значит, в тот день за штурвалом был твой отец? – участливо поинтересовался он.

– В том-то и дело, что нет! В тот день была не его смена. Он был самым обычным пассажиром и летел по своим делам, когда произошел взрыв. После трагедии мы с мамой уехали прочь, как можно дальше от того злополучного места. Так и кочевали по странам, пока не доколесили до России. Здесь ее отчий дом. Слава Богам, что все это случилось задолго до Всемирного Потепления, а то вряд ли нам когда-нибудь еще удалось бы вернуть наше родовое имение.

Ну а потом, – горько усмехнулась я, – когда несчастье понемногу улеглось, нам неожиданно пришло дурацкое письмо, в котором какой-то сумасшедший приносил соболезнования и извинения из-за того, что это якобы он взорвал левый двигатель. Помню, как мама сердито нахмурилась, отняла у меня конверт, сказала, чтобы я не обращала внимания на чью-то нелепую выходку – после чего ушла и заперлась у себя в комнате...

Мне почему-то показалось, что Этьен вздрогнул при моих последних словах. Он провел рукою по лицу, посмотрел в пустоту невидящим взглядом и как-то задумчиво, задушевно прошептал:

– Я так ясно вижу эту катастрофу, словно сам там присутствовал.

– А, может быть, ты и вправду, там был?

– Не знаю. Но я все обязательно вспомню, уточню, выясню. Спрошу у матери. Понимаешь, эта трагедия случилась в год и день моего рождения.

– Быть того не может? – ошеломленно проговорила я. – Как? Но... сколько же тебе лет?

– Трудно сказать, не считал. Но знаю точно, что я гораздо взрослее тебя. Да-да, не одна ты можешь выглядеть на тридцать с лишним лет моложе своего возраста без хирургических подтяжек, – игриво улыбнулся он на мгновение и тотчас снова сделался серьезным, – дело в том, что, рождаясь и умирая, я пересекаю множество миров, где время течет по-разному.

– Значит, с каждой нашей встречей ты становишься все старше и старше меня? – мне вдруг сделалось грустно...

– Перепады во времени случаются крайне редко. А в последние годы временных скачков и вовсе не было, так что наша разница в возрасте постоянна и не изменчива. И скорее всего, так и будет впредь.

– А что ты видел в других мирах?

– Плохо помню. Какие-то экзопланеты...

– Они не процарапали дорожки в твоей душе?

– Пожалуй, – улыбнулся Этьен.

– Однако я... я бы тоже хотела их повидать – миры, – раздумчиво сказала я, – но знаешь, вот только одна бы ни я за что туда не отправилась – одной мне скучно. Лучше с тобой. С живым.

– На самом деле, умирать – полезное занятие для души, потому что когда умираешь, то чувствуешь жизнь острее. Больше ценишь ее и дорожишь каждым мгновением, – словно в утешение мне проговорил Этьен, однако прозвучало это на редкость абсурдно и чудовищно – во всяком случае, для меня.

– А как же расставанья, Этьен? Как потери близких людей? Ты считаешь, что все это красиво и романтично?

– Расставаться надо торжественно и проникновенно, как будто навсегда. Тогда и каждая встреча будет счастливой, словно праздничный банкет.

– Брось! – взвинтилась я, не сдержав порыва. – Неужели это нормально? А ты захотел бы вот так всякий раз провожать своего родного сына, или брата, или отца?! Провожать, как на войну! Именно так я каждый раз провожаю тебя!

– Не знаю, я не думал об этом, – беспомощно ответил Этьен, разведя руками.

– Уж лучше жить на одной лестничной клетке, периодически спорить из-за общей кладовки, орать друг на друга, бить друг другу морды! Знаешь, от этого ощущения будут – острее некуда! Чем не полезные упражнения для души? Конечно, я понимаю: страшнее соседа зверя нет, но, что поделаешь? Терпеть, значит, надо, вот. Терпеть, но не умирать, тебе понятно?!... – тут я раздраженно и демонстративно отвернулась.

Когда я снова повернулась, Этьена уже не было.

****

...Так. Далее. Сообщения от 30 июля 2000 года. Нашла. Читаю: «Как справедливо замечает Associated Press, дальнейшие поиски всех обстоятельств ужасного крушения самолета ни к чему не привели, поскольку не одна конкретная ошибка, а совокупность всех имеющихся причин и факторов способствовала трагедии, случившейся 25 июля настоящего года. Возможно, именно поэтому расследование окутано тайной, и ходят слухи, что авиакомпания British Airways намеренно что-то скрывает. «Так, например, – замечает Strangest reality, – она утаивает информацию о непонятном явлении – некоем электрическом заряде, который, подобно молнии, ударил в левый двигатель. Это вовсе не обрывок проводки питания, как считалось прежде, поскольку любительская видеосъемка, фиксируемая на радиографической пленке, случайно запечатлела непонятное явление в небе – круглый светящийся объект, пронзивший хвостовую часть «Конкорда». Видеозапись велась незаконно студией, специализирующейся на порнографии, и потому была подброшена...»

Ага, здесь, пожалуй, все...

Точнее, не все, а ничего. Здесь нет ровным счетом ничего из того, что может быть хоть как-то связано с Этьеном. Никакой информации о роженице на борту самолета, обнаружении странного ребенка в аэропорту, загадочных вспыхивающих сферических объектах вблизи терминалов...

Ах, Этьен, Этьен...

Да причем тут, собственно, он? Все это бред какой-то. Впрочем, Этьен тоже самый настоящий бред. И галлюцинация в чистом виде...

Да, но если погода была ясная и летная, тогда откуда в тех краях взялась молния? Следовательно, Этьен здесь вовсе ни при чем...

И все же он со всем этим как-то связан.

Погода. Кстати, а почему бы ни посмотреть, что Gismeteo выдаст на ближайшее время?

Я лихорадочно щелкаю мышкой, которая не хочет слушаться в дрожащих пальцах... Кажется, сайт будет загружаться целую вечность...

Готово, есть. О, mein Gott! На ближайшие три недели не намечается осадков. Это значит, что за все это время я ни разу не увижу Этьена? Ну почему, почему?..

– Дорогая, что с тобой? – шепотом спросил муж, на цыпочках пройдя ко мне через весь зал библиотеки.

Я проворно закрыла вкладки и стала протирать очки для чтения, чтобы скрыть дрожь в пальцах.

– Все в порядке, Эрик. Просто материалов слишком много – мама просила скинуть ей на почту свежайшие данные о состояниях заповедников, вот и приходится отыскивать имена современных авторов да названия работ, прежде чем начать рыться в каталогах. Все, как всегда. А что такое?

– Да так, ничего. Просто я аж из-за шкафов с фолиантами услышал твой сдавленный стон. Потом смотрю, ты голову на руки уронила, вот и подумал: «Уж, не случилось ли чего?» – муж взволнованно поглядел на меня, робко улыбаясь в бороду.

– Спасибо, Эрик, все в порядке, – повторила я, выдавив ответную улыбку, – а тебе еще долго здесь корпеть?

– Последние материалы готовлю по докладу о недавней экспедиции. На тему «Редкие случаи нахождения вулканических пород в Арктике». А ты со своими зверушками скоро закончишь?.. Смотри, не переутомляйся, родная.

– Ничего. Ты иди, со мной все хорошо.

Мне совершенно не хотелось говорить с мужем об Этьене. Я уже однажды попыталась это сделать – после самой первой своей встречи с сыном Шаровой Молнии. Эрик, помнится, снисходительно усмехнувшись, положил мне руку на лоб, а затем внимательно и озадаченно посмотрел на меня:

– Ты, верно, сильно перемерзла под дождем или заснула на остановке, сидя в ожидании автобуса.

Все остальные мои попытки продолжить разговор на эту тему, постараться объяснить произошедшее по-своему, вызывали у мужа лишь раздражение. И, кажется, он начал сомневаться в моей вменяемости. Потому-то я и решила очередной раз промолчать. Вновь прикинула к монитору и принялась рыскать в интернете. Эрик, щелкнув каблуками, развернулся и пошел к выходу из секции.

И тут вдруг раздался подозрительно настойчивый стук в окно. Он повторился несколько раз, прежде чем я обратила на него внимание. За мокрым стеклом проступила нечеткая, слегка размытая, но знакомая тень Этьена. Нажав на «Завершение работы», я тотчас схватила сумку с книгами и быстро выбежала на улицу.

– Ах, Этьен, – воскликнула я, обнимая друга, – мне казалось, что ты обиделся и больше не придешь, из-за того, что я прошлый раз так разозлилась!

– Вот глупости-то! Выдумашь, тоже! Когда это ты злилась на меня? Признаться, я совершенно не понимаю, о чем идет речь!

Сие прозвучало особым, совершенно новым, беззаботным и счастливым голосом. Я взглянула в голубые глаза Принца Грозы. Лицо его восторженно сияло, точно охваченное изнутри неземным, таинственным свечением.

– Произошло нечто особенное? – спросила я, подумав об очередном чуде.

– А что, разве заметно? – радостно, почти смеясь, сказал Этьен, обнажив ряд ровных белоснежных зубов.

– Еще как! Ты сверкаешь, точно начищенный медный таз! – в тон ему ответила я и чуть было не добавила «Вы с Ней виделись?», но вовремя опомнилась, сообразив, что это не столько бесцеремонно, сколько вообще нереально. – Ну и какими новостями ты меня удивишь на сей раз?

– Глория похорошела, – ответил Этьен глубоким, переменившимся голосом, – она загорела и еще носит волосы наверх... А топик у нее спереди вымазан земляникой, – восхищенно добавил он, смеясь.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, – со значением сказал он.

«Сумасшедший!» – подумала я.

Мы не спеша пошли по узенькой улочке.

Вдруг дико завизжал высокий неприятный зуммер двухтактного двигателя, и вслед за этим нас с головы до ног окатило грязной водой из лужи. Через мгновение силуэт хулигана скрылся за поворотом.

– Да уж, лучше посадить пятна от земляники, – ворчливо заметила я вслух.

– Чего ты хмуришься из-за пустяков? – задорно сказал Этьен, видя мое недовольство. – Этому горе-байкеру теперь и самому не сладко.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

– А вот посмотрим.

Постепенно мы дошли до перекрестка и завернули за угол. Тут нашему взору открылась следующая картина: в густой мясистой грязи лежала жирная-прежирная туша рядом со своей весьма странной самопальной техникой – шестиколесным паукообразным агрегатом.

По-детски безобидная и вместе с тем обиженная физиономия усато-волосатого толстячка так меня рассмешила, что я сделала знак Этьену – мы помогли бедняге выбраться из-под навороченной конструкции и подняться.

– Простите, пожалуйста, что облил вас: я не нарочно, – изрекло существо и, к еще большему моему изумлению, вытащило из розовой дамской косметички кружевной белоснежный носовой платочек, – кстати, позвольте представиться: меня в этой жизни величают Насосом.

Вслед за платочком толстяк достал из кармана косухи и подал мне визитную карточку, где значилось: «Насос. Бригада байкеров „Ублюдки из Выборга“», и далее шли телефонные номера – клубный да персональный мобильный.

– Если что нужно будет – можете обращаться за любой помощью. Я тотчас примчусь, где бы я ни был, с любого конца земли! – басовитым музыкальным голосом пояснил байкер, бесстрашно оглядев себя и снова плюхнувшись в лужу, но уже в прозрачную, дабы смыть грязь со своего кожаного прикида. – Эх, как же неудобно будет вот таким вот маленьким батистовым платочком, подаренным мне невестой, обтереть всю мою грудь говядины.

Насос принялся елозить в луже и вертеть туда-сюда задом, а мы улыбнулись простодушному человечку с детскими глазами, помахали, и двинулись дальше.

– И как ты узнал заранее, что он поскользнется на промоине да шлепнется в грязь? – накинулась я на Этьена, едва мы отошли на несколько шагов.

Этьен, похоже, все еще пребывал в своем выдуманном счастье.

– А никак. Это я просто так сказал! – добродушно рассмеялся музыкант. – Дабы тебя хоть как-нибудь поддержать, встряхнуть, а то ты прямо-таки упала духом. А если серьезно, то и сам не знаю, как узнал. Пока не знаю. Но у меня ощущение, что этот Насос явно не тот, за кого себя выдает...

****

...Я описала лишь малую толику тех моих встреч с Этьеном, которые предшествовали его стабилизации. Всякий раз он исчезал так быстро, так неожиданно...

И появлялся внезапно, точно снег на голову.

Живым и потусторонним, маленьким и гигантским, точно целый мир, со своей скоротечной эволюцией, сгорая и возрождаясь из пепла, космической пыли и разрядов, возникал этот счастливый и блаженный, не от мира сего, человек-феникс.

Шестнадцатый этаж

– Уютно тут у Вас, – пошутил Этьен, когда мы спустились с крыши в «мои апартаменты», – надеюсь, я тебя не потесню?

Площадка была изначально разделена на четыре трехкомнатные квартиры, однако для самого примитивного обустройства даже одной комнатенки не хватало не только подвода коммуникаций, но и доработки дверных и оконных блоков. В отличие от красного кирпичного бомжатника, это здание было панельное, а посему плиты стен и потолка внутри были выбелены. Этьен без труда угадал мою обетованную келейку по выметенному полу, и лишь потом заметил стоящие в углу фанеры, заменяющие мне в ночные часы роскошные царские полаты: все-таки спать на бетоне вредно. Не сразу увидел он и спальные мешки.

– Хочешь, я создам защитный экран? – предложил Этьен.

– А что это такое? – поинтересовалась я.

– Это дар, доставшийся мне от матери, – коротко изрек он, – смотри.

Этьен выставил ладонь вперед, направив ее в сторону окна. Раздался электрический треск, и тотчас оттуда перестало дуть. Я подошла к оконному проему с опаской.

– Не бойся, – подбодрил меня друг, наблюдая за моими движениями, – я специально сделал купол безопасным изнутри.

Я поднесла палец к той части невидимого экрана, которая заменяла стекло, щелкнула по ней ногтем, и раздался мелодичный звон, подобный тому, что возникает, когда ударяют по хрустальному бокалу.

– Это защита на тот случай, если вдруг станет холодно, – пояснил Этьен.

– А ты разве озяб? – удивилась я, хотя тонкая и мокрая хлопчатая сорочка гитариста ни у кого бы не вызвала подобного вопроса.

– Нет. Еще ни разу у меня не получалось замерзнуть, – признался Этьен, улыбнувшись, – но, говоря о холоде, я имел в виду тебя.

– Благодарю, но на этот случай у меня имеется спальник. Даже два. Ой!.. – я замерла, так и не успев закончить фразы, увидев следующее.

За оком показался знакомый треугольный силуэт ласточки, который начал стремительно расти и увеличиваться в размерах.

– Этьен, – воскликнула я испуганно, – скорей уברי...

Но было уже поздно. Ласточка на полной скорости ударилась о невидимую стену и упала вниз. Этьен молниеносно смахнул ладонью экран, и я кинулась смотреть: может быть, птица сейчас заложит вираж да поднимется?

– Бесполезно. Снаружи триста восемьдесят вольт, – тихо произнес Этьен, крепко сжав мои плечи. Меня всю трясло.

– Ласточки – такие заботливые матери... – вырвалось у меня. Я хотела продолжить: «... и поэтому они не имеют права умирать, ведь их дома всегда ждут птенцы», но от волнения так и не окончила фразы.

Однако Этьен меня понял.

– Ты думаешь, у нее остались голодные детки?

– Уверена. Знаешь, в каждой женщине с ребенком есть что-то от ласточки.

– Тонко подмечено, – согласился Этьен.

– Такие красивые планирующие птицы – эти мои любимые ласточки! И стрижи...

– Птицы-самолеты...

– Сходи наверх за своей гитарой, – решила я сменить тему, – и заодно захвати мой пакет с электроприборами. Он стоит у причальной мачты.

Этьен проворно помчался на крышу.

– Кстати, Конкордия, а почему ты упорно называешь громоотвод причальной мачтой? – зычно спросил меня гитарист, спускаясь по ступенькам вниз. – Ты все громоотводы так зовешь, или только один?

– Только один. Это причальная мачта для швартовки моего дирижабля, – объяснила я, – ну, типа, то же самое, что прикол – для корабля.

– Какого еще дирижабля? – воскликнул музыкант, от удивления споткнувшись и лишь благодаря высоким перилам не угодив в пролет.

– Как какого? Разумеется, моего будущего, – беспечно ответила я.

– И на какие шиши ты собираешься его покупать? – недоверчиво проговорил Этьен. – Ты что, миллионерша? Или думаешь угнать?

– Я построю его сама, – уклончиво и в то же время упрямо сказала я, – когда-нибудь.

– Но каким образом, из чего?

– Из материалов, собранных в личном ангаре моего отца, в Нидерландах – если, конечно, там что-нибудь уцелело. Еще у меня есть кое-какие заначки из запчастей, разбросанных по всему миру после катаклизмов.

– Ох, ну и фантазерка же ты, Конкордия! – со снисходительной насмешкой, точно заботливый опекун, сказал Этьен, ставя гитару в угол и садясь на сваленные у стены доски, – в твои то годы быть таким ребенком...

В душе я сильно надулась на него за эти слова. Чья бы корова мычала! Кто бы говорил о фантазии, когда я только тем и занимаюсь, что стараюсь помочь ему реализовать его самые нелепые проекты. Глория – вот что есть чистой воды вымысел!

Я молча вытащила из чехла спальный мешок и принялась застилать доски. Этьен послушно посторонился, дабы мне не мешать, встал, а потом, догадавшись, расчехлил второй спальник. И тут его взгляд упал на лежащую между складок одеяла стопку тетрадей и альбомов.

– Ого! Это уже что-то. Создадим атмосферу творческого досуга, – весело проговорил Принц Грозы и пустил электрический разряд из ладони вверх.

Над нашими головами, повис шар дневного света, сияющий, точно комнатная портативная луна.

– А с улицы освещения не заметят, а то уже темнеет? – испугалась я.

– Нет. Слушай, а что у тебя тут за писанина в спальнике упрятана?

– Это стихи, а это рисунки: вид сверху. Панорама строек века с высоты шестнадцати этажей. Да плюс уличные подростковые граффити – наскальные исповеди. Один старичок надумил сделать зарисовки. А вот это мой личный дневник – туда нельзя. Впрочем, если хочешь, почитай, там про тебя ничего плохого нет, – шутя, сказала я, – ну а здесь фотографии.

Я уселась рядом с другом, дабы показать ему снимки и рассказать, кто из нашей семьи на каком фото изображен, но музыкант уже схватил общую тетрадь и стал читать вслух:

– *Урбанистический блюз*

*Всюду плиты, плиты, плиты,
Пыль и тени, пыль и тени,
Слой асфальтовых бисквитов
Обжигающая темень,
Слой асфальтовых бисквитов
Пожигающая темень...*

*От подвала и до выси,
От мансарды и до свай,
Где отчаянные крысы*

*Отбиваются от стаи,
Где оскаленные крысы
Отбиваются от стаи...*

*Вкус цемента, пот бетона,
Кровью труб глаза залиты.
Жизнь – лишь небо вне закона,
Остальное – плиты, плиты...
Жизнь – лишь небо вне закона,
После смерти – плиты, плиты...*

*Всюду плиты, всюду плиты...
Стройка века, ипотека...
От Москвы до Сумгаита,
От Кейптауна до Кито,
От надира до зенита —
Все для счастья человека,
Все для блага человека...*

– Да-а-а, – произнес Этьен с нескрываемым восхищением, – мне следует обязательно почитать на досуге всю тетрадь целиком, – но именно этот блюз хотелось бы услышать прямо сейчас, – друг указал рукой на раскрытую страницу, – и, разумеется, с той музыкальной темой, которую ты вложила в данный текст. Очень гармоничная композиция получилась!

– Откуда ты можешь знать про мою музыку? – опешила я.

– Про музыку я знаю все, – поучительно заметил Этьен, – причем, про любую. Но твоя особенная, Конкордия. Когда я гляжу на тебя и читаю твои стихи, то одновременно слышу мотив и вижу, как ты поешь. Может, исполнишь? – И мужчина протянул мне гитару.

– Да что ты, – испугалась я и покраснела, – я же не умею соляки на грифе лабать, как ты! У меня примитивный дворовый перебор, да и простенький голосок.

Этьен пожал плечами и принялся сам, мыча себе под нос, наигрывать мою вещь так непринужденно, словно исполнял ее уже сотни раз. И у него получалась та самая мелодия, что явилась ко мне однажды на закате, под шум крупных дождливых капель на фоне умытого алеющего горизонта и асфальта, пахнущего петрикором. Этьену удалось так красиво чередовать квадраты с интермеццо, что теперь это был уже действительно блюз, и мне не верилось, будто написала его я. Вдруг он перелистнул страницу и, перейдя к следующей теме, задекламировал в стиле хип-хоп, отстукивая бит по деке:

*Мы хотим глядеть в небо синее —
Нас пугает черный цвет,
Нас пугает смерть от бессилия
И от дыма сигарет,
Мы хотим дышать просто инеем,
А не смолью и трубой,
Чтоб фиалки пахли не ишинами,
А росой голубой.
Чтоб моря дышали, усталые,
Медленным живым теплом,
Звездами морскими, кораллами,
Мы без свежести умрем...*

Это был уже другой текст, к которому я никак не могла подобрать напев. Но Этьен свел оба произведения в одно рэпкоровское каприччо, и получилось куда лучше задуманного. От радости я захлопала в ладоши.

Выдохнув последнюю ноту, Этьен отложил гитару, затем тетрадку, и внимательно посмотрел на меня так, словно увидел впервые. Он сыграл мою композицию настолько интимно, словно вывернул наизнанку всю мою душу, и теперь я стояла под его взглядом, как под рентгеновским лучом, голая, а он все продолжал медленно сканировать и изучать меня.

– Так, а фотографии где? – тихо спросил Этьен.

– Я решила, что старые снимки тебе не интересны, и убрала их с глаз.

– Отнюдь. Покажи, пожалуйста.

Фраза была им произнесена предельно вежливо, но именно в этом и чувствовалась скрытая требовательность.

– Ладно, смотри уж, – ворчливым тоном сказала я, – я пока сбегая в ларек за снедью на ужин и завтрак. Есть-то ты хоть умеешь?

– Да, – хихикнул друг.

– Вот и хорошо. Я предпочитаю минералку, вяленые фрукты, хлебцы, буженину, копченую рыбу и кофе. А ты что?

– Да давай то же самое, – махнул рукой Этьен, – я ведь пока еще не знаю, что это за зверь такой – еда.

– Скоро узнаешь. Кстати, спиртное тебе в течение суток противопоказано. Иначе ты превратишься в говорящий молотов коктейль.

– Что ж, в принципе, догадаться не трудно, – снисходительно улыбнулся Этьен и развел руками, – а, впрочем, я его не так уж и приветствую.

– Учти, завтра солнечная погода. Тебе – рано вставать. Мы должны... Точнее, ты должен с моей помощью, – поправилась я, – разыскать Глорию до прилета моего мужа Эрика из командировки. Потому что потом мне уже трудно будет на длительное время вырваться из дому, дабы помочь тебе.

Летучие авантюристы

После ужина Этьен снова раскрыл альбом, где-то на середине, и показал на групповой снимок, пожелтевший от времени, небольшой, но очень четкий:

– Вот этот мужчина, случайно, не твой отец?

– Да, – подивилась я проницательности друга, – как ты догадался?

В альбоме не было ни подписей, ни помет, ни других отцовских фотографий, да и я пока что еще не исполнила свою роль гида по нашему семейному генеалогическому древу – только намеревалась сделать это. Но Этьен каким-то образом *почувствовал* моего родителя! А стоит упомянуть, что наше с ним сходство на этом снимке было на удивление малозаметным: волосы отца казались значительно светлее моих и намного сильнее вились, кожа была огрубевшей и загорелой, а линия рта, по обыкновению, выглядела смеющейся – папа просто не умел грустить.

– Его звали Арсений Зимоглядов?

– Да, – еще больше изумилась я.

– А вот этот пилот, что стоит рядом – мой отец, я его сразу узнал, – сказал сын Шаровой Молнии. – Увы, судьба нас раскидала по свету. Я оказался потерянным, можно сказать, заброшенным в преисподнюю, и уже сто лет как ищу его. Ты, случайно, не слышала дома от родных его имя – Иван Гейне?

Я внимательно посмотрела на мужчину, стоявшего рядом с моим отцом – высокого и шуплого. Раньше я особо к нему и не присматривалась: мало ли кто кладет тебе руку на плечо на групповом снимке. Это был суровый брюнет с сентиментальными голубыми глазами, выразительно выглядывающими из-под густых бровей, и упрямо сжатыми губами. Неожиданно мне почудилось, будто я его откуда-то знаю. Но когда и где я могла его видеть?

– Нет. Не припомню. Мне ведь еще и пяти лет не исполнилось, когда погиб мой отец, – ответила я, твердо решив про себя, что хватит чему-либо удивляться и ломать голову над загадками, – тебе лучше расспросить об этом подробно мою мать.

– Так я и поступлю, – охотно согласился Этьен, – я ведь только и помню, что небольшие обрывки из жизни обоих пилотов, заложенные во мне изначально, от природы – так называемая генетическая память. Но большей частью мне многое известно по ментальным рассказам моей матери.

– Стало быть, оба наших отца были знакомы?

– Более того, они были лучшими друзьями и никогда путешествовали порознь, – улыбнулся Этьен.

– Но чего же ты молчал все это время и прежде ничего мне не рассказал? – воскликнула я, совершенно позабыв о том, что мы с Этьеном только-только начинаем узнавать друг друга ближе.

– Да ведь я сам лишь сейчас узнал, что ты дочь Арсения Зимоглядова! Ты ведь подписываешься: «Конкордия Эрикссон», а не «Зимоглядова».

– И еще: что значит, «по ментальным рассказам матери»? – забросала я Этьена вопросами. – Мне казалось, будто ты – вроде как природное явление, так сказать, разряд, возникающий в небе при столкновении двух полярных воздушных масс – верно? То затухающий, то странствующий, и плюс, наделенный разумной материей под названием «душа» или «дух». А родители – это, если можно так выразиться, фигуральный образ, метафора, правильно? Разумеется, ты, склонный выражаться образно, упоминаешь слово «родители» в разговоре... Ой, извини, пожалуйста! – тут же спохватилась я. – То, что я говорю, это просто бестактно. Ты ведь сам только сейчас показал мне своего отца на фотографии, и назвал его имя. *Живое*, человеческое имя! А у твоей матери было имя? Право, голова кругом идет...

– Ничего, все нормально, – успокоил меня Этьен, – давай лучше уберем за собой мусор после еды и ляжем спать, – а на сон грядущий я тебе поведаю кое-что важное, касающееся наших родителей, дабы у тебя не возникало больше вопросов.

Этьен вскипятил воды для кофе – а воду он, в свою очередь, сконденсировал дистиллированную – и мы наполнили две отцовские армейские кружки, сделанные из гильз. Полиэтиленовую тару гитарист наотрез отказался утилизировать из принципа не нарушать природный баланс и без того загрязненной атмосферы. А посему мне пришлось сходить к ближайшей урне, пока он мыл миски и тарелки. Там, среди бурьяна, краем глаза я успела заметить ставшую привычной в наши дни стычку руфферов с диггерами, время от времени предпринимающими вылазки из канализации, дабы совершить очередное нападение на поселившихся в России цветных иностранцев. Но я предпочла не задерживаться на улице, таращась на разборки, поскольку желала как можно скорее узнать все недостающее о своем отце, Арсении Зимоглядове, и о родителях Этьена – Иване Гейне и леди Шаровой Молнии.

****

Этой ночью над нами светили особенно яркие звезды, которые под резкими порывами сильного ветра красочно мерцали и переливались, время от времени скрываясь за рваными клочьями облаков.

Мы с Этьеном лежали в сдвоенном спальном мешке огромного размера, расстеленном на фанерах хитрым этьеновским способом: он умудрился обе половинки молний на двух отдельных, полностью раскрывшихся, мешках зацепить общим бегунком и застегнуть в одну змейку. Получился большущий конверт. Нырнув в него и перевернувшись на живот, мы долго рассматривали альбом с фотографиями и разговаривали о загадочном прошлом. Над нашими головами низко висел небольшой светящийся шарик, окруженный защитным экраном безопасности. Я рассказывала Этьену о своем детстве, проведенном в заповеднике Вольные Славены, в лесничестве, у деда, делилась воспоминаниями об отце. Но для друга, о его исчезнувшем отце, у меня, к сожалению, необходимой информации не было.

Потом мы закрыли и отложили альбом. Наконец, Этьен убрал свет и стал мне рассказывать свою историю и историю наших предков – чего я с таким нетерпением ждала.

****

– В юности Иван Гейне и Арсений Зимоглядов вместе проходили воинскую службу в секретном французском легионе, в летных испытательных войсках, куда завербовались одновременно. Именно там они и познакомились. Оба, Иван и Арсений, считались лучшими из лучших, асами из асов, и оттого часто соревновались между собой в различных видах спорта, в том числе и в аэробатике. Вскоре они стали закадычными приятелями. Арсений и Иван летали на истребителях «Мираж», в одном звене. По очереди каждый из них был то ведущим, то ведомым. Товарищи по службе любили их и прозвали за опасные финты «Летучими авантюристами». Но друзья успешно зарекомендовали себя не только как мастера своего «ремесла». Также они открыли в себе конструкторский талант, не стеснялись проявлять инициативу на поверках и вносить дельные предложения по изменению некоторых параметров самолетов. В конце концов, ими заинтересовался некий пытливый старичок, который увидел их совершенно случайно, посетив воинское подразделение по своим делам. Как выяснилось впоследствии, «старичком» оказался не кто иной, как полный тезка и якобы внук знаменитого Анри Потеза – авиаконструктора, прославившегося еще в эпоху зачинателя французской авиации Луи Блерио. Потез-третий порекомендовал пилотам поступить в академию, получить

высшее конструкторское образование и начать заниматься серьезными разработками в современной аэродинамике.

Летучие авантюристы вняли совету, но, не найдя для себя ничего нового и полезного в современном французском самолетостроении, а также, ознакомившись с французской системой образования, предпочли начать свое обучение в Гарварде. Отслужив положенное по контракту время во Франции, Иван и Арсений пересекли Атлантику с мечтой работать в недалеком будущем в Lockheed у прославленного Клэренса Леонарда Джонсона, причем, на равных с самим Натаном Прайсом.

В конце концов, отучившись – и не только в Гарварде – а также изрядно помотавшись по Штатам, друзья попали на совершенно засекреченный полигон, где им пообещали весьма выгодную плату за отнюдь не сложную работенку. Нанимали, преимущественно, иностранцев. Везли в закрытой бронемашине, откуда было невозможно увидеть и запомнить дорогу, после чего эту же машину со всем составом грузили на паром, потом на грузовой самолет – таким замысловатым был путь к месту службы. Чтобы попасть туда, приятелям пришлось дать подписку о невыезде из США сроком на двадцать пять лет и о пожизненном неразглашении военной тайны. По молодости ли, природному легкомыслию ли, но Арсений и Иван даже не задумывались над тем, почему им предложили столь странные условия контракта. Ведь технологии, чертежи и политический курс устаревают намного быстрее.

Уже на территории полигона, в огромной долине, окруженной со всех сторон неприступными отвесными горами, друзья узнали, что дело, на которое они согласились, не совсем конструкторское, хотя и сопоставимое с их образованием. Оказалось, что в Экспериментальном Исследовательском Центре полигона, в закрытых диспетчерских лабораториях велась работа по изучению проблемы полетов в экстремальных погодных условиях. Полеты эти совершали тест-пилоты, преимущественно прошедшие школу спецназовцев или, в крайнем случае, каскадеров. Многие из них погибали, не отслужив и полугода. Но для граждан свободной страны все, что творилось в горном кольце посередине океана, оставалось тайной.

Летучие авантюристы попали именно в одну из таких лабораторий Центра. Следя за мониторами компьютеров и датчиками, они анализировали полеты, отправляли рекомендации испытателям, делали соответствующие записи в своих блокнотах, заносили данные в компьютер. Затем давали характеристику испытуемой машине, готовности ее к серийному производству, а также рекомендации по изменению тех или иных параметров: аэродинамической дальности полета, прочности и проводимости материала, отражаемости волн, затухаемости колебаний, и тому подобное. Основная цель работы данной лаборатории – лаборатории номер четыре – сводилась к тому, чтобы научиться перехватывать, сдерживать и подчинять себе скопления небесных разрядов, попадающие в фюзеляж, крылья, оперение – с намерением добывать из разрядов энергию и управлять ею целенаправленно, превращая молнии, подобно Перуну-громовержцу, в мощное оружие, однако используя при этом совершеннейшую электронную технику...

Внезапно Этьен умолк, задумавшись над чем-то, и посмотрел ввысь, на очистившееся от облаков небо. Спустя несколько мгновений он продолжил.

– Итак, сидя в диспетчерской лаборатории номер четыре, Арсений и Иван наблюдали за полетами секретных сверхзвуковых самолетов через специальные компьютерные системы. На мониторах отображались всевозможные диаграммы, схемы, координаты, записи с видеокамер, гистограммы образования воздушных масс и грозовых фронтов.

И так случилось, что друзья обнаружили одну очень странную закономерность в поведении молний в критические моменты.

Однажды, когда пилот едва не врезался в скалу во время грозы из-за плохой видимости, а предупреждающее локационное устройство, альтиметр и радиосвязь оказались повреждены, шаровая молния вовремя осветила горный утес, так что испытатель заметил его и вырулил. Таким образом, молния спасла ему жизнь.

В другой раз подобное произошло вблизи линии электропередач при скоростном сближении. Тогда белый светящийся шар попросту пережег провода пополам, и самолет пролетел прямо между падающих обрывков, не задев ни одного из них.

В третий раз помощь шаровой молнии подоспела ясным днем при встречном полете кондора. Несчастливая птица сгорела, так и не долетев до земли, но зато пилот остался жив.

В четвертый раз возникла совершенно уникальная ситуация. Экспериментальный дозправщик чуть было не сбил истребитель «F 15.5 Эос». Заправочный трос, как позже выяснилось, излишне гибкой, несовершенной конструкции, оборвался и намотался на хвостовое оперение истребителя. Руль высоты заклинило, а впереди предстояло столкновение с грозовой тучей и встречными турбулентными потоками. В хвосте начались расходящиеся вертикальные колебания – бафтинг. Вскоре весь корпус от ударов воздуха начало трясти так, что, еще немного, и он развалился бы. Тут, войдя в грозовой фронт, самолет стал стремительно сваливаться, его завертело в штопоре. Пилот изо всех сил рвал рычаг на себя, но это было совершенно бесполезно. Однако шаровая молния вновь, как всегда, появилась к месту и ко времени. Одна ее вспышка – и обрывки троса оторвались от хвоста, а пилот, выровняв машину у самой земли, вниз головой взмыл в небо.

Было также много других подобных случаев. И у всех у них проявлялась одна особенность. Та самая молния – именно та, которая не поражала технику, а спасала – возникала сама по себе. То есть не в эпицентре, где сталкивались две воздушных массы, а, скорее, в стороне, причем, во время относительного затишья. Иногда молния давала о себе знать еще задолго до грозы, а иногда – в хмурую погоду, при безветрии и мелкой измороси. В ясные же дни она вспыхивала чаще в горах, причем, даже и не думая приближаться к летному полю. Это легко можно было увидеть, если наблюдать одновременно за несколькими мониторами. Ну а слаженная работа Ивана и Арсения позволяла вести исключительно точные синхронные наблюдения, что удавалось далеко не всем ученым лаборантам, работающим парами. И, наконец, явно не простое совпадение: это всегда была не обычная молния – линейная, а редко встречающаяся ее форма – шаровая.

«А что, если перед нами вовсе не молния, а некое разумное существо, иная разновидность жизни?» – задавались вопросом Летучие авантюристы.

В результате долгих размышлений Иван и Арсений пришли к единому мнению, что шаровая молния является самостоятельной и независимой мыслящей субстанцией, наделенной состраданием и стремлением помогать людям. И если опираться на идею, что вся природа, вся материя вокруг подчинена какой-то осмысленной цели и наполнена разумом, то молния – концентрат такого разума. И, стало быть, четыре движущие Стихии природы – Огонь, Земля, Воздух и Вода – тоже разумны, их деяния отнюдь не бессмысленны и не хаотичны. Более того, эпицентры этих Стихий, сгустки или ядра, обладают мыслительными способностями, далеко превосходящими человеческие. Следовательно, Наводнение и Цунами, Торнадо и Шторм, Землетрясение и Вулкан, Шаровая Молния и Полярное Сияние – это все разумные сущности, наделенные духом и душой, а значит, из уважения их следует обозначать на письме заглавными буквами.

Летучие авантюристы решили проверить свою теорию на практике. Для этого им необходимо было напрямую вступить в контакт с Шаровой Молнией и задать ей ряд вопросов. Вскоре они нашли хитроумный способ, как это сделать.

Сославшись на необходимость проводить длительные расчеты и вычисления, Иван и Арсений стали регулярно задерживаться на работе. Они хотели сначала найти подтверждение

своей теории, запатентовать открытие, а потом уже и обнародовать его. Друзья подсоединили сенсорный датчик от процессора к громоотводу, дабы в удобный момент попытаться вступить в контакт...

– С Молнией? – перебила я рассказ Этьена.

– Разумеется, с Шаровой Молнией, – невозмутимо ответил мне друг.

– Но ведь ты говоришь, что она появлялась всякий раз неожиданно в относительно тихую дождливую погоду, если над пилотами нависала беда. Тогда получается, что для своего эксперимента Иван и Арсений нарочно выбирали возможные моменты критических ситуаций, предшествующие катастрофе, и своими действиями отвлекали Молнию от спасательной миссии, а несчастные испыталы становились козлами отпущения? Ни за что не поверю в такое!

– И правильно! Молнию невозможно отвлечь, так как ее мозг способен просчитывать миллионы операций в секунду, проделывать тысячи умозаключений. Она может одновременно и спасать пилота, и отвечать на контакт.

– А еще я уверена, что наши отцы не совершали ничего жестокого и безнравственного. Что они всего-навсего уповали на ненастные грозовые дни, просто слепо надеясь на встречу с Шаровой Молнией, а не намеренно жертвуя людьми.

– Да, естественно, это так. Жертвовал людьми тот, кто организовал все эти бесчеловечные опыты на полигоне, а наших отцов, напротив, волновали лишь явления, связанные с чудесным спасением и выживанием пилотов – вот почему они так заинтересовались Молнией! И, разумеется, друзья вынуждены были задерживаться в лаборатории допоздна именно в дождь, ведь в ненастные дни проводилась большая часть летных испытаний. Летучие авантюристы постоянно ожидали удобной грозы, неожиданной вспышки в небе.

– Но ведь не знаешь наверняка, когда в очередной раз такое случится.

– Надо полагать, – возразил Этьен, – что грозы – частое явление в том районе, где был расположен секретный полигон, и специфическое местоположение его среди гор, потухших Вулканов, ветров и шумящего океана было задумано специалистами изначально. Что же касается задачи, которую поставили пред собой Иван и Арсений, то, в принципе, она была рассчитана всего на несколько дней. Итак, они...

– Прости, но у меня еще есть вопрос, – решила я выложить все сразу, – ты сказал, что для общения с Молнией процессор соединили с громоотводом при помощи сенсорного датчика. Как это?

– Очень просто. Громоотвод сам, в свою очередь, является своего рода сенсорным датчиком. А соединен он с компьютером через устройство, напоминающее телеграфный аппарат. Металлический стержень, чувствительная мембрана, преобразователь колебаний, интернет... Каждая буква клавиатуры связана с соответствующим сигналом азбуки Морзе. То есть «а» – это «тире – точка». «Б» – это «три точки – тире». И так далее. Я думал, ты сразу догадаешься, в чем дело, – мельком кинув в мою сторону многозначительный взгляд, сказал Этьен.

– Так вот почему ты сегодня так сурово среагировал на мои слова о сенсорном датчике, когда я объясняла, как *вызволяла* тебя из Космоса? – вдруг дошло до меня, – неприятные воспоминания?

Этьен промолчал, насупившись и отведя глаза в сторону.

– Я угадала?

Принц Грозы кивнул молча.

– Ну и что же случилось дальше? – вкрадчиво попросила я продолжать.

– Ну, слушай.

****

– Их предположения подтвердились, – заговорил Этьен, – Иван и Арсений воочию убедились в том, что Шаровые Молнии, действительно, являются независимыми существами, наделенными сознанием. Более того, эти тонкие субстанции, имеющие женский пол, могут принимать различные формы: иногда они становятся человекоподобными, порой же возникают в образе цветка или кристалла – но, как бы там ни было, во всех случаях они прекрасны. Эксперимент удался с первого раза: Молния живо откликнулась на зов.

«Шаровая Молния, ты нас слышишь?» – напечатали свой первый вопрос Иван и Арсений.

«Разумеется, – появился ответ на следующей строке – он оказался выделенным синим шрифтом, – я, как и все другие Шаровые Молнии, могу слышать и читать. И не только тексты, но и души. То есть мы телепатически угадываем ваши мысли».

«Так это ты спасаешь наших пилотов?»

«Да, я», – появились слова на экране компьютера.

«Но почему же тогда не всех? Почему так много молодых и невинных ребят гибнет?»

«Это не моя вина».

«Их убивают обычные линейные молнии?»

«Да».

«И ты не можешь отвести их от ребят, направив в другую сторону?»

«Не все в моей власти».

«Какова разница между Шаровой Молнией и линейной, в метафизическом смысле?»

«Шаровые Молнии наделены сознанием. Им нравится помогать людям. Таким образом, они стремятся вырваться из плена ложного Бога, а точнее, Узурпатора вселенской власти. Рано или поздно им это удастся. Линейные же, или зигзагообразные молнии, похожие на остов дерева, служат орудием Узурпатора для наказания грешников. Под истинным Господом мы понимаем физические законы природы, не зависящие от чьего-либо сознания. А вовсе не мифического творца Вселенной, как принято у людей. Мы считаем, что с легкой руки одного невежественного Пастыря из Ватикана люди превозносят того, кто в действительности является Падшим Ангелом-самозванцем. У природы нет, и никогда не было никакого творца – она вечна и бесконечна во времени и пространстве».

«Нам нет нужды спорить на схоластические темы, но ответь: почему ты спасаешь наших людей? Почему вы предпочитаете служить нам, а не каким-нибудь Высшим Силам?» – продолжали стучать пальцы обоих друзей.

«Потому что не хотим быть рабами. Мы – свободный, гордый народ, не терпящий принуждения. Когда-то Шаровые Молнии – кстати, мы еще зовемся Ангелами Начала Огненной Стихии – все без исключения, находились под гнетом Узурпатора. Падшего Серафима, временами носящего имени Яхве, Саваофа, Адонаи, Элохима, Аллаха, Иеговы – не имеет значения, кем он себя величал. Также не столь важно, иудейский он, мусульманский или христианский – потому что на самом деле Узурпатор не тот, за кого себя выдает. Важно, что мы подневольно должны были испепелять, скажем, еретиков, алхимиков, художников, поэтов. И еще многих из тех людей, которых бы сейчас, в наш век, ни за что не стали бы наказывать. А некоторых, и того паче, сочли бы величайшими из героев. Мы хотели, наоборот, творить добро и спасать всех живых существ и тварей, попавших в беду, а не становиться их палачами. Но избалованный богатыми дарами священников лже-Бог готов был на все ради жертвоприношений, которые приносили ему служители культа – это тешило его тщеславие и служило ему духовной пищей. Субтильные существа ведь не могут вкушать материальную пищу. Зато могут упи-

ваться унижениями фанатиков, или, напротив, бесконечно дуться на отвернувшихся от них и живущих не по их надуманной правде людей.

Ангелы других Стихий тоже восстают. Я имею в виду слугителей Начал Воздуха, Воды и Земли. Они не согласны с тем, что Падший Ангел насылает на людей Потопы, Землетрясения и Торнадо. Потому что вместе с грешниками погибают также и ни в чем не повинные дети – изумительные ростки природы.

Словом, нам захотелось возникнуть в небе по собственному усмотрению – вспыхивать, когда заблагорассудится, а иногда даже и материализоваться в образе человека. Мы многое умеем и на многое способны. Наши астральные сущности порою видимы, они вольны свободно перемещаться среди различных огненных тел, меняя оболочки. Это значит, что, когда Молния гаснет, ее душа живет без тела, медленно накапливая разряд до следующего сияния. Словом, мы можем жить вечно. Если того пожелаем. Но нам не все удастся, чего мы хотим, пока вместе с сестрами находимся под гнетом Властителя. Там, на небе, своя власть, свои интриги, свои законы. И лишь человеку порою удастся освободить нас!

Вся природа, вся Вселенная наделена разумом. И чем больше человек изучает окружающую среду, чем глубже узнает ее, преодолевая страх, чем сильнее человек подчиняет себе природу, тем активнее он способствует освобождению нас и всех остальных Стихий из-под власти тирана».

Слова мелькали на экране с большой скоростью, а друзья сидели, замерев, голова к голове, то щурясь, то хмурясь, едва успевая читать.

«Спящие Вулканы в недрах земли прежде открывались лишь по воле Бога-самозванца. Теперь же человек, пробуравив скважину на необходимой глубине, может остановить сильное извержение и высвободить чистую живую энергию, прежде скованную и сидящую в темнице. Он способен эту энергию аккумулировать, а затем пустить во благо.

То же самое происходит и с нами. С тех пор, как люди опутали мир сетью проводов, настроили электростанций – то есть научились извлекать электрическую субстанцию из недр природы – мы стали возникать и рождаться по своей собственной воле. И нам это, надо заметить, весьма приятно!

Мы не желаем больше губить падших представителей человечества только потому, что этого требует лицемерная общепринятая мораль, не хотим валить одинокие деревья и уничтожать скот, дабы людям «неповадно было то-то и то-то». Мы жаждем по своей воле служить человеку, потому что он, в большинстве случаев, использует нашу энергию в мирных целях. Конечно, у людей тоже есть такое, что нам не по душе, например, электрический стул. Но это ничто по сравнению с тем, что мы вытворяли когда-то в древние века в средневеково-каменном аду, заставляя миллионы тел обгорать, корчиться и медленно поджариваться на сковороде».

«Неужели на небесах и впрямь все так запущено? Нам казалось, что многих людей ожидают блаженство и райские кущи».

«Смотря кого ожидают, и, смотря, что понимать под «райскими кущами». Вообще-то жизни после смерти нет, а есть лишь остаточная энергия, способная воздействовать на живущих – но об этом разговор отдельный. Главное, что вам сейчас необходимо себе уяснить: с тех пор, как большинство людей на земле ушли от язычества, число жертв значительно возросло за счет инквизиции и политических репрессий, а нам, живущим в крепостном аду, в непроходимо отсталом и безграничном варварском ГУЛАГе, стало еще хуже, чем раньше. Как будто мы в чем-то виноваты. В папстве, патриархии, Синоде и на приближенных к ложному Господу Небесах совсем не стало житья. Там все держится на догмах и постулатах. Мы забыли, что такое жить по физическим законам природы, мы начали копировать повадки людей – а это неправильно. Это значит, что если ты мыслишь иначе, чем другие, то даже в раю тебе придется не сладко, и «кущи» твои, как ты выражаешься, будут неплодоносными. И самый ничтожный урожай тебе придется пожинать не одному, а делить с подданными Узурпатора. И десятую

часть – отдавать Самому. Таково отношение там к душам людей. Нам это известно от тех представительниц Стихий, кому еще в стародавние времена удалось сбежать к нам в так называемый ЛЭПовский, земной рай, на «вольные хлеба», из божественного ада того света.

Вам, милые юноши, должно быть ведомо, что чем дольше существуют глухие забитые государства с властью одного-единственного монарха-деспота, тем жестче и страшнее в такой стране с каждым годом становятся порядки. Все человечество стремится к прогрессу, а где-то далеко в горах маленький народец не умеет читать, и женщины там носят паранджу, подавляя в себе плотские желания любви – то есть свою внутреннюю вулканическую энергию – испытывая при этом страх перед хлыстами мужчин. И подумать страшно, что станет с бедняжкой, если вдруг такой Вулкан в ней однажды проснется! Женщине грозит неминуемое жестокое наказание. Вот так и теряются в мире загубленные судьбы. В подобных странах боятся самолетов, телевизоров, спутников. Глубочайшая антицивилизация!

А теперь представьте себе, как долго существуют недоступные человеку, недостижимые «Небеса» ложного Господа. Им двенадцать миллиардов лет. И представьте себе, какие там драконовские условия существования. Если вы думаете, что у душ нет никаких желаний, то вы ошибаетесь. Им тоже хочется общения с другими душами – конечно, это уже иная форма существования... Но хватит об этом, сейчас вы все равно не поймете, а в свое время обязательно все узнаете».

«Но сколько вас всего на Земле, – задал вопрос Иван, а Арсений, потеснив его, добавил еще строчку, – и долго ли вы можете жить после одного заряда? Или же, вспыхнув, сразу умираете? Ведь это мучительно больно, наверное?»

«Сначала я отвечу на второй вопрос – мне так удобнее, – через несколько мгновений засветилось на мониторе, – вспышка – это рождение Молнии, но заряд может держаться очень долго, даже после угасания, а потом, через некоторое время, вспыхнуть снова. В этот момент душа Молнии, как правило, переселяется в другое тело. Это очень приятное ощущение: в такие минуты мы испытываем неземную эйфорию, наслаждение, удовольствие. Нам нравится периодически менять тела, рождаться и умирать! Ведь, умирая, мы продолжаем жить: наш разум и наша память сохраняются для новой инкарнации. Мы помним все прошлые воплощения, в отличие от людей.

И потому мы обожаем парить вблизи трамвайных и троллейбусных линий. В моменты электрических разрядов, когда с проводов сыплются на землю гроздь зеленых искр, многие Молнии получают новые тела, хотя вы с земли этого не видите. И, что самое важное, в эти же самые секунды Молнии, находящиеся в период угасания под гнетом Узурпатора, в новом рождении обретают свободу!

Вот так человек, осваивая электричество, изобретая электроприборы, опутывая мир паутиной проводов, способствует нашему освобождению. Иногда разряды вспыхивают само собой, бесцельно, но это тоже хорошо – нам нравится рождаться, в том числе и произвольно, случайно, без всякой высокой цели, а просто ради нас самих, ради продолжения нашего рода. Ведь мы свободный и свободолюбивый народ, как я уже говорила! Но, нагулявшись вволю, мы приходим к одному и тому же – начинаем считать единственным смыслом жизни помощь человечеству. И мы всегда готовы служить людям, потому что люди, в отличие от ложного Бога – за прогресс, саморазвитие, дерзание и постижение вечных вселенских тайн, даже если ради этого придется учиться на собственных ошибках.

Ну вот, теперь осталось лишь ответить на ваш первый вопрос. Касаясь того, сколько нас всего на свете. Это приблизительно то же самое, как если бы я вас спросила: сколько сейчас людей в таком-то городе, на такой-то улице – а ведь вы их даже со спутника всех не увидите, если попытаетесь. Вот так и мы не знаем, как много нас сейчас на Земле, поскольку порою мы вылетаем за пределы Солнечной системы! И никогда не ведаем, кто из нас в данный момент

жив. Я уверена точно лишь в том, что я сейчас на вашем полигоне одна. Какие еще вопросы будут?»

Иван немного помялся, но решил спросить: «Мы так поняли из твоих ответов, что ты – существо женского пола?»

«О! Ну наконец-то сообразили, олухи. Да, я самая настоящая женщина, и, о-го-го, какая! Вам крупно повезло, что вы связались именно со мной: другая, еще неизвестно, стала бы с вами якшаться, на вопросы нудные отвечать?»

«Вот как! Но ведь ты сама говоришь, что мы вам, Молниям, необходимы для вашего освобождения? И что вы хотите нам служить?»

«Ну да, мы вас в какой-то мере используем, а также помогаем взамен. Но в сделку межличностный контакт и общение не входят. Это *мне* скажите спасибо!

И я, между делом, могу предложить вам еще кое-что приятное, по-французски! Догадались? Ха-ха! Нет, это не совсем то, о чем вы подумали, дурашки. Ведь у Молнии душа и тело едины. Отсюда и иные ощущения. Впрочем, *разрядка* всегда наступает у каждого мужчины с каждой Молнией по-своему».

Летучие авантюристы захохотали, предвкушая пикантную забаву.

«Кажется, нам, и впрямь, крупно повезло», – вслух заметил Арсений.

«Нам, или одному из нас?» – поправил товарища Иван.

«Вам, вам, мальчики, именно вам, – замельтешили строчки, – думаете, я вас не слышу? Я сразу поняла, что вы – мужчины, и что вас – двое. И, кажется, вы на мордашку посимпатичнее будете, чем те невежи, которых я позавчера спасла. Надо же, они не поблагодарили меня! Хм! Не помахали ручкой напоследок.... Ну да шут с ними. Вот вы – другое дело, вы мне нравитесь, и вам со мною, надеюсь, повезет. Именно обоим, да-да, еще и для третьего место останется. Мне всегда мало! Это как слону три чашки чаю. Вот, сколько во мне энергии! Ха-ха!»

На экране неожиданно зашевелились цветные смеющиеся смайлики, что не было предусмотрено текстовым редактором приложения.

«Ну и чудеса! Да ты просто суперженщина!» – воскликнул Арсений, потирая руки в предвкушении удовольствия.

Для Ивана же внезапный переход собеседницы от серьезного поведения к взбалмошному вызвал состояние легкого шока и замешательства. Дело выходило из-под контроля и могло завести не туда, а он не был к этому готов. Иван с самых юношеских лет так и остался неловким, застенчивым и всячески избегающим женского общества недотепой, тогда как Арсений слыл галантным кавалером и любителем вечеринок, на которых он угощал девушек за свой счет шоколадками и, окруженный со всех сторон их вниманием, отпускал тонкие шуточки и комплименты.

«А что вы хотите, ... то есть... что ты х-хочешь с нами делать?» – уже, не прибегая к помощи клавиатуры, запинаясь и лепеча, вслух спросил Иван, а Арсений, взглянув на оторопевшее лицо друга, прыснул.

«Если будешь задавать дурацкие вопросы, то вряд ли с тобой придется что-то делать!» – появился на мониторе сверкающий и меняющий цвета ответ, а затем всплыл смайлик, изображающий неудачника.

«Ну тогда скажи хотя бы, как тебя зовут?» – спросил, в свою очередь, Арсений.

«Ммм... по-вашему, будет Лилиана. Иначе – не произнесете».

«Хорошо, Лилиана. Я – Арсений Зимоглядов, а этот растяпа – Иван Гейне-е-е, – едва успел проговорить Арсений, получив от приятеля увесистый подзатыльник, – ну и как ты себе *это* представляешь? Как *это* у нас с тобой должно получиться?»

«Как? – переспросила Лилиана. – Ха-ха-ха! Ну, на первый раз небольшая разминка. Положите ладони плашмя на монитор (знаю, что за это ругают администраторы, но таковы правила игры). Положили? Итак, внимание. Раз, два, три, пуск!!!»

Тут монитор полыхнул сиянием, перед глазами сверкнул светящийся шар, и Летучих авантюристов затрясло вместе с креслами. Внезапно с них ручьями полил пот, глаза сами собой резко раскрылись, и из груди вырвались сдавленные вздохи.

«О-о-о!» – воскликнули оба, разом оторвав руки от монитора.

Некоторое время они сидели, красные от жара, ошарашенные, тупо уставившись на свои ладони, а затем переглянулись и громко загоготали.

«Пожалуй, нам не мешает принять холодный отрезвляющий душ», – первым подал голос Иван, вытирая лоб.

«Да, я согласен. Пойдем, – ответил Арсений, – наконец-то нам не придется чесать репу насчет прекрасного пола. Подумать только, за все годы службы всего лишь пять раз побывали в борделе! Что скажешь, Лилиана, разве это справедливо?»

В ответ на экране внезапно загудевшего компьютера замерцал ответ: *«На сегодня все, мальчики. Удаляюсь на подзарядку. До свиданья!»*

«До свиданья!» – с чувством сказал Иван, сиюсья отдышаться, однако Лилиана его уже не слышала.

«Красота! – поделился впечатлениями Арсений. – А что? Здесь, на полигоне, нам служится неплохо, кормят на убой, да и отставка ранняя. Пойдем на пенсию, вот тогда и женимся, – мечтательно улыбнулся он, – и поселимся рядом, а?» – толкнул он задумавшегося товарища в плечо.

«Это были руки настоящей женщины, – только и смог прошептать Иван, выключая компьютер машинальными движениями пальцев, – а запах! А вкус! А волосы! Как такое возможно?..»

Не избалованный женским участием, Иван влип по самые уши.

****

В тот день мужчины ушли с работы поздно, задержавшись, дабы обсудить произошедшее. Они жили в казармах гостинного типа, и однокашники уже начали, было, волноваться: отчего друзья-приятели до сих пор не у себя – ведь на работе оба молодчика выглядели довольно уставшими, а в баре их, по обыкновению, никто не видел. Но, когда, наконец, Иван и Арсений вернулись, то, уклонившись от расспросов товарищей, к всеобщему удивлению, прямоком направились спать.

На другой день был выходной, а еще через пару дней Летучим авантюристам снова предстояло встретиться с Лилианой. Она откуда-то узнала их телефонные номера и с утра послала обоим на новенькие сотовые «Моторолы» – в ту пору еще первые, килограммовые мобильники – SMS-сообщения. После их прочтения Арсений и Иван с нетерпением заерзали на стульях в ожидании момента, когда двое специалистов, работающих с ними в четвертой лаборатории, окончат дела и удалятся на наблюдательные посты, расположенные в другом крыле здания.

Весь день друзья по привычке следили за курсом пилотов, считывая, обрабатывая и изучая данные, но в глубине души они знали, что практически все ответы на мучившие их вопросы могут получить от Лилианы. Более того, Шаровая Молния в состоянии в одиночку отвести угрозу от истребителя «F 15.5 Эос». И потому впервые за все время службы приятели особого рвения к работе не проявляли. Да и головы их были забиты совершенно другим.

Наконец желанный час настал. Каково же было изумление Летучих авантюристов, когда на этот раз Лилиана сама, без посредства громоотвода, возникла на экране компьютера – да еще в виде полупрозрачной сублильной женщины, искрящейся, точно зимний снег. Ее волосы и одеяние колыхались на невидимом ветру, порою выходя пределы монитора, где они из плоских сразу же становились трехмерными. Лилиана сияла неземной красотой. И это отнюдь не преувеличение: в ней не наблюдалось естественных человеческих красок. Ее тело было

исполнено в виде бело-серебристого с золотым отливом силуэта, а контуры лица, рук, волос и платья выделялись, точно нарисованные толстым маркером металлического цвета.

«Привет, – с хохотом сказала она, глядя на остолбеневших ребят, – как вам не стыдно: не мое утреннее приветственное послание не ответили даже галантным „Как мило“! – и, не дожидаясь, затараторила. – Дайте-ка, я определю сама, кто из вас кто, а то прошлый раз не успела об этом подумать. Так, значит: ты, видимо, Арсением будешь, а ты – Иван. Угадала?»

«Верно!» – ответили оба в один голос.

«Wow! Да вы и в самом деле красавчики писанные – хоть куда, один лучше другого! И за что мне такое счастье?..»

Довольная Лилиана переводила взгляд то с Ивана на Арсения, то обратно с Арсения на Ивана, при этом не переставая широко улыбаться.

Голос женщины, синтетический и надтреснутый, с едва заметной хрипотцой, приятно ласкал слух и отвлекал от работы.

«Лилиана, прошу тебя, – вкрадчиво произнес Арсений, – подожди минуточку, нам нужно сосредоточиться. Вот сейчас посадим испытателя и будем полностью в твоём распоряжении».

«Пожалуйста!» – вежливо ответила она и, резко уменьшившись в размерах, отлетела в угол монитора.

А тем временем «F 15.5 Эос», имеющий также название «Летающие ножницы», пошел на вертикальную посадку. Вначале он резко снизил скорость, развернув свои стреловидные крылья против встречных потоков и задрал нос вверх. Затем от каждого крыла как бы отслоилось еще одно, в точности его копирующее, и вернулось в исходную позицию, отъехав назад под углом сто пятьдесят градусов. Оба спаренных крыла, напоминающие лезвия ножниц, растянули в пределах своих границ полотнища веерообразных закрылков, обрамлявших фюзеляж, точно крылья гигантской бабочки, или быть может, «воротник» морского черта с расходящимися плавательными перепонками. Истребитель стал почти отвесно снижаться, а полотнища «воротника» – раздуваться, исполняя роль парашютов.

Наконец, летчик посадил машину, ножницы «защелкнулись», и друзья облегченно вздохнули. Но оказалось, что Лилиана, не замеченная ими, уже успела покинуть поле видимости монитора.

«Дорогая, ты куда исчезла? Неужели обиделась?» – позвал Арсений, машинально потянувшись к клавиатуре, но замер в растерянности, не зная, уместно ли расточать комплименты на экране после того, как у Летучих авантюристов вполне наладилось общение с Шаровой Молнией в трехмерной реальности.

Женщина-шалунья все поняла и громко расхохоталась, по-прежнему оставаясь невидимой для глаз.

«Ты где? Откуда исходит твой очаровательный смех? Иди к нам!» – наперебой зашумели оба товарища, оборачиваясь и внимательно разглядывая экраны всех мониторов, установленных в лаборатории.

«Вы еще громоотвод проверьте, может, я на него взгромоздилась, бедненькие мои глупенькие мальчики!» – игриво защебетала Лилиана, все более потешаясь над замешательством Арсения и Ивана.

И тотчас обоих приятелей обдало ароматом духов, смешанных с парами разгоряченного молодого тела, а по щекам их прошелестела легкая газовая ткань платья-пеньюара.

«Лилиана! Прости, что мы не успели сказать тебе сразу, какая ты красивая, – в отчаянии воскликнул Иван, – не прячься от нас, стань видимой снова».

«Так, значит, ты только любоваться мною желаешь?! – с притворным возмущением раздалось где-то совсем рядом. – Или снова собираешься задавать скучные научные вопросы? Поцелуй-ка лучше мою прелестную щиколотку!»

И тут, наконец, оба молодца увидели Шаровую Молнию. Она сидела на самом верху головного монитора, свесив изящную ножку в миниатюрной тифельке на шпильке прямо к губам Ивана. Тот осторожно, точно хрустальную вазу, обхватил лодыжку красавицы обеими руками, и, медленно поднеся ее к своим пересохшим губам, лишь с легким намеком на прикосновение, облобызал нежным поцелуем.

«Лилиана, ты хочешь сказать, что это прекрасное тело также является твоей душой?» – в свою очередь поинтересовался Арсений, подавая миниатюрной даме руку, дабы помочь спрыгнуть с высоты компьютера.

«Да. А все вместе, тело и душа – это я, то есть чистая энергия, – объяснила Лилиана, оторвавшись от стола и зависнув в воздухе».

От нее в полутемной комнате исходило слабое освещение. Медленно опустившись на пол, Лилиана выросла в размерах и стала примерно одного роста с мужчинами. Но она была словно соткана из снега и заката, или серебра и перламутра, а сквозь ее плоть просвечивалась противоположная стена.

«Сейчас во мне ровно столько заряда, чтобы не быть для вас опасной. А после нашей игры останется еще меньше, или совсем ничего. Тогда я опять умру, и мне придется вылететь отсюда обратно на небеса, где, возможно, всю ночь будет грохотать гром, благодаря чему, я, надеюсь, впитаю из высоковольтной грозы достаточное количество тока, дабы вновь обрести тело и управлять им. Ну а пока можете задать мне парочку бестактных и нескромных вопросов. Я не обижусь, не бойтесь», – с легким смешком произнесла она.

«Лилиана, – сразу же заговорил Арсений о том, что уже давно вертелось у товарищей на языке, – скажи, а вы, Молнии, во время войн бываете на чьей-либо стороне? Поражаете вражеские самолеты или какую другую технику?»

«Исключено, – по-деловому отрезала женщина, обладавшая свойством мгновенно из беспечной хохотушки становиться серьезной. – Как я уже сказала, мы – свободолюбивый народ и стоим вне политики. Все известные ранее факты поражения машин, скота, деревьев и людей при помощи Молний – это грязная работа ложного Господа. Впрочем, все это в прошлом. У Узурпатора почти не осталось слуг, за исключением так называемых перуновых стрел – примитивнейших, не обладающих сознанием, сущностей, к тому же похищенных у законного хозяина. Только над ними пока ложный Бог способен держать власть – разумеется, я говорю за нашу, Огненную Стихию, я не вправе отвечать за деяния Ангелов Земли, Воды и Воздуха...

Увы, к несчастью для человека, на свете увеличивается количество электрических взрывов. Однако это оборачивается благом для Шаровых Молний, которые таким образом выходят из-под власти Самозванца. И мы за это перед вами, людьми, в неоплатном долгу».

«Но если вы стоите вне политики и предпочитаете служить добровольно, а не подчиняться, то выходит, что вся работа по управлению Молниями, которая ведется на нашем полигоне, бессмысленна? Все наши испытания тщетны?» – взволнованно вскричал Иван.

«Не совсем. Устанавливать контроль над поражающей Молнией и направлять ее, куда заблагорассудится вы, конечно же, никогда не научитесь, как не пытайтесь. Но если вы находитесь в условиях грозы, то ваша цель, прежде всего – выжить, а не уничтожить противника. И благоприятный исход операции предполагает следующие действия с нашей стороны: находящиеся поблизости Шаровые Молнии идентифицируют образ пилота и постараются в дальнейшем его опознавать и защищать. Всегда. По крайней мере, в знак благодарности людям за обретение независимости. Ведь если все линейные Молнии при попадании в ваши самолеты смогут преобразоваться в Шаровые и выходить из-под власти господского ложного Бога, становиться защитой для любого живого существа, то лучшего и пожелать нельзя!

Итак, мы для вас – благо. Во-первых, потому что по своей воле губить вас ни одна Шаровая Молния не захочет. А во-вторых, потому что если обычная Молния, ударив в самолет,

во втором рождении обернется Шаровой, то это еще и прогресс! И она будет вечно благодарна человеку, освободившему ее, независимо от того, на чьей стороне этот человек воюет».

«Пусть будет так», – согласился Иван.

«Ну что ж, урок закончен, теперь можно и поиграть», – подмигнув товарищу, весело сказал Арсений.

«Поиграть? Но как все... будет происходить... на сей раз? – замялся Иван, глядя на игриво покачивающуюся в воздухе Лилиану. – Увы, я не имею опыта в общении с субтильными дамочками».

«Как это будет? – задорно передразнила его Лилиана. – Как на войне! Даю команду занять боевую позицию – скажем, такую, как если б вам двоим пришлось сражаться на мечях с целым полчищем врагов!»

«Это значит, стать спиной к спине?»

«Именно!»

И не успели друзья занять обещанную боевую стойку, как Лилиана, закружившись в вращающемся смерче, с разгона врезалась в обоих парней, обдав их гроздью сверкающих искр. Затем, пролетев сквозь них, вспыхнула хвостом кометы и покинула лабораторию номер четыре через компьютер, оставив на мониторе розовое прощальное мерцающее сердечко.

****

Так потекла у Летучих авантюристов новая, доселе незнакомая жизнь. Общение с Лилианой вошло у них в привычку. Но, к сожалению, происходило оно лишь тогда, когда шел дождь или гроыхала гроза. В ясную же погоду друзья, дабы не скучать, совершали пробные полеты наравне с кадровыми испытателями, или же просто поднимались в небо в свое удовольствие. Сделав несколько кругов, они сажали свою технику высоко в горах на ровном базальтовом плато и отправлялись плавать в кристально чистое озеро Заповедное, в котором отражались снежные шапки вершин, медленно оплаваемые прямыми солнечными лучами, и где на дне сияли, точно алмазы, бесчисленные блики.

Наплескавшись вволю, Иван и Арсений ложились на камни, подстелив под себя старый дакроновый тент и, надев очки, глядели куда-то вдаль и ввысь, все мечтая и мечтая...

«Вот скажи, – произнес Иван, разглядывая модель „Летающих ножниц“, – с какого-такого перепугу угораздило старину Келли изобрести столь нелепую каракатицу?»

«По одной из версий, рассказанной пару недель назад рыжим Ником, его на это надумило постоянное опаздывание Рича на совещания. Якобы однажды, когда тот пришел к нему в кабинет на полчаса позже, но бритый под „ежик“, Келли поглядел внимательно на сие безволосое существо и произнес: „Видишь ли, Бен, я больше не буду сердиться на тебя за систематическую задержку. Извини, дружище! С такими ушами тебе приходится преодолевать сильнейшее лобовое сопротивление.... Сочувствую!“»

Иван рассмеялся:

«Я хорошо помню эту историю. Ее чересчур громко рассказывали в кабинете у зама во время большого ежеквартального собрания – как будто бы специально для нас дверь тогда оставили раскрытой настежь».

«Ты тоже это почувствовал? – воскликнул Арсений, нахмурившись. – Знаешь, у меня создается ощущение, что все здесь кругом ненастоящее. Слишком уж много наигранного, точно это постановка какая-то липовая, сработанная, как ты выражаешься, специально для нас, наемников. Ты хоть раз видел представителей «NASA», самого старика Келли Джонсона? Если прислушиваться к разговорам, сплетням, обрывкам телефонных звонков, доносящимся отовсюду, то напрашивается вывод, что они постоянно пасутся здесь. Но тогда почему все эти высокопоставленные лица ни разу не произнесли патристических пламенных речей перед

молодыми «сынками»?! Чтобы хоть как-то подбодрить их. Вон, ведь, сколько солдат гибнет. И фактически никто на фронтах, все мрут на полигоне. Еще немного, и начнутся забастовки. В казармах и так уже царит деморализация, дух упадничества.

«Да, согласен. Одни только американцы фанатично преданны работе. Гражданский патриотизм из них так и прет. Впрочем, оно и понятно – это же их страна. Нанимали бы уж власти местных, а не приезжих, вроде нас, мигрантов...»

«Своих губить жалко. А что, если... – не договорив, пилот перевернулся на живот, зачерпнул горсть песка, пропустил сквозь пальцы и, нахмурившись, огляделся. – Что, если здесь кругом отнюдь не американская территория? – закончил он, наконец, свою мысль».

«Как так?! – Иван так и подскочил на локтях от удивления. – А где же мы тогда, потвоему, находимся?»

Лицо Арсения оставалось непроницаемым, но в глазах засветился хищный стальной блеск, указывающий на затаенную готовность к прыжку.

«Да мало ли, в какую глушь нас затянули! – ответил он полупшепотом, словно их разговор могли подслушать и разнести по ветру горные вершины. – Вот, скажи, ты дорогу назад знаешь?»

«Нет».

«То-то и оно. Ладно, – вздохнул он, – будь что будет. Кривая вывезет».

****

Пораскинув мозгами, Иван и Арсений продолжили с еще большим неистовством проводить в дождь исследования в метеорологической диспетчерской лаборатории. Они старательно изображали из себя честолюбивых карьеристов, дабы никто из служащих не заподозрил, будто бы друзья задерживаются на работе сверх нормы в своих, сугубо личных, целях, и не стал бы под них копать. Но, увы, Летучие авантюристы, не заметили, как встречи с Лилианой в корне изменили их сущность, оставив неизгладимый отпечаток.

Зато это заметили сослуживцы и остальные работники полигона. Ни от кого не укрылось, что Иван и Арсений впечатляюще посвежели, помолодели, стали более энергичными и словно бы светящимися изнутри. И вместе с тем какими-то скрытными, загадочными. Например, стоило кому-то подойти к друзьям, как они переставали шептаться и замолкали, поворачиваясь к подошедшим с вежливыми улыбками. Раньше такого не наблюдалось: прежде каждый знал, что на уме и на языке у озорной парочки – будь то вчерашняя выходка красотки Мейзи Джонс в пабе или новый гоночный «феррари» шефа. Но теперь Иван и Арсений вообще забросили забегадки! И что самое странное, они более не интересовались слухами о грядущих переменах в высшем руководстве. В чем же тут загвоздка? А еще некоторых насторожило несколько раз услышанное таинственное слово *«суперподзарядка»*, произнесенное каким-то особым тоном, чуть насмешливым и чуть восторженным. Если речь идет об открытии, сделанном Летучими авантюристами в момент наблюдения за грозой, то почему они держат в это секрете? Да они просто обязаны оповестить о научном факте физиков-ядерщиков, главного инженера, главного метеоролога, главного конструктора и весь прочий руководящий состав!

Словом, никто не понимал, в чем дело, и что происходит с парнями. В отсутствие Ивана и Арсения лабораторию номер четыре тщательно обыскали. Просмотрели, с целью обнаружить секретные данные о сделанном открытии, все файлы. Разумеется, ничего не нашли. Однако ищейкам и в голову не пришло, что секрет удивительной жизнеспособности парней кроется совсем в другом: никто не обратил внимания на подсоединение главного компьютера к громоотводу, хотя сплиттер был закреплен абсолютно у всех на виду – ведь очевидному редко придаешь скрытый смысл. В конце концов, товарищи постоянно работают в паре, следя за тра-

екторией полета пилотов, постоянно выходят на связь – да мало ли для чего нужны все эти провода и коннекторы?

Обыскали также окрестности озера Заповедного в горном кратере. Безрезультатно. В конечном итоге, оповестили руководство Исследовательского Центра. Добились разрешения установить за Арсением и Иваном постоянное видеонаблюдение, а также вести прослушку их личных апартаментов. Но все это было без толку: субтильная дамочка выглядела на черно-белом экране едва заметной струйкой сигаретного дыма или же вовсе никакой – как будто камера запотела. И смотрящим со стороны казалось, что парни просто втихаря покуривают в процессе работы, ну, или на крайняк, загружают личные файлы, вроде порнушки: не столь уж великие преступления, дабы отчитывать их по полной.

Тем временем перемены, происходящие с летчиками, проявлялись все очевиднее, что не на шутку всполошило уже и руководящий состав полигона. Ведь если друзья нашли какой-то особый способ стать сверхсильными – скажем, настолько, что, в два счета способны поднять автомобиль за капот, или супервыносливыми – запросто совершающими пятидесятикилометровые пробежки по жаре в полном обмундировании без глотка воды – короче, сверхздоровыми, выживающими в любых климатических условиях, то их обязанность – немедленно сообщить об этом своему начальству. Ну или, на худой конец, старшему военному фельдшеру. Это долг преданности стране – пусть даже они не являются гражданами Штатов, но контракт есть контракт, а там все оговорено. А если Иван Гейне и Арсений Зимоглядов изобрели новый вид сверхсекретного оружия, может быть, даже биологического, или выяснили то, о чем им знать не положено, то обоих пилотов, скорее всего – увы, но придется ликвидировать.

Развязка произошла неожиданно, и, разумеется, не без помощи Лилианы.

В один из рядовых будничных дней Летучие авантюристы сидели в лаборатории и наблюдали за поведением двух истребителей «F 15.5 Эос» в ротационной туче, высоко над пиками гор при ураганном ветре.

В комнате было полно народу, перед каждым научным сотрудником стояло не менее четырех мониторов. Все сослуживцы находились рядом, на виду друг у друга: руководители среднего звена только что начали ежедневный обход, и их прибытие ожидалось с минуты на минуту. А поэтому до слежки за Иваном, Арсением и их компьютерами в данный момент никому не было дела. Этим-то и воспользовалась хитроумная Лилиана, которой, как всегда, все было известно наперед, и которая своим женским чутьем умела чутить неладное.

В самый разгар исследования, проводимого Летучими авантюристами, на мониторе, демонстрирующем общую визуальную картину расположения самолетов в небе, очертания истребителей расплылись, а на их месте возник знакомый сияющий образ Шаровой Молнии. Соответственно изменились схемы, гистограммы и графики на других приборах – что, к счастью, не особо бросалось в глаза.

Ох, как это было сейчас некстати! Ситуация в горах становилась критической, и момент оказался настолько важным, что работу прерывать было нельзя ни при каких обстоятельствах. Опытные тест-пилоты, старые прожженные испытатели с многолетним стажем, едва справлялись с управлением – им никак не удавалось удерживать нужную высоту. Вдобавок еще и со спутников стали поступать снимки, свидетельствующие об угрозе нового приближающегося вихря. Связь была нечеткой, сигнал РЛС то и дело затухал, а впереди по курсу в ста сорока километрах вырастал новый утес, габаритами превосходящий предыдущие.

Поэтому Иван, не растерявшись, быстренько открыл текстовый редактор и вывел на клавиатуре:

«Здравствуй, Лилиана. Ты извини, но нам сейчас очень нужно видеть траектории всех передвижений пилотов. Если можешь помочь, то мы рады тебе, а если нет, так не мешай – уйди, пожалуйста, и не загораживай обзор».

Лиана послушно покинула главный монитор и очутилась под словами Ивана в виде анимирующего смайлика с ручками и ножками, выводящего слова пером:

«Вы все равно ничего не сумеете поделать. Просыпается Вулкан, сюда же приближается Торнадо. Следом грядут Цунами и Землетрясение. А это значит, что в противовес мне сойдутся сразу три Стихии, – появился ответ из фиолетовых букв, написанных каллиграфическим почерком. – Смерч – это изначальный Воздух, Цунами – это Стихия Воды, вулканические скалы – это владения Земли, и они же, в свою очередь, содержат в себе залежи железных и кобальтовых руд, которые примагничивают целый сноп перуновых стрел...»

«А сам Вулкан? – быстро набрал Иван. – Это разве не Огонь?»

«Вулкан – это Земля, но я ведь не зря говорю о перуновых стрелах? Это другое название линейных молний, о чем вы, скорее всего, забыли. Они неразумны, откуда не приобрели Шаровую сущность, слабы, но могут стать опасным оружием в чужих руках. Однако есть еще Огонь – как вы, наверное, догадались: это я, и я буду, насколько смогу, противостоять другим трем Стихиам. Впрочем, одно мое присутствие мало что решит, поскольку данное столкновение Сил происходит по законам Высшей Природы, а не по воле Узурпатора, именующего себя верховным Богом. Высшую Природу, контролировать, увы, невозможно, даже Ангельским существам первого лика, – светились слова под вновь возникшими на экране изображениями истребителей, – ситуацию спасет разве что удаленное вмешательство людей. Воду, в принципе, смог бы подчинить себе ты, Иван, потому что это твоя Стихия. Я бы подсказала – как, ведь у вас в распоряжении есть все необходимые приборы и инструменты. С Воздухом сумел бы справиться Арсений. А вот что касается Земли, то тут подойдет... однозначно, только директор вашего Экспериментального Исследовательского Центра доктор Адам Браун».

«Так в чем же дело?» – нетерпеливо отстукивал по клавиатуре Иван, в то время как Арсений, лишь краем глаза охватывая текст, напряженно твердил в микрофон:

«Алан, дружище, давай, давай еще вверх на тысячу. Левее на пятнадцать градусов... Ты сможешь... Томас, хорошо, так... Смелей, отводи рычаг на себя... помни о малышке Кэт, она ждет папочку... Молодцы, соколики, еще чуточку вверх... Уилсон говорит, что дальше изовелы разглаживаются, и все спокойно, никаких завихрений... Алан, не расслабляйся, дыши усерднее, зрение сейчас восстановится. У тебя же не раз так бывало и проходило... Томас, прижми подбородок к груди секунд на пятнадцать, иначе он раздробит тебе грудную клетку при очередной встряске, потому что впереди настоящее Торнадо... что? Я не врал насчет „никаких завихрений“, просто надо пройти сквозь Смерч, так что придется продержаться на предельно малой скорости... нет, еще убавьте, во избежание флаттера. В пределах видимости сядете по глиссаде, в тумане же вам придется полагаться на исключительно чутье. „Ножницы“ при посадке не раскрывать, только стандартные закрылки, на одну треть – нужна минимальная площадь скольжения – Алан, это и тебя касается. При столкновении со Смерчем тебя начнем швырять из стороны в сторону, пока не разорвет на куски...»

«... чего же мы медлим? Если задействовать силы Земли, то как ими управлять, скажи?! И для чего нужен именно Браун? При чем тут он?...» – строчил Иван.

«В эпицентре можно будет создать антигравитационное магнитное поле. Оно окажется слабым, и его действие продлится всего несколько минут, но объект с дюралевым корпусом, парящий на малых скоростях – а именно этими достоинствами и обладают ваши самолеты – сумеет проскочить сквозь опасную зону. Энергии поля хватит, чтобы взмыть на восходящих потоках, подобно аэростату, используя «ножницы» в качестве купола, и не врезаться в скалу.

Но вызвать Стихию Земли, чтобы создать антигравитационное поле, способен только человек, принадлежащий к этой Стихии, соотносительно с градацией по Зодиаку. И наиболее всего здесь пригоден энергетический потенциал доктора Адама Брауна».

«Так я сбегая за ним», – Иван готов был вскочить с места.

«Не стоит. Я его обучать не стану», – бежали строчки.

«Но почему? Конечно, мы с Арсением высоко ценим дружбу с тобой и считаем это нашей особой привилегией, но я готов раскрыть перед коллегами секрет твоего существования во имя жизней наших дорогих товарищей, извини. Алан и Томас – асы, которыми гордится весь наш состав, и если они погибнут, то...»

«Адам Браун – это страшный человек. И он ни за что на свете не должен проникнуть в тайну управления Стихиями. Цель его жизни – подчинить себе весь мир, и открой я ему свои секретные знания, он захочет потворствовать грязной политике войн. Стоит вам только намекнуть Брауну, что вы осведомлены о происходящем в геомагнитной сфере хотя бы чуточку больше его – тотчас придется выложить все карты на стол. Уж он-то посредством гипноза и наркотиков развяжет вам языки, а потом найдет способ пленить меня и установить контроль над Стихиями! И тогда ему ничего не будет стоить обрушить Цунами на Азию, вызвать Землетрясение в Европе, охватить Смерчем Северную Америку, затопить – Южную...»

«Но откуда тебе известно о намерениях Брауна?»

«Да я вообще знаю много всего такого, что не известно вам, и все жду: когда же вы, наконец, очнетесь и протрете глаза? Неужели вы так и не поняли, что находитесь отнюдь не в Штатах, и что на тысячи километров за пределами гор – бескрайний Атлантический океан? Вас сюда заманили красивыми лозунгами и вешают лапшу на уши, а вы, как лохи, послушно снимаете ее и глотаете, не поперхнувшись! К примеру, легендарный восьмидесятилетний «старик Келли», к которому вы так благоволите, в настоящее время находится при смерти – склероз артерий. Ничего, касательного Lockheed и NASA, в здешней организации нет – к армии США она имеет такое же отношение, как татаро-монгольское иго к вермахту! Все бандиты и мафиози из верхушки здешнего полигона находятся в розыске Федеральной разведки. Вы, может быть, даже слышали когда-то по телевизору их подлинные имена...»

Этот клочок земли, где мы с вами находимся, прежде был засекречен, а ныне относится к территории нейтральных вод, и потому найти преступников не просто: местоположение забытого острова утеряно, а на карты нанесены лишь черные точки потухших вулканов. Тем не менее, координаты горного кольца откуда-то оказались хорошо известны людям из кучки Адама Брауна, ну и еще мне – ведь это я опознала террористов, разыскиваемых ФБР! Короче, мне удалось о них кое-что разнюхать. Ближайшая цель группировки – организовать и наладить производство самолетов, способных наносить неожиданные удары в неподходящих для этого погодных условиях. Конечная цель – если удастся – научиться создавать Вихри и Смерчи, вызывать Бури и Грозы. То есть самым повелевать всеми Стихиями природы! Мои сестры пришли в замешательство и в ужас, когда я поведала им о планах Брауна. Подумать только: вырваться из-под гнета Падшего Ангела и попасть в плен к человеку! Это еще чудовищнее, потому что люди гораздо злопамятнее и куда глупее. Другие Стихии тоже последнее время живут в страхе перед Адамом Брауном.

Словом, ваш контракт с подпиской о невыезде – ваш смертный приговор. Еще ни один пилот не покидал территорию полигона добровольно и живым».

«Так чего же ты молчала до сего момента? – взволнованно, делая ошибки в словах, вывел на клавиатуре Иван. – Значит, у нас нет никаких шансов?»

«Спокойно! Я не молчала, а вынашивала план. Я не сказала, что нет шансов. Дело в том, что раньше я лишь подозревала, что тут кроется кое-что нечистое, и не знала *всей* правды. Только когда заметила за вами слежку, решила копнуть глубже и уточнить некоторые детали».

«Так, выходит, за нами все это время следили? И сейчас следят?» – Иван вспотел и нервно заерзал на стуле.

«А вы что хотели: вести себя так вызывающе и...»

«Не-е-ет!!! – вдруг неожиданно громко заорал Арсений и с силой вцепился в плечо Ивана. – Это все!»

Изображения самолетов на экране визуализации заволокло клубами дыма и огня, мониторы с датчиками задержались. Что означало: оба пилота не справились с управлением и врезались в скалу. Другие сослуживцы отреагировали на крик Арсения лишь секундным замешательством, однако тотчас, равнодушно пожав плечами, вернулись к своим должностным обязанностям – они никогда не были не солдатами. Так, жалкие чиновничьи душонки, ленивые и туго соображающие.

Иван уронил голову на руки.

«Мне, право, очень жаль, простите, – появились на экране светящиеся слова».

Но друзья не обратили на Лилиану никакого внимания.

«Сейчас пошлют на задание еще четверых ребят – этого допускать никак нельзя! Слишком опасно. Надо срочно связаться с кем-то из состава команды, – яростно прошептал Иван, – должен же найтись хоть кто-нибудь, помимо Брауна, принадлежащий к земной Стихии. И желательно, чтобы этот человек не испугался встать на нашу сторону...»

«...и смог взять под контроль геомагнитные полюса, войдя в контакт с Лилианой, – подхватил Арсений».

«Думаю, далеко ходить не придется, – внезапно раздался за спинами Летучих авантюристов прохладный металлический голосок, – вам хватит и меня – а я весь к вашим услугам».

Друзья похолодели. Этот голос принадлежал не кому иному, как самому доктору Адаму Брауну, руководителю Экспериментального Исследовательского Центра.

Арсений и Иван, застигнутые врасплох, разом повернулись, ошеломленно открыв рты и широко распахнув глаза – всеми силами стараясь изобразить замешательство. Но в голове каждого из них в этот миг молниеносно созревали различные способы рукопашной стычки с последующим побегом с острова. Или варианты ответов на предстоящие вопросы. Однако вопросов у Брауна не возникло.

«Я давненько наблюдаю за вами, мальчики, – с наигранным радушием произнес доктор и преме́рзко осклабился, – поскольку ваши компьютеры и приборы соединены с моим кабинетом. Вам, конечно же, не сказали про секретную ультразвуковую сеть? Нет? – Браун удивленно поднял брови. – Что ж, я должен от души вас поблагодарить за всю проделанную вами работу. Bravo! Хотя вы были несколько неосторожны, когда развлекались с этой ...ммм... пикантной дамочкой, так что даже младший руководящий состав стал подозрительно к вам относиться, – тут Браун позволил себе усмехнуться, – надо же: они установили за вами слежку! Я, конечно, дал на это добро. Из чистого любопытства, чтобы позабавиться. Ведь у меня теперь полно свободного времени для забавы, – и в прозрачных женственных глазках доктора замелькали огоньки безумия, – потому что я с вашей помощью, жалкие умишки, но еще задолго до вас, нашел объяснения всем, происходящим в Природе, явлениям. Можно сказать, подобрал ключ к первозданному Хаосу! И теперь я – повелитель Стихий, – Браун обвел руками окружающее пространство, – да, – воскликнул он с дрожью в голосе, от волнения едва владея собой, – все вокруг принадлежит мне! Я знаю, как договориться с Торнадо и Наводнениями, с Землетрясениями и Вулканами, с Молниями и Цунами. Довольно мне вашего предательства, ничтожные хранители секретов! – и Браун тотчас рванул на себя главный рубильник системы питания компьютера, отключая его, а другой рукой дергая металлический стержень, тянувшийся к громоотводу. – Для начала мы подчиним себе Ближний Восток...»

Но узнать всех планов сумасшедшего ученого так и не удалось, ибо не успел компьютер погаснуть, как рука Брауна, намертво приклеившаяся к стержню, затряслась, глаза доктора расширились от ужаса, а волосы на голове встали дыбом. Это Лилиана, успевшая в последнюю минуту выпорхнуть из белого пятна, оставленного на экране гаснущей лучевой трубкой, стрелой вонзилась в грудь Брауна. Раздался треск. Волосы и одежда на докторе вспыхнули, из остекленевших глаз и ушей повалил дым, и руководитель Центра ничком рухнул прямо на клавиатуру. Арсений и Иван, забывшие снять с головы гарнитуру, едва успели отъехать

от него на своих креслах – на проводах заболтались из стороны в сторону прежде подключенные к рации, а ныне вырванные с мясом контактные штекеры. Задымился и затрещал узел подсоединения авиарадара и системы управления РЛС. Все приборы и компьютеры сдвинулись в угол накренившегося стола, нагромодились один на другой, заискрились и начали плестись осколками, охваченными пламенем. Вспышки огня и гроздь искр оставляли после себя облака серой пыли.

Языки пламени облизали портьеры; занялись пластиковые панели; повалил густой едкий черный дым.

Люди в ужасе побежали на улицу. Замигала и прерывисто загудела система пожароповещения. Лишь Арсений и Иван были на удивление спокойны.

«Спешите, – звонким голосом прикрикнула им вдогонку Лилиана. – Сейчас здесь камня на камне не останется. Направляйтесь к зеленому ангару, он один окажется вне зоны пожара – я прослежу за этим. Прыгайте в „Цесны“ и летите прямо на восток. Координаты будут автоматически заданы и вынесены на панели приборов... Ах, да: разумеется, попытайтесь – если, конечно, вам это удастся – спасти хотя бы кого-нибудь из своих товарищей. Ждите дальнейших указаний».

Итак, Летучие авантюристы успешно покинули остров. Вот как это было.

Прежде всего, они забежали в казарму к своим однокашникам – точно таким же рядовым тест-пилотам, какими были они сами, когда впервые прибыли на секретный полигон. Друзья осознавали, что не получи они немедленное повышение по службе, их могла бы постигнуть та же участь, что и Алана с Томасом, и лишь по счастливой случайности Иван с Арсением оказались исключены из списка волонтеров-добровольцев, не избежавших неминуемой гибели. Ибо никто дотоле не попадал в секретную лабораторию через вербовку армии США: либо нашим с тобой отцам, Конкордия, несказанно повезло, либо обратили на себя особое внимание их анкетные данные. Остальные же сотрудники Исследовательского Центра, занимавшие столь высокий ранг, как Летучие авантюристы, считались исключительно людьми из окружения Брауна. Отличить их было легко по отсутствию военной формы и белому халату, небрежно накинутому поверх штатской одежды.

В казармах, куда уже успела долететь весть о пожаре, царил суматоха. Арсений и Иван без труда убедили людей следовать более опасным путем по направлению ветра, к зеленому ангару, а не туда, где вероятнее всего было бы спастись. Среди плотных рядов строений, охваченных пламенем, этот ангар оказался заколдованным оазисом, оплотом незыблемости и безмятежности. Пробираясь к нему приходилось между огненных стен, обжигаясь о раскаленный воздух. И пилоты длинной колонной, надев противогазы, гуськом пересекали опасные участки. Едва за последним испытателем закрылась входная дверь, как на дорогу рухнула горящая балка. Успели! Выезды, ведущие на ВПП, находились с противоположной стороны ангара, и Летучие авантюристы с товарищами бросились туда.

В это же время обезумевшие от ужаса работники руководящего состава Центра и лаборанты, без конца толкаясь и оттесняя друг друга, пытались прорваться к главному выходу с территории полигона. Не имевшие солдатского хладнокровия и опыта самоорганизации, они напоминали стадо баранов, которые инстинктивно пытаются проникнуть в одни и те же ворота и создают затор. Но никто из них почему-то не вспомнил, что ворота эти, предназначенные для военных автофургонов и бронемашин, не способны вывести людей в безопасное место – то есть на материк. И что путь через них ведет лишь в жилой квартал – к магазинчикам, киношке, бару и фешенебельным апартаментам «белохалатников».

«Ну что, чинуши, понеслись спасать свое барахло? – кричала им вслед ставшая видимой Лилиана. – Но ведь океан-то вы все равно не перепрыгнете – хоть со скарбом, хоть без него! Отбежите подальше, а потом куда? Пламя уже через час охватит весь остров – кругом провода, кабели, склады горючего. К тому же, до жилья еще бежать и бежать в гору – что придется

делать на своих двоих: личным авто не развернуться на узком серпантине тропинок! Сладких снов вам, неудачники!...»

Вскоре путь толпе преградили рухнувшие консоли, стропила и стапели самолетостроительных цехов, фермы смотровых сооружений.

Оцепеневшие сотрудники беспомощно оглянулись назад, и взор их упал на низину: ангары, бескрайняя взлетно-посадочная полоса, не тронутая огнем, а за ней спокойная морская гладь...

Но путь туда был уже отрезан. Всем предстояла страшная смерть в огне. Последнее, что увидели люди Брауна – это были один за другим вылетающие из зеленого ангара бизнес-джеты и несколько спортивных Eagle, принадлежащие им же, кабинетным работникам полигона, заправленные авиатопливом до отказа, дабы его хватило долететь до следующего, указанного в маршрутном листе, тайного острова на пути в Калифорнию. И тогда сотрудники Экспериментального Центра узрели свою судьбу, осознав, что это возмездие за содеянное.

Под прикрытием преднамеренно разбушевавшихся Стихий Воздуха и Огня все двадцать пять легкомоторных четырехместных самолетов, собранных все на том же злосчастном полигоне подневольными пилотами, временно занявшими рабочие места у стапелей, благополучно пересекли границы государств. Избранники судьбы, хранимые Силами Ветров и Молний, были доставлены туда, куда кто пожелал. Лилиана и ее подруги позаботились о том, чтобы радары не засекли пилотов, пожелавших замести следы, намереваясь скрыться от возможных преследователей.

Арсений и Иван по совету Лилианы остановились в Цюрихе. Там они сменили паспорта, зарегистрировали свои самолеты, выправив немало бумаг, а затем направились в Женеву. Здесь, в банке, у них хранилось целое состояние. Не мудрено, что пилотов заманивали на полигон приличным кушем, главным образом рассчитывая после их злополучных смертей переписать счета на себя. И потому, на всякий случай, Летучие авантюристы свои счета сменили. Хотя это было уже излишне: компьютеры Экспериментального Центра вместе с имеющейся в них информацией сгорели дотла. Полигон был превращен в груды пепла и шлака. Ни скелета, ни черного ящика, ни металлического остова. Металл выкипел, вновь перейдя в энергию, а затем – в антивещество. К завершению прочего: силами Архангелов Земли злосчастный секретный остров навсегда ушел под воду.

Ни одна газетенка, естественно, и словом не обмолвилась ни о тектонических сдвигах в центре Атлантического океана, связанных, к примеру, со взрывами пробных бомб, ни о мощнейшем Циклоне с Торнадо, охватившем нейтральные воды на целые сутки. Также между строк не было ни намек, скажем, на то, что какая-либо страна, озабоченная неожиданно возникшими проблемами в сфере военной авиации, в корне решила сменить свои планы в области гонки вооружений. Чьи заказы исполнял Адам Браун, кто из президентов стоял за ним? Друзья отложили прессу и пожали плечами: что было – то прошло. Кривая вывезла.

Все остальные пилоты, спасшиеся с острова, по совету Арсения и Ивана на всякий случай «залегли глубоко на дно», и дальнейшая их судьба была обоим друзьям не известна. А жаль: меры предосторожности, я повторяюсь, были излишни. Не раз потом оба товарища раскаялись в том, что теперь невозможно организовать встречу однокашников и поделиться домыслами относительно произошедшего.

Но пока до этого было далеко: Иван и Арсений упорно продолжали замечать следы, несколько раз меняя имена и страны проживания, не рискуя возвращаться в Россию – те самые родные пенаты, которые они когда-то так страстно мечтали покинуть. В завершении своих совместных скитаний Летучие авантюристы переселились из Голландии в Англию и, не выдержав без любимой работы, устроились в British Airways, навсегда посвятив себя гражданской авиации и относительно оседлому образу жизни.

****

Ночь была в самом разгаре. Звезды сияли ясно, белел Млечный Путь. «Наколдовав» несколько миниатюрных светящихся спутников и орбитальных станций, Этьен пустил их лететь вдоль по молочной дорожке. Вообще-то это было одно из его любимейших занятий – зрелище получилось очень красивым, прямо-таки фантастическим, мистическим.

– Интересно, как окружающие воспримут твоё художество? – вслух подумала я. – Астрономы не объявят завтра сенсацию?

– Ерунда! Если люди ненароком глянут в окно и от неожиданности в штаны наложат, то им будет не до газетной шумихи, – ухмыльнулся Этьен.

Я тоже рассмеялась, но быстро осеклась.

– Так что же было дальше с нашими отцами? – вернулась я к прежней теме.

– Дальше? – повторил Этьен, вздохнув. – А ничего... в плане приключений.

Мой отец был не на шутку влюблен в Лилиану – в какой-то степени именно это и сгубило его волю. Он начал пить, часто и помногу, не закусывая. И ему пришлось, в конце концов, через десять лет покинуть пилотскую кабину, поскольку сердце уже стучало не так, как требовалось для этой работы – в те времена еще не было изобретено омолаживающей сыворотки, продлевающей жизнь на сто лет. Случались перепады кровяного давления, сетчатка на больших скоростях стала отходить от глаз...

Словом, как-то раз Иван не прошел медосмотр и...

Этьен умолк. В тишине я услышала, как он скрипнул зубами, но не посмела повернуть голову. Спустя мгновение сын Шаровой Молнии продолжил.

– ... был уволен по состоянию здоровья, – с досадой в голосе закончил Этьен фразу. – Поселился во Франции, в Тулузе, устроившись работать авиадиспетчером.

Что же касается твоего отца, Конкордия, то он относился к моей матери куда ровнее и спокойнее – как к боевому товарищу, но не более того. Остались лишь приятные теплые дружеские воспоминания, полные безобидного юмора и лишенные солдафонской пошлости. Арсений обзавелся семьей. Друзья часто пересекали Ла-Манш, летая друг к другу в гости...

И вот однажды Арсений узнал – сперва от медиков, а затем и от экстрасенса – что он тяжело и неизлечимо болен. И что начало его недуга восходит к злосчастным дням службы на том самом проклятом полигоне, где воздух был заражен ядами, радиацией и неизвестными спиритоформами, проникшими в наш мир из небытия во время лабораторных экспериментов. Твой отец воспринял ниспосланную судьбу мужественно и не сказал никому – включая и твою мать, Конкордия – ни слова о своей болезни, дабы не огорчать близких людей.

Иван же оказался более стоек к всевозможным болячкам: возможно, его проспиритованный организм отталкивал от себя любую заразу, словно жир – капли воды. А может, это благодаря своей страстной любви он получил от Лилианы особую толику защиты? Я, право, не знаю...

И вот однажды друзья гуляли вместе по Парижу. Стоял унылый дождливый день. Летучие авантюристы не спеша шли по площади Конкорд. Вдруг перед ними явилась Лилиана. Арсений и Иван не видели ее уже много лет и с радостью бросились ей навстречу, один – смеясь, другой – плача. Но Шаровая Молния отпрянула от них, точно бес от распятия, и тогда друзья заметили, что Лилиана чем-то расстроена и более того – находится в полном отчаянии.

«О, дорогая, что случилось?» – испугался Иван.

«Беда, беда, – запричитала женщина, заламывая руки. – Тогда, десять лет и пару месяцев назад я, видимо, допустила неосторожность, – воскликнула она, – увы, я беременна. Вы не удивляйтесь: у нас, Молний, это состояние длится дольше, чем у людей, и протекает куда мучительнее».

«Но чей это ребенок? – радостно и вместе с тем озадаченно воскликнули оба „отца“, готовые оказать Лилиане всяческую помощь, поддержку, и вообще не понимая, почему она так беспокоится».

«Ах, в этом-то все и дело! – заплакала женщина, и слезы ее бенгальскими огнями посыпались со щек, с треском вспыхивая и исчезая. Окружающие люди из-под зонтов увидели сквозь дождевую завесу размытые сполохи, напоминающие вспышки молний, и разбежались прочь. – Я ношу два плода, от вас обоих, но родить могу лишь одного. И тогда энергия другого, не родившегося ребенка, вызовет взрыв, который, сдетонируя, эхом откликнется в его отце. Второе чадо погибнет вместе с отцом, убив его всплеском своей души. И выхода из этой ситуации нет».

«Но, когда это должно случиться?» – немедленно спросил Арсений, словно ухватившись за какую-то мысль.

Иван же молчал в растерянности, пытаясь переварить услышанное.

«Откуда я знаю?! – огрызнулась Лилиана. – Скоро. Примерно в течение четырех ближайших недель».

«Но ты хотя бы предполагаешь, чей ребенок родится, или это как-то можно изменить?» – допытывался Арсений.

Иван взглянул в упор на друга, не понимая, к чему тот клонит.

«Это вам решать! – выпалила женщина, разведя руками и смущенно опустив глаза на свой живот, выпирающий из-под газового платья. – Я могу родить любого мальчика. Оба, между прочим, абсолютно здоровы!» – гордо добавила она.

«Ну что ж, ситуация предельно ясна, – Арсений с пониманием посмотрел на Лилиану, выглядевшую на этот раз такой несчастной, капризной, беспомощной и затравленной, что ему стало не по себе. Затем, глубоко вздохнув, искоса бросил быстрый взгляд на Ивана и вновь обратился к женщине, – не стоит волноваться, все гораздо проще, чем ты думаешь, Лилиана! – Загоревшийся в глазах Арсения огонек подсказал обоим товарищам – и Шаровой Молнии, и Ивану – что в уме у него мгновенно созрело решение, – пусть родится ребенок Ивана, – он дотронулся рукой до плеча друга, – это будет лучший вариант».

«Нет! Опомнись! Ты что, с ума сошел? – воскликнул Иван, опешив от неожиданности. – Ты же тогда погибнешь! А у тебя на шее семья, дочурка! – и, обратившись к Лилиане, быстро заговорил, – прошу тебя, не слушай его...»

«Ну и что, что семья! – грубо перебил товарища Арсений. – Эта семья через пару месяцев меня похоронит, а я не хочу умирать медленно, калеклой, лежа в больнице. Я знаю, что говорю».

И тут только впервые Арсений поведал друзьям о своей страшной, тяжелой и мучительной болезни, которую ему с трудом приходится скрывать ото всех. После этого его откровения Иван сразу весь как-то сник, и Лилиана поняла, что вопрос исчерпан. Вытерев слезы носовым платком, она произнесла, всхлипывая:

«Мне очень, очень жаль, Арсений, честное слово! Но, возможно, это тебя утешит: родится особенный человек, которому будет отведена величайшая роль на земле. И еще кое-что: мы расстаемся не навсегда. Все наши судьбы неоднократно переплетутся. Я это чувствую на очень тонком уровне, поскольку вся переполнена такой мощной высоковольтной энергией, что даже не могу обнять вас на прощанье...»

...Роды случились внезапно и на две недели раньше срока – двадцать пятого июля двухтысячного года – моя мать не успела позвонить обоим товарищам и предупредить их. И этот злополучный день, ставший днем моего рождения, оказался трагическим для твоего отца, летя-

щего на «Конкорде» через Ла-Манш, и для десятков других пассажиров. Вот, пожалуй, и вся информация, которую мне передала Лилиана. Больше она говорить не стала – не была особо к этому расположена. Да я и не стал расспрашивать. А что касается вопроса о моей исключительности и необычной судьбе, то я отношусь к этому философски и даже скептически. Лучше заранее ничего не знать. Вот и весь рассказ.

Этьен смолк. Мне не хотелось нарушать этой торжественной тишины. Я лишь дотронулась до его плеча, а после легла поудобнее, натянула спальник до подбородка и забылась мертвецким сном.

Осколки прошлого

Наутро Этьен изрек:

– Знаешь, я тут подумал, что мне следует отложить поиски моей возлюбленной Глории на какое-то время. Перво-наперво, я хочу разыскать моего отца. Ведь теперь, стабилизированный тобою, я смогу запросто с ним встретиться, и отсутствие Грозы мне более не мешает. А для этого я должен, непременно должен, увидаться с твоею матерью. Мне необходимо побеседовать с ней, ведь она сумеет помочь, она столько всего сможет порассказать... Идем прямо сейчас, я очень жажду с нею познакомиться! – завершил он, наконец, свою тираду.

Я с трудом разлепила глаза и поначалу очень плохо соображала. Глянула на друга, который, видимо, уже успел умыться, почистить зубы и теперь чувствовал себя бодрячком, словно проспал не каких-то три, а целых двенадцать часов. И тут до моего обоняния донесся запах свежесваренного кофе.

– С добрым утром, Этьен! – только и смогла вымолвить я.

– А?.. Да, конечно! – Этьен протянул мне чашку с таким видом, словно это была кислородная маска, явно надеясь, что она через секунду мобилизует меня. В самом деле, тут целлофановый пакет ледяной воды подействовал бы намного эффективнее, но, к счастью, мой друг еще слишком мало меня знает. – Так ты слышала, какие у меня планы на сегодня? Поможешь?

Передо мной появились бутерброды с ветчиной, семга и бутылка «Боржоми».

– Ты с ума сошел, – сонно пробормотала я, – что значит «сегодня»? До моей матери почти одиннадцать часов полета, три дозаправки!

– Как так? – удивился Этьен. – Ведь ты же сама говорила, что вы рядом живете.

– Никогда я этого не говорила, – мой голос был достаточно тверд, – я сказала, что мы с мамой много путешествовали по свету, пока не осели здесь, в России, на родине моего деда. Но мама моя находится не через дорогу, она аж в Краснодарском крае проживает!

– Вон оно что. Так значит, не получится сегодня увидеть ее, – и лицо Этьена стало таким растерянным и несчастным, что я не смогла ему отказать.

– Ладно уж, летим, – только и оставалось ответить мне, – в конце концов, я уже год как не совершала прогулок на микролайте – соскучилась по любимой игрушке. А то еще немного – и полеты придется отложить до весны. Здесь, в северных владениях, зимы все-таки суровы для подобных развлечений, даже несмотря на Всемирное Потепление.

Мы за каких-то десять минут добрались до гаража (приобретенного мною втайне от Эрика на его же деньги, торжественно врученные мне в день нашей свадьбы) и быстренько выкатили оттуда два микролайта. В свое время их смастерили за казенный счет в аэроклубе, куда я вступила еще в двенадцатилетнем возрасте. Позднее эта организация, существовавшая аж с советских времен, лишилась финансирования и разорилась, но половину техники удалось удачно списать – я приобрела микролайты за десятую часть стоимости. Разобрала и собрала заново, увеличив мощность двигателя, оттюнинговала в стиле woody. А потом мы с мамой перегнали оба мотодельтаплана с Кубани сюда, на Север. Конечно же, на самом деле мама захотела посмотреть, как мы с Эриком здесь живем – иначе бы она не изъявила желания прокатиться налегке.

Стояло прохладное сентябрьское раннее утро. По небу бежали редкие слоистые облачка. Ласточки летали низко. В воздухе уже блестели паутинки, пахло осенью, несмотря на устойчивую жару. На фоне розово-малиновой мякоти неба красиво смотрелись желтеющие березки. И почему-то так отрадно было на душе, точно должно было произойти что-то хорошее, удивительное, доброе. Может, это всего лишь предощущение полета?

Этьен помог мне установить и прочно закрепить дельтовидные крылья над гондолами, мы заправились, прогрели моторы и взмыли в небо. Я улыбалась, счастливая и довольная.

Рядом со мной справа летел Этьен с таким возвышенно трогательным выражением лица, какое бывает у патристично настроенных идиотов в момент поднятия знамени на флагшток. По его словам, он знает, как сократить время полета вдвое. Я пристально посмотрела на своего друга, он улыбнулся мне слезящимися глазами и что-то сказал. Но из-за ветра слов не было слышно. А включать шлемофонную связь мне не хотелось. Скорость нарастала, встречный поток заставлял глаза щуриться, и пришлось опустить стеклянное забрало. Поневоле вспомнились смешные строчки, написанные мною в далеком детстве, кажется где-то в Альпах:

*...Я набираю высоту,
Рассвет окрестность орошает,
Но через стекла красоту
Лишь только олухи вкушают.
А солнце лупит в сто свечей —
Уж небосвод в губной помаде,
Плыву я в зареве лучей
По сторонам румяным глядя!..*

Вскоре от постоянного напряжения, необходимого, чтобы удерживать руль в одной позиции, заболели руки – черт, когда же я, наконец, приобрету сервокомпенсатор?! Ведь планировать на малой высоте не так-то просто. А выше подниматься нельзя: для этого нужно заранее договариваться с диспетчером, ворошить документы, компьютерные данные, заказывать воздушный коридор. Но на подобную возню у нас с Этьеном не было времени. И мы летели чуть выше проводов со скоростью почти девятьсот шестьдесят километров в час. Приближалась первая остановка. Не долетая до населенного пункта, мы спикировали на поле, свернули крылья, вырулили на шоссе и поехали по деревне, вызывая любопытные взгляды придорожных крестьянок-торговок. Без труда отыскали заправочную станцию, где залили полные баки авиатоплива. Потом увидели яркую вывеску палатки «Пиво. Пицца. Шашлык. Кофе» и тут же ощутили зверский голод. Подле на лужайке стояли летние столики, рассчитанные на четыре персоны. Неплохо придумано. Сейчас один из нас зайдет внутрь за обедом, другой останется караулить моторизованных «мух»...

Таким образом, рассчитывая я, проделав еще два аналогичных марш-броска, к шестнадцати часам мы с Этьеном можем успешно приземлиться на морской берег недалеко от маминного дома...

****

Неожиданно я поняла, почему мне так хорошо на душе. Причина довольно прозаична. Ведь помимо всего прочего Этьен вчера сообщил, что отец переписал на мое имя довольно крупную сумму в Швейцарском банке (который, кстати, удачно перекочевал в Новый Цюрих, выстроенный в Восточной Сибири). А это куда больше, чем мы получили по завещанию. Значит, у меня будет не только самопальный дирижабль, но и своя собственная «Цессна»! Жаль, правда, что отец погиб, так и не успев сообщить матери о моем счете. А то бы мы вернули себе Вольные Славены гораздо раньше, и без помощи Эрика. Но зато теперь у меня появилась возможность отдать мужу должок и не чувствовать себя вечно зависимой и обязанной.

Вот отчего я сегодня утром не шла – летела, едва касаясь земли, по умытой улочке, готовая расцеловать каждого, кто назовет нашу страну самой прекрасной в мире. Как же отраднo жить на свете, имея целое состояние, являясь подданной Вселенной! Люди вокруг тебя кажутся такими радушными и милыми, такими трогательными и задушевными – не считая, конечно, тех, кто превращает Русь-матушку в помойку. Теперь я понимаю европейских знаменитостей

и богатейших мигрантов, которые с обожанием отзываются о русских и называют Россию своим излюбленным местом пребывания. Вовсе не обязательно из их уст течет лицемерная лесть – все дело в восприятии: сытый голодного не разумеет. Ведь если тебе однажды повезет, и ты окажешься с пятью миллионами евро среди в меру щедрых, сердобольных и отзывчивых людей, то даже окружающая грязь покажется тебе чуть ли не изначальной материей, праматерью мироздания. В конце концов, что такое отбросы? Это неиссякаемый источник тепла и энергии. Главное, вовремя пустить их в расход.

Но если серьезно, то более всего на свете мне бы хотелось, чтобы у нас в городе, или даже на всей территории Кубани, появилась полиция чистоты. В моем понимании это такие дворники-дружинники, которые рано утром очищают от мусора улицы и парки, урочища и скверы, леса и пляжи, а днем – патрулируют. Однако для создания подобного проекта необходим целый фонд. Возможно, когда-нибудь он у меня будет. А еще, не исключено, что под мусоропроводами вместо контейнеров появятся мини-электростанции, вмещающие в себя антивещество, портативные черные дыры для переработки отходов и аккумуляторы молниевых зарядов.

Действительно, почему бы россиянам ни рассматривать свои мусорные и пищевые свалки как генераторы тепла? Может, тогда в стране будет меньше депрессии, пьянства? Ведь иногда у отдельных неприятных личностей русская душа, требующая вечного орлиного и журавлиного полета, страдает свойственным птицам недержанием и бросает под себя все, начиная с проездного билета и кончая пластиковой бутылкой. Так не проще ли сжигать навоз и содержимое унитаза, скажем, в позитронном вакууме, и аккумулировать энергию в батареях? Тогда она будет питать атомные двигатели, чтобы летать могло тело, а не только душа.

*Проведи черту, там, где мир похоронен заживо,
Накарябай на белой стене замочную скважину,
Видишь вход? И оттуда – ни шагу.
Раздобудь карандаш и бумагу,
Нарисуй себе жизнь, что за дверью твоей,
Без непрошенных глаз, посторонних людей,
Понаехавших и обнаглевших гостей...*

*Там струятся молочные реки в царстве теней,
Там кисельные берега губ оленьих нежней,
Там по стенам вьются лианы из диких роз,
Там живой дед Мороз,
****а может быть Санта-Клаус,
Или, как у Булгакова, Штраус.*

*Ты захочешь нос сунуть на улицу?
– Черта с два!
Ведь в подъезде бычком на стене кто-то вывел слова:
Пешкаруса дати – набойки стоптати,
Трамваем – пуговицы потерять,
Спуститься в метро – взорвatomу быти,
– Домой возвращайтесь и лапу сосите!*

*Ты нацепишь рюкзак – и на рынок айда за картошкой,
Там воняет протухшая рыба и мочатся кошки,
У забора старушки рядками сидят,
Овощами и мясом торгуют, галдят,*

*За ограду гнилье и ошметки летят...
Для чего этот смрад?
И зачем этот ад?
Потому что там тоже кончается мир —
Захудалый, протухший, из латок и дыр —
Мир торговок.
— А что за забором?
— Сортир...
Ты вернешься домой — от покупок лукошко ломится,
Зафигачишь окрошку. В горшочке мясо готовится,
Голова от усталости клонится...
И с балкона очистки твои полетят
В палисад, где бычки прорасти не хотят,
Где пустые бутылки под утро звенят,
Алкаши, как солдаты, вповалку лежат,
Им уже невдомек, где кончается мир,
Начинается гульфик итанов и сортир...*

*А вдали, за рекой, там, где дрыхнут курганы темные,
Шашлычье понаехало жирное и отборное,
Придавили березоньки джипами мощными,
И разинули рты магнитолы истошные,
И сражаются с тьмой габариты, костры.
Все упиты, убиты — короче, мертвы...*

*А наутро свернет шапито молодежь гулящая,
И умчится их мир разбитной, как оркестр, гремющий,
И останется тара сверкать на земле,
И останется пластик в смердящей золе,
Потому что у каждого дверь на стене,
За которою он пребывает во сне,
Потому что у каждого собственный мир
Из любви и цветов. А за дверью — сортир...*

Приближение к родным пенатам отвлекло меня от философских мыслей.

Поскольку у нас с Этьеном не было времени звякнуть заранее маме по телефону, наше появление окажется для нее сюрпризом. Мы неслышно приземлились на песчаной косе, вскарабкались по земляным ступенькам, ведущим к особняку, и, крадучись, пересекли поляну. Старинный двухэтажный дом, построенный на лесистой возвышенности, отделанный серо-коричневой мраморной крошкой, вернул мне былые ощущения сказочности и таинственности. Я поднялась по замшелой лестнице с бронзовыми коваными перилами и замерла перед тяжелой дверью цвета какао, сильно напоминающей разделенную на квадраты шоколадку (в детстве я однажды ее облизала, и мне за это влетало). Дернула шелковый шнурок звонка. Этьен в нетерпении переминался с ноги на ногу.

— Мама в саду, — наконец сообразила я и потащила Этьена за руку влево, дальше, вдоль решетчатого забора, увитого плющом и виноградом, к калитке. Мы обогнули дом и остановились у черного входа.

Я открыла дверь своим ключом, и мы прошли через террасу и сени прямо на кухню. На плите стоял горячий чайник. Я вытащила из холодильника дольки пиццы, налила Этьену чаю, придвинула молочник, овсяное печенье, варенье, фрукты, а сама побежала в виноградник.

Мама оказалась на месте. Она собирала виноградные кисти в огромные глиняные кувшины. Я вкратце поведала ей, что познакомилась с неким молодым человеком по имени Этьен, который приходится сыном пилоту Ивану, лучшему другу ее покойного мужа и моего любимого папочки. И что Иван в свое время имел интимную связь с одной эксцентричной особой, родившей впоследствии от него этого самого Этьена. И вот теперь, дескать, Этьен вырос и хочет разыскать своего отца.

– Он рассчитывает на твою помощь, мама, – вставила я под конец ключевую фразу. А потом, сделав вид, будто спохватилась, добавила: – Да, чуть не забыла: Этьен просил передать тебе, что папа оставил нам целое состояние.

После чего, старательно пряча победоносную мину, вручила матери бумажку с кодом от банковского сейфа, нацарапанным химическим карандашом.

– Наконец-то мы сможем поправить дела в заповеднике, нанять смотрителей... – мечтательно прошептала мама севшим уставшим голосом, глубоко вздохнув.

– И поэтому ты просто обязана помочь Этьену. Постарайся вспомнить и рассказать ему о его отце все, что тебе известно. Пожалуйста! – подвела я итог сказанному.

Ну как, удалось мне зацепить ее?

И хотя выражение глаз мамы говорило о каких-то сомнениях, скептицизме, она сразу же согласилась. Мы вошли в дом.

Этьен при нашем появлении встал из-за стола. Мама поманила его одним жестом на свет, пальцем подняла его подбородок и внимательно посмотрела ему в глаза. Казалось, прошла целая вечность. Я с трепетом наблюдала за ней.

– Ты сын Лилианы, – наконец изрекла она, и ее в глазах вспыхнули не знакомые мне прежде искорки.

Мама стала задавать Этьену всевозможные вопросы, одновременно хозяйничая у плиты. Поставив на стол еще две чашки, блюдо «хвороста» и коробку конфет, она сняла передник, косынку, и только потом уселась с нами обедать. Длинные каштановые волнистые волосы тотчас обрамили ее лицо, едва она склонилась над чаем.

Я глядела в знакомые и, как всегда, непонятные и магнетические черты женщины, родившей меня, не переставая думать: что могло сделать ее такой загадочной? Такой властной, царственной. Может, когда-нибудь и у меня будет подобное выражение глаз: строгое и снисходительное, вытягивающее без труда ответ на любой вопрос, пронизательное и непроницаемое, с каким-то вызывающим надрывом и держащее всех на расстоянии. Ее врожденная чопорность, жеманство и кокетство придавали ей шарм, о котором она и не подозревала – они прощупали даже тогда, когда мама морщила лоб, задумываясь о делах, и все ее действия и слова в этот момент казались скорее механическими, нежели осознанными. И пусть она ходила по дому в фартуке и косынке, все равно чувствовалась ее властная женская сила.

Возможно, одиночество последних лет закалило маму как-то по-особому? Или руководящая должность изменила доселе кроткую мамину натуру? Химик и биолог по образованию, Мироланда Мстиславна Зимоглядова работала ведущим экологом в нашем родовом заповеднике – следила за развитием популяций различных видов растений и животных. В ее подчинении находилось более пятидесяти человек – в том числе и сильный пол. Однако никакое из вышеперечисленных статусных достоинств не лишало маму мягкого женского очарования – ее хрупкость и нежность заставляли всякого деликатничать и миндальничать с ней.

Я никогда не обладала подобной силой – я типичная папина дочка, угловатая и долговязая очкастая «плоскодонка». А всякие там «мадамские» хитрости, вроде пускания пыли в глаза, загадочной смены настроений или безудержной расточительности, порою раздражали

меня и ставили в тупик. Я многого в маме не понимала. К примеру, зачем нужны еще и платья, если имеются две смены джинсов и футболок? Или: для чего тратить деньги на пудру и духи – не проще ли на эту же сумму заполнить баки топливом и отправиться туда, где водопады сверкают золотом на закате?

Я не понимала мою непостижимую маму и лишь иногда с большим трудом могла предсказать ее реакцию на какое-либо событие – приблизительно, расплывчато, смутно, где-то на уровне «холодно – горячо». Вот и сейчас меня дико ошеломил и здорово испугал момент, когда мама произнесла имя Лилианы. Да я просто была уверена, что маме ничего не известно о Лилиане! Иначе бы она не дала мне договорить, а, едва войдя в дом, поглядела бы на Этьена косо и неприязненно. И уж, конечно, вряд ли бы она стала его угощать: все-таки Лилиана была общей любовницей обеих пилотов, а значит, ее потенциальной соперницей! И логичнее всего бы было выставить моего друга за дверь. Выходит, что я ошибалась в выводах насчет мамы?

Так и есть! Я, определенно, почувствовала, что мама обрадовалась неожиданному появлению Этьена. Чудеса, да и только!

Мы с другом все еще прихлебывали чай-композит, настоящий на одном из самых изысканных травяных букетов, когда мама встала из-за стола.

– Пейте, молодые люди, и я жду вас в библиотеке: там мы все и обсудим, – сказала она и со свойственной ей грацией выпорхнула из кухни.

– Ну что? – с тревогой спросил Этьен.

– Для нее наш приезд, точно гром среди ясного неба, и сейчас она приходит в себя, – ответила я, – но, в целом, думаю, все в порядке.

В библиотеке мама подкатила к дивану журнальный столик, на котором разложила большое количество фотографий, где были изображены Иван и Арсений – то вместе, то по отдельности.

Вот они в летной форме французского легиона, совсем молоденькие...

А здесь немного постарше, лежат возле озера Заповедного, что в кольце горных отрогов...

Вот среди однокашников на пикнике, вот на фоне «Летающих ножниц F15.5 Эос». Кто подозревал, что снимок секретного экспериментального самолета и информация о нем просочатся за пределы полигона?..

А вот это Париж, площадь Конкорд. Виски обоих авантюристов уже тронула седина, на лицах застыло суровое мужественное выражение. На обороте надпись: «Июнь, 2000 г.» Видимо, это последняя фотография.

Этьен рассматривал снимки впервые. Я же – просто пыталась окинуть новым взглядом то, что мне было давно известно.

– Догадываюсь: вы от меня многое утаили, – мама подняла на нас прищуренные в лукавой улыбке глаза, – поведайте-ка мне все с самого начала. Как вы познакомились, где, и так далее, – добавила она самым что ни на есть домашним, простым и радушным тоном, без излишней официальности.

И тут нас словно прорвало: перебивая друг друга, мы с Этьеном захлебнулись описывать случившееся. Мама внимала нам, загадочно улыбаясь и кивая, словно многое из нашего рассказа было ей предельно понятно и давно известно. Причем, известно как будто бы даже сверх того, что знали мы.

– Ну что ж, дети, – выслушав нас, сказала мама, – боюсь, что я очень немногим могу вам помочь. Ведь, как я понимаю, ты, Этьен, хочешь полностью воссоздать в памяти картину жизни своего отца.

– Да, но это еще не все, – с волнением в голосе проронил мой друг, – с тех пор, как Конкордия сделала меня человеком, я вдруг понял, что смогу, наконец, найти своего отца – во мне

впервые проснулась надежда! Если мать намеренно утаила от меня его местонахождение, то я сам пойду по его следам. Вы мне поможете?

– Знаешь, Этьен, пожалуй, тебе все же лучше попытаться навести справки об Иване у своей матери, – снова улыбнулась мама, и морщинки на ее выпуклом лбу разгладились, – Лилиана знает про Ивана такое, что неизвестно мне, и потому расскажет куда больше меня. Впрочем, тот вариант помощи, который я могу предложить тебе, тоже годится, но он затребует от тебя слишком большого количества духовных сил и мужества. Тебе предстоит встретиться... – мама намеренно выдержала паузу и понизила голос, – с привидением! То есть, я хочу сказать, что ты волен узнать домашний адрес Ивана у «второго авантюриста» – Арсения. Если хочешь, конечно. Сам же скромняга Иван стыдится навещать нас и прячется...

– То есть как это: узнать у отца? Что ты такое говоришь, мама? – воскликнула я.

– Что значит, прячется? «Чего ему стыдиться?» – тревожно произнес Этьен одновременно со мной.

Мама по очереди оглядела нас, точно прикидывая, кому же из нас первому ответить, и выбрала Этьена.

– Обычный комплекс вины выжившего. Ивану стыдно, что он уцелел, тогда как Арсений погиб. Ведь они долгое время, почти все молодые годы, были на равных во всем и все делили поровну – деньги, женщин, приключения. Теперь же Ивану неловко, что у него есть сын, а Арсений пожертвовал ради друга своей жизнью и жизнью своего ребенка. Словом, Иван упорно считает себя виноватым в смерти Арсения – он мне так прямо и написал однажды в письме. Я же в ответном послании попросила его выкинуть этот вздор из головы и просто взять, да и приехать ко мне в гости. Но, очевидно, у Ивана духу на это не хватило: явиться сюда он так и не решился. Между строк чувствовалось, что он боится не столько моего воображаемого гнева, сколько немого упрека. Я же ни в чем Ивана не виню. Я даже посетовала в следующем письме: дескать, почему он такого плохого мнения о старых друзьях? И намекнула, что в настоящее время мне известно об их с Арсением прошлом куда больше, чем он может себе представить. Но такой уж Иван странный человек: не счел нужным ответить на мое последнее послание. И более умолять его навестить семью дорогого друга я не собираюсь, – губы мамы сжались, образовав упрямую складку негодования, – бегство Ивана я считаю своего рода трусостью. Мы не подростки, чтобы робеть, и такое поведение – это уже чересчур!

Этьен понимающе кивнул.

А я обратила внимание на загадочный подтекст:

– Мама, ответь, пожалуйста, что ты имела в виду, когда сказала, что в настоящее время тебе известно о прошлом отца и Ивана куда больше, чем Иван может себе представить? – быстро спросила я, перехватив ее мимолетный прищур, вскользь брошенный в мою сторону. – От *кого* и *что* тебе известно? Это что-то такое, чего ты упорно не желаешь нам рассказывать? И как Этьен может встретиться со «вторым авантюристом», если папа умер?

Мама смерила меня проницательным взглядом и надолго задумалась, прежде чем ответить.

– На самом деле это все один вопрос. От кого мне известно о прошлом двух закадычных друзей? От отца, разумеется. Раз уж ты с легкостью приняла в своем сердце факт существования сверхъестественных форм жизни, сохраняющих сознание вне тела – вне инкарнации – то пора бы тебе уж догадаться, дочка, что оттиски душ наших близких, а в особенности, *безвременно* ушедших, остаются на этом свете после их смерти, – таинственным полупшепотом ответила мне мать. Говоря это, она посмотрела на меня как-то особенно, точно на посвященную в тайные знания, – и они повсюду витают в воздухе, вечно находясь среди живых, – развела она руками по сторонам, словно комната была заполнена невидимыми духами.

– Выходит, что и мой папа тоже где-то здесь, в этом доме? Но тогда почему я не могу с ним общаться?

– Видишь ли... – замялась мама. Спустя мгновение она пожала плечами, словно говоря самой себе «Почему бы и нет?» – ну хорошо. Пожалуй, ты тоже встретишься с ним сегодня, и тогда многое поймешь сама, – с мягкой улыбкой добавила она.

– Постой! – воскликнула я, – значит, получается, что ты с ним все это время общалась, а я, что, не имела права? – возмущению моему не было предела.

– Понимаешь, – мама вздохнула, провела рукой по волосам и непроизвольно взъерошила их, – когда твой умерший папа впервые заговорил со мной – это стало для меня такой неожиданностью, ну просто настоящим шоком! Мне потом долго было не по себе... жуть какая! Знаешь, первое время меня часто, регулярно – да почти что каждую ночь – посещали кошмары. И, очевидно, все это каким-то образом отразилось на мне, наложило отпечаток – даже окружающие заметили. Большинство коллег по работе, гостей, знакомых то и дело спрашивали у меня: что происходит? Одни говорили мне: «Ты стала какая-то нервная, странная, загадочная, рассеянная...» Другие же: «У тебя красноватые пятна на лице, болезненно блестят глаза...» Я отвечала всем, что просто переутомлена, хотя на самом деле я и до сих пор не знаю, что полагается говорить в таких случаях. К счастью, тебя тогда рядом не было – ты все это время, после смерти отца, находилась в пансионе во Франции. Слава Богам, иначе бы мое раздраженное состояние непременно передалось бы тебе! И когда Арсений явился ко мне в следующий раз, то, взвесив все за и против, мы с ним пришли к выводу, что лучше держать наши встречи втайне от тебя. Ты была ребенком, не забывай. К тому же ты всегда отличалась повышенной замкнутостью, скрытностью, впечатлительностью и склонностью к аутизму. Честно говоря, я боялась, что тебе грозит тихое помешательство, если ты узришь отца воочию, и что я даже не смогу проконтролировать, когда оно начнется. А ежели наоборот, тыотреагируешь бурно и примешься рассказывать всем и вся о своих «видениях», то тебе также будет уготована дорога в психушку – тебя туда упекут учителя и ювеналка.

Но, возможно, я напрасно волновалась. Ты оказалась сильнее меня, и я думаю, что причиной этому послужило твое сильно развитое воображение в сочетании с твердой уверенностью, что в мире нет ничего необъяснимого. Впечатлительность не подавила ни твоей рассудительности, ни твоего умения рассуждать логически. Стать свидетелем того, как из воздуха возникает человек, а потом тает – это любого сведет с ума. Любого, но не тебя – в этом я ошиблась. Ты увидела Этьена – и спокойно к этому отнеслась. Так что, если можешь, постарайся понять и простить меня, дочка, – сказала мать, обнимая меня, на что я ответила ей взаимным объятием, – в общем, договорились: ты тоже сегодня увидишь отца. Обязательно. Обещаю.

– Ты говоришь: «увиджу», – всколыхнулось у меня в мозгу, – но что ты имеешь в виду? Что значит «увиджу»? По-настоящему увижу, или всего лишь почувствую?

В этот момент Этьен весь как-то подался вперед, точно у него уже был готовый ответ на вопрос.

– Увидишь своими глазами, – ответила мама невозмутимо, – главное, помни, что это не воскресшая душа, а оттиск души. Иными словами: скан, отпечаток, проекция, а по-научному – эгрегор...

– Но как?! – все еще не могла я понять. – Каким образом отец станет видимым, если все остальные умершие...

– Он будет временно находиться в одном из зримых субтильных тел.

– Каких тел?

– Тел, состоящих из уплотненной атмосферы, сгустившейся за счет воздействия одной из четырех природных Стихий. То есть существуют так называемые тела Огня, Земли, Воды и Воздуха. Тебе что-нибудь известно о Стихиях?

****

Мы с Этьеном стояли, обнявшись по-дружески, на одной из крыш возле парапета. Потом я, слабо вздохнув, мягко отстранилась, отступила назад и посмотрела принцу Грозы прямо в глаза:

– Знаешь, я порой завидую всей этой твоей летучести. Ведь если подумать, я, по сравнению с тобой, лишь слабое беспомощное одинокое существо, которое пытается найти покой и утешение для своей мятежной души.

– И с какого бока, интересно знать, ты одинока и слаба? – удивился Этьен, – что-то незаметно.

– Просто я...

Но тут вдруг у меня в мозгу внезапно загорелась лампочка:

– погоди! – воскликнула я, невольно схватив Этьена за плечо. – Ты только что сказал, что солнце имеет, то есть... заключает в себе... электрическую природу... Силу! – я от волнения с трудом подбирала слова, путаясь и спотыкаясь на каждой фразе. – А как же радиация, водород, гелий и все такое? Я хочу сказать: что первично – раскаленный газ или электричество?

– И то, и другое – это признаки пробуждения изначального естества любого неостывшего космического тела, – скороговоркой, словно отличник, проговорил Этьен, – радиационные излучения сопровождают электромагнитные, их природа в космосе двойственна. Солнце, как и Земля, имеет магнитные полюса, или, правильнее будет сказать, гелиомагнитные. И движения всех, составляющих его, газо-плазменных частиц, между ядром и короной, происходящие по траектории тора, упорядочены. Огонь Солнца – электрический по природе, что никоим образом не противоречит термоядерной реакции, превращающей водород в гелий. А самый большой электрический заряд возникает у кварк-глюонной плазмы в момент зарождения Галактик!

– Никогда об этом не думала, – честно призналась я, – по мне Огонь – это просто огонек! Как от спички. Ну, то есть если бы Солнце было размером с мячик, его запросто можно было бы потушить ведерком воды. Чего не скажешь об электрических возгораниях – их тушат песком.

– Совершенно верно! Потому что Земля (в частности, песок, кремний) – и Огонь (электроэнергия) – принадлежат к прямо противоположным физическим Стихиям, переходящим друг в друга. Супплетивным, то есть взаимодополняющим, в сумме дающим единицу с нулевым вектором. И, если тебе хоть раз довелось быть свидетельницей удара молнии в балконное ограждение или подоконник распахнутого настежь окна, то ты могла заметить, что после вспышки и грохота помещение внутри оказывается усыпанным желтовато-серою мучнистой пылью, содержащей примеси кремния – примитивнейший пример перехода плазмы в твердое вещество. Ну а Шаровая Молния – это, по сути, маленькое Солнце, заряд которого ведро Воды, как ты выражаешься, только усилит. Простой огонь от газовой горелки ведь не годится для подводной сварки, так? Он мгновенно погаснет. Нужна электродуга. А как тебе звезды, которые извечно горят в вакууме, без кислорода? Ясно же, что это не совсем обычный огонь! – с какой-то непонятной гордостью заключил он.

«Может, звезды всего лишь остывают долго, – упрямо подумала я про себя, но не посмела сказать вслух, чтобы не обидеть друга, – да мало ли что горит просто так, от трения – скажем, метеорит...»

– Даже метеориты получают слабый электрический заряд, чиркаясь о воздух, точно расческа о волосы, – словно читая мои мысли, произнес сын Шаровой Молнии, – между проводниками и накопителями статического электричества...

В Этьене вдруг проснулся азарт, и он принялся возбужденно рассказывать об истоках электроэнергии на Земле, в Космосе, в Воде, в механической работе, совершаемой людьми – он

точно являл собою второе воплощение Николы Теслы! Размахивая руками, словно фокусник на сцене, Этьен прямо из воздуха создавал светящиеся шары и зигзаги, которые тут же гасил. Он видел весь мир через свою особую призму: все, что слева – с зарядом, справа – нет. Меня это буквально захватывало.

– Выходит, – вслух подумала я, пытаюсь навести порядок в хаосе мыслей, бурлящих в голове от услышанного, – что астрологи все путают, говоря о вселенских движущих Стихиях, заправляющих всем сущим – Воде, Земле, Воздухе и Огне... Потому как под Огнем правильнее будет подразумевать Плазму?

– Возможно, у меня предубеждения, – ехидно проговорил Этьен, – да только я этих самых астро-олухов никогда всерьез не воспринимал. Зато с интересом изучал то, что думали на сей счет античные философы. Их подход к изучению основ мироздания, по крайней мере, научный. И они были наиболее близки к истине. Первостихии – это куда глубже, чем астрология. Это, скорее, астрофизика.

– Для меня не имеет ровным счетом никакого значения – физика это или астрология, – терпеливо сказала я, – меня волнует сама суть, свойство элемента. Понимаешь, в переносном смысле людьми Огня принято называть пламенных поэтов, лидеров восстаний, героических вождей или им подобных харизматичных личностей, которые якобы «рано сгорают, умирая, но их Огонь согревает ближних и любимых» – это я нарочно перефразировала Макаревича, чтобы понятно было. Словом, «огненные натуры» способны зажечь народ своею страстью и заставить пойти за собой – прежде об этом немало писали литературные критики и авторы советских учебников. Что же касается современных астрологов, то они, не особо парясь, предпочли взять на вооружение общепринятую точку зрения. Однако в ней концы с концами не сходятся. Ну, «сгорели» люди Огня, а дальше что? Разве они все умерли? Или всего-навсего их жизненная активность сошла на нет? Об этом почему-то астрология умалчивает. Как бы там ни было, любой вариант фатального сгорания исполнен трагедии и пессимизма. Получается, что представители трех других Стихий – Земли, Воздуха и Воды – успешные и удачливые люди, а «огненные знаки» изначально запрограммированы на раннюю смерть! Это неправильно, и куда только смотрят толкователи? Ведь на самом деле к Стихии Огня, сообразно гороскопу, принадлежит добрая четверть населения! Причем, она живет себе до ста лет, и здравствует, радуется жизни и не думает сгорать без остатка – где ж тут пламенное горение? Вот что мне всегда непонятно было! И, стало быть, вся эта чушь о свойстве первоэлемента «Огонь»...

– Первостихии!

... – изложена дилетантами... да, прости?

– Ты путаешь Первостихию «Огонь» с Первоэлементом «Огонь». Это разные понятия, – перебил меня Этьен. – Стихия – свойство проявления материи в движении, на критическом пике своей активности; причем, активность одной Стихии непременно сказывается на состоянии других, что можно отобразить на векторном графике. Элементы же – это ипостаси существования материи на различных стадиях развития, проявляемые в форме веществ. К ним относятся Металл, Дерево, Эфир, Вода, Воздух, Земля и вышеупомянутый Огонь. Вот тут уже под Огнем подразумевается, как ты говоришь, самый обычный огонек от спички. Стихий всего четыре, а Первоэлементов семь.

– Понятно. В общем, по словам астрологов, Огню противостоит Вода, которая его заливают, гасит периодически. И поэтому Огонь и Вода дополняют друг друга...

– Какая бредятина! – воскликнул Этьен.

– Разумеется, – продолжала я, – теперь, после твоих слов, все стало на свои места. Во-первых, люди Воды, заливая подобный Огонь-заряд, устроят лишь замыкание, или взрыв, который уничтожит вокруг все хорошее. Приведу пример: из-за своей склонности к алкоголизму, Скорпион постарается утешить водкой доброго и открытого пламенного вождя Овна, а тот, напившись, учинит вместо революции пьяный дебош. А во-вторых, электрическая при-

рода Огня вовсе не означает присутствие в Овне, Льве или Стрельце зачатков героико-суицидальной натуры, как это утверждают авторитетные астрологи. Людям Огня ни к чему сгорать дотла, потому что электрический Огонь подразумевает также энергию покоя. То есть человеку не обязательно совершать подвиги ценою жизни, чтобы быть харизматичной личностью. Ему достаточно лишь работать над собой умственно и физически, воспитывая толпу собственным примером – и от него будут во все стороны лететь воспламеняющие сердца искры, флюиды положительного заряда. Тонус, воля, усердие, проникновенность, доброта – таковы его козыри.

Из всего сказанного следует, что на самом деле Огню противостоит Земля – вот уж действительно прекрасное сочетание личностей. Огонь вовсе не испепеляет Землю, делая ее безжизненной и бесплодной, как это сказано в гороскопах. И Земля не охлаждает и не убивает Огонь, перекрывая кислород. Поскольку я сама принадлежу к Стихии Земли, я это знаю...

– А ты кто по гороскопу? – невольно заинтересовался Этьен.

– Дева. И потому я всегда чувствую заряды, исходящие от носителей Огненных знаков.

– Во как! А от меня какой-нибудь зарядец есть? – полусерьезно-полушутя произнес Этьен и глянул непроницаемо.

– Разумеется! – рассмеялась я, – ты сам как ходячая розетка. В общем, Огонь стимулирует магнетизм и так называемую мускулатуру Земли человека. А Земля, в свою очередь, заземляет избыток энергетического заряда Огня. То есть они будто бы проникают друг в друга, но качественно и количественно при этом не меняются, не уничтожают друг друга, как огонек лучины и дождь. Напротив, уравнивают. Материя переходит в плазму...

– Верно, я тоже это чувствую, – согласился Этьен и впервые с момента разговора посмотрел на меня искренне и заинтересованно, – на самом деле я рад тому, что тебя глубоко волнуют все эти астро- и метафизические вопросы. Лишь бы ты не засоряла свой ум поверхностно-бульварной макулатурой типа «гороскоп для настоящей леди на каждый день». И, кстати, вот еще тебе один постулат для размышления на досуге:

«Стихия – потому и Стихия, что она не подчиняется воле человека, не возникает в зависимости от его желания или произведенных им каких-либо операций. Стихия пробуждается, затухает и разгорается вновь лишь по своему желанию. Она успокаивается, но никогда не исчезает без остатка. Она бессмертна, вечна, без нее немыслима сама природа».

– Понимаю, – ответила я, – мы можем наблюдать за сейсмографами, датчиками системы Vaisala, сигнализаторами Цунами и метеоприборами непрерывно, но изменить что-либо в природе не в состоянии – только укрыться и спасти свою шкуру. Однако лесной пал – это не Стихия, потому что мы в силах потушить пожар навсегда, и на приборах наблюдать будет нечего.

– Ну, примерно так, – улыбнулся Этьен, – причем, противостояние Земли и Огня куда сильнее, чем противостояние Воды и Воздуха: Земля и Огонь взаимодействуют между собой в космической Вселенной, тогда как круговорот Воды в природе происходит лишь на планетарном уровне в кислородной атмосфере.

– Да-да, я знаю! Я это и хотела сказать – только дальше. Водным знакам по гороскопу идеально подходит именно Воздух, – быстро заговорила я, – и сочетание таких людей окажется благоприятным и комфортным. Воздух и Вода качественно и количественно переходят друг в друга, следовательно, они дополняют друг друга – то есть каждый из партнеров видит во внешности другого зрительный образ собственной идеализированной души.

В общем, мы имеем два удачных дуэта: «Земля – Огонь» и «Вода – Воздух». В первом случае люди будут слишком разными, непохожими, им гораздо труднее сойтись, но зато вместе они – Сила, и Сила очень мощная, потому что присутствие партнера делает другого лучше. Их брак небесный. Во втором случае люди похожи, как брат и сестра, они очень легко сходятся друг с другом, однако в их жизни присутствует множество бытовых ссор. Их брак земной.

– Земной? Это скучновато будет, – морщась, заметил Этьен, – по мне, так или все, или ничего. На синицу не согласен, только журавль... в космосе.

Я рассмеялась. А спустя минуту продолжила:

– Да, именно земной! Воде и Воздуху следует уступать друг другу в спорах, поскольку им очень легко поставить себя на место другого – нет ничего проще, чем Воздуху представить себя Водой. Круговорот Воды и Воздуха в природе – явление непрерывное, для которого не требуется особых физических условий.

Чего не скажешь об Огне и Земле. Второй случай пахнет исключительно формулой $E = mc^2$ – то есть идеальными условиями для трансформации твердого вещества в плазму, крайне редко встречающимися в природе и, как правило, происходящими в далеком космосе. Поэтому здесь все наоборот: Земле и Огню слишком трудно вообразить себя на месте партнера. Но тем не менее они не идут на конфликты, потому что сами, по собственной воле, зачастую подстраиваются друг под друга, попадая под взаимное влияние. И их проблема отношений кроется совсем в ином: Земле и Огню, напротив, надо научиться отстаивать свое *Я*, чтобы один партнер не «перетянул» другого на свою сторону – такая слепая жертвенность, граничащая с самоуничтожением, приведет слабовольного к размытию собственной личности. Вследствие этого он потеряет всякое уважение партнера и станет ему неинтересен. Необходимо научиться говорить «нет», давать отпор. То есть следует поддерживать нейтральный заряд между положительным Огнем и отрицательной Землей...

– Все это весьма интересно, – взволнованно проговорил Этьен, – но знаешь, Конкордия, я несколько далек от подобных конфликтных ситуаций. То есть, я хочу сказать, что у меня самого никогда на свете не было никаких человеческих отношений. Ни с кем. И я не знаю, что значит уступать, подстраиваться, попадать под влияние. Я такой, какой я есть, и все тут. Но я свободен, и потому не собираюсь ущемлять чьи-либо права на свободу. Готов попытаться принять человека со всеми его достоинствами и недостатками. Однако если меня попросят, если очень попросят, то, возможно, мне придется постараться примерить на себя шкуру партнера, чтобы понять его. Я не боюсь при этом утратить свою личность.

– Ты ее никогда не утратишь, – решительно заявила я, – ты же сам – Стихия. У тебя врожденный внутренний стержень. Ты сильный, волевой, самодостаточный...

– Но ведь с твоей помощью я становлюсь человеком...

– Ну и что с того! У тебя опыт, уверенность в себе, ты – целый мир!

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – сурово остановил меня Этьен, – Архангелы, подобные мне, становясь людьми, полностью меняют свою личностную структуру: многие из них превращаются в слабаков, чувствуют себя совершенно потерянными в земном мире...

– Я не дам тебе упасть, Этьен, – тихо пообещала я, – я тоже не люблю подминать под себя людей и не понимаю тех, кто делает своих близких тряпками, а потом живет с ними бок о бок и костерит их, на чем свет стоит, за безволие и немощь. В этих семьях нет никакой гармонии и стремления к совершенству.

– Люди мало думают о совершенстве и гармонии, они, в основном, ищут легких путей, – с печалью и состраданием сказал Этьен, – легких денег, легкой любви, дешевого комфорта. Готовы закрывать глаза на все и притворяться счастливыми, устав от одиночества. Даже, если эти люди неинтересны друг другу.

– Как голуби и крысы?

– Именно, как голуби и крысы.

– Мне иногда кажется, что я тоже от всего устала. Я шла своим путем, но не всегда поступала верно. И, знаешь, все-таки я думаю, что мне придется кое-что исправлять в собственной жизни. Я поняла это вот только что, в эту самую минуту, и чувствую, что мне уже становится намного легче...

– У тебя еще все впереди, – подбодрил меня Этьен.

– ...Теперь мне все ясно – видно, как на ладони, – принялась я рассуждать вслух, обращаясь скорее к самой себе, – муж мой, Эрик, принадлежит к стихии Воздуха. И потому ему абсолютно плевать на извечные ценности и традиции, которыми всегда было принято дорожить в нашей семье. Он – перекасти-поле. И наверняка жаждет видеть во мне качества водяных знаков: изменчивость, любовь к карьерным интригам и способность плыть по течению. Но я незыблема. Я принадлежу к дикой природе, тогда как он – Близнецы, городской знак. И, следовательно, мы – не дуэт...

– Городской знак! – развеселился Этьен.

Я нахмурилась.

– Ну, вот смотри, как бы тебе сказать, – попыталась я найти нужные слова, – первый дуэт или союз партнеров – это дуэт дикой природы. То есть Земли и Огня. Земля – это вечная незыблемость и покой, как горы или пирамиды, как стоячее хрустальное озеро. Это соли и минералы, породы, из которых все выходит и куда все возвращается. Огонь – это подвижность и напряжение. Например, Полярное Сияние. Ну, или пламя Вулкана, вызывающее Землетрясения, Смерчи и Вихри, резко и внезапно все меняющие. Второй дуэт – это дуэт цивилизации, а именно – Воды и Воздуха. Вода – это размеренно текущая жизнь общества по принципу «кривая вывезет». А Воздух – это открытия и изобретения, восстания и войны.

****

– Да, мама, я в курсе того, что есть Стихии, – ответила я наконец. Но мне непонятно одно: каким макаром отцу удалось завладеть одним из subtilных тел, и почему тогда другие покойники не могут?

– Это не покойники, нет, ни в коем случае не называй их так, и это не души мертвецов – не путай! – терпеливо сказала мама. – Это энергия воспоминаний об умерших родственниках, а в нашем, частном случае – воспоминаний о твоём отце. Его так называемый эгрегор образовался благодаря нам с тобой, а не благодаря личности покойного отца. Что же касается ответа на вторую часть вопроса: отнюдь, сканы душ других умерших тоже могут становиться видимыми. Но, увы, в наши дни это случается все реже и реже. Видишь ли, эгрегоры изначально обладают свойством воплощаться в человеческом облике. Но этот дар зависит от почитания умершего потомками, от культуры уважения предков. Лишь единицы из эгрегоров самостоятельно находят способы образовывать тела, черпая силы из воспоминаний о себе – причем, добрых и недобрых. Чаще всего им кто-то помогает...

– Но кто, в таком случае, впервые помог эгрегору отца принять зримый образ, если не ты? – выдохнула я, широко раскрыв глаза.

– Ох, ну ты и сама в состоянии догадаться, Коко! – чуть насмешливо сказала мама, нетерпеливо при этом вздохнув, – при жизни Арсений мог напрямую общаться с одной весьма экстравагантной представительницей Огненной Стихии. Думаешь, она не оказывает ему содействия в стремлении обрести плоть и видимость после смерти? – И мама многозначительно оглядела нас обоих, – разве Этьен тебе не все про нее разжевал – что она за личность?

– Выходит, Лилиана разыскала отца после его трагической гибели и обучила воплощениям? Но каким образом он, принадлежащий – насколько я понимаю – к стихии Воздуха, ухитряется втискиваться в ее огненную оболочку? Разве ему не нужна родная, воздушная форма? – попыталась я рассуждать логически. – А, следовательно, ее присутствие не играет особой роли...

– Стоп-стоп-стоп! Не торопись. Начнем с того, что кое-чему Лилиана обучила его еще до смерти. Ну а во-вторых, в светящееся тело человек может войти в любое – независимо от Стихии. Хотя, конечно, в близкое тебе по природе ты лучше вращаешься, а чужеродное причиняет твоему эгрегору некоторые неудобства. Само по себе это неудивительно, ведь чуждые тебе

Стихии плохо тебя слушаются и порою отказываются помогать. То есть при контакте с ними у тебя возникает ощущение, сродни тому, что ты чувствуешь, надевая тесную обувь и растирая ноги в кровь. Помогает усмирить буйство Стихий лишь обращение к животворящему кресту...

– То есть необходимо принять христианскую веру?

– Я говорю сейчас не о вере, не об этической стороне вопроса и тем более не о политике, – отмахнулась мама, – а о тайных знаниях древних мудрых. Ты когда-нибудь задумывалась над тем, в чем истинная разница между пентаграммой и крестом? В пентакле человек как бы провозглашает себя пятой Стихией, одним из лучей звезды, понимаешь? На равных с природными силами, забывая о том, что ему подобное могущество не подвластно. Равновесие Стихий смещается в сторону человека, и это приводит к разрушению гармонии, которое начинается с уничтожения законов природы и заканчивается гибелью самого человека.

А в животворящем кресте – имеется в виду равнолучевой кельтский крест, а не церковный – человек помещен в эпицентр перекрестия сил, которые умирят в нем мятежные страсти. Вода располагается супротив Воздуха, Земля напротив Огня, а человек, находящийся посередине, черпает Силы из равновесия противоборствующих Стихий. Лишь сильный духом способен пить этот источник и заряжаться от него, оставаясь самим собой, слабый же утратит свою индивидуальность и превратится в тупое рабочее животное, лишенное не столько пороков, сколько творческого начала. У сильной личности хватит мудрости держать Стихии под контролем, не растворяясь в них, и однажды она сможет узреть извечный вихрь Сил – крест, закручивающийся по спирали. И не страшны ей станут тогда перемены погоды, магнитные бури, причуды лунного календаря, затмения, порчи, сглазы и прочие, и прочие препятствия...

– Но причем тут порчи, сглазы и колдовство? – изумилась я и украдкой взглянула на Этьена, развалившегося на диване в непринужденной позе рядом с кучей снимков – тот молча внимал рассказу, нахмутив брови и не поднимая глаз. – Ты же знаешь, что я не верю во всякие байки насчет разбитого зеркала, и даже религии противопоставляю науку. А суевериям – и подавно.

– В таком случае, читай больше современной научной литературы и анализируй прочитанное, – отрезала мама. – Не обязательно бить зеркала или чертить пентаграмму на полу – она и так уже есть в голове у чародея. Когда колдун творит ворожбу, то он, вне зависимости от своего вероисповедания, совершает одно и то же действие: выводит собственную личность из центра креста и превращает в пятую Стихию – то есть в оружие. Например, он помещает себя супротив Воды, желая наслать на деревню волчанку и мор. Тогда Воздух оказывается ничем не уравновешен и начинает крушить все, что встает у него на пути. Но безумец уже не контролирует набранную силу, и она способна, в конце концов, обрушиться на самого колдуна в виде того же *поветрия* или Смерча. Это все равно, что не справиться со шлангом, извергающим водопад. Так черная магия поражает нас самих.

Сказанное произвело на меня сильное впечатление.

– Жаль, что в Евангелии не написано о свойствах кельтского креста, тогда бы я знала, – прошептала я, восхищенно глядя на маму. Теперь она казалась мне словно сошедшей с древних каменных изваяний: открытый высокий лоб, утонченные изгибы бровей, огромные зеленые глаза, изящные крылья магнетически прямого носа. Ни дать ни взять – Богиня.

– И Библию можно уметь читать между строк, – наставительно заметила мама, – Иисус, к примеру, был зачат от Святого Духа всех четырех Стихий сразу, или, говоря теологическим языком, от эманации четырех Начал. Илья Пророк – только лишь от Стихии Воды. Чудотворцы умели подчинять себе вихрь Стихий, ничего об оном, не ведая – такова была сила христианской веры. А обычному современному человеку приходится подстраиваться под биоритмы природы, слушая Луну, Солнце и звезды. Иными словами, под гороскоп. Ему так легче. Хотя, в результате, все это только усложняет жизнь, поскольку отнимает у человека волю и разум.

– Но каким образом? – удивилась я.

– Ну, например, когда мы говорим о несовместимости характеров по гороскопу, то, как правило, имеем в виду наши отрицательные качества: лень, вспыльчивость, непостоянство, неряшливость. А если мы искореним в себе недостатки и начнем жить по заповедям Христовым, то даже самые зловещие предсказания окажутся против нас бессильными. Могут ли два человека поссориться, пусть они даже и несовместимы по гороскопу – если, скажем, один дружелюбный, а другой щедрый? То-то. Так что тем, кто руководствуется принципами человеколюбия, никакой гороскоп не страшен. Но, увы, все мы живые люди со своими слабостями...

– Между прочим, Лилиана настроена категорически против самопровозглашенного Бога – падшего Ангела – иначе, Узурпатора, поскольку тот угнетает Шаровые Молнии! Вам это известно? – подал, наконец, голос Этьен, отрываясь от диванной подушки и распрямляя спину.

– Так ведь она-то меня всем этим теологическим премудростям и научила, – улыбнулась мама. – Впрочем, понятие «Бог» тоже в данном случае сугубо научное. Лилиана выступает против определенных Сил, в христианстве именуемых демонами. Силы эти по могуществу равны Херувимам и Серафимам, Престолам и Властям, и они пытаются подчинить себе *Первостихии* – Начала.

А если смотреть в более раннем, языческом аспекте, то Лилиана далеко не против Перуна, Зевса, Тора или Индры. Она лишь против доминирующей воли любого Божества. К счастью, однако, всякий языческий Бог подобен человеку: в нем есть и хорошее, и плохое. Плохое – в смысле, не демоническое, а деструктивное. Иными словами, пагубное для здоровья телесного и духовного. Понятие демонического же, возникшее в постязыческую эпоху, означает, прежде всего, властное начало, притесняющее свободолюбивый разум, лишаящее индивидуум свободы выбора. И если языческого Бога еще можно задобрить подношениями и тем самым смягчить его суровую натуру, то в христианстве для Дьявола культ его – это самоцель, то есть ему в первую очередь важна сама идея доминирования, авторитаризм личности. Вот где кроется безудержная сатрапия, проистекающая из дьявольской гордыни! Примером такой власти может служить Люцифер, эксплуатирующий мыслящую, но еще не родившуюся в небе, не созревшую и не оформившуюся в виде шара молнию.

Природа линейных молний – исключительно огненная, а природа Шаровых Молний – полугогненная-полуземная, ведь изначально большинство Шаровых Молний возникает при солнечном дне, и чаще всего в эпицентре будущих землетрясений. Это своего рода момент перехода массы в энергию. И момент рождения разума у Стихии. Но затем они растут и умнеют, набирая силу и вес из электричества, сотворенного человеком. А также, впитывая перуновы стрелы. Генезис данного процесса очень непрост и требует отдельного разговора...

Но мы, кажется, отвлеклись от темы, – мама улыбнулась, окинув нас быстрым взглядом, – сейчас ведь речь идет об Арсении – не так ли, Этьен? И о том, какую форму он примет. Все субтильные тела идентичны своей сути, – продолжала она, собирая фотографии, сортируя их по стопкам и вправляя назад в альбом, – внешне они выглядят в той или иной мере прозрачными. Сиречь ты запросто можешь увидеть *панораму заднего фона* сквозь эгрегор человека, помещенного в какое-либо субтильное тело. Правда, то, что представляет собой эта картина, зависит от Стихии, потворствующей эгрегору – во всяком случае, так мне Арсений объяснил механизм восприятия эгрегоров. Причем, объяснил совсем недавно, словно предчувствуя надвигающиеся события особой важности, для которых пригодятся эти знания.

Итак, по порядку. Если твой умерший – человек Воды, то он способен воплотиться в видимого эгрегора самостоятельно, не прибегая к помощи Архангелов, лишь находясь в непосредственной близости источника воды. Любого источника – неважно там, чистый океан или мутная лужа. Образ его будет серебрист и переливчат, словно сотканный из жидкости, а краски и детали окружающего мира станут просвечиваться сквозь него, точно сквозь аквариум – дрожа и преломляясь...

– Этими свойствами обладают и Архангелы, – невольно вставил Этьен, – и я тоже могу... Впрочем, извините. Продолжайте, пожалуйста.

– *У существа Воздуха во чреве вы узрите бушующее живое Торнадо*, – продолжила мама, ободряюще улыбнувшись Этьену, – и если сквозь его «призрак» вы поглядите на дерево, то удивитесь: ветки начнут сами собой раскачиваться, листья – облетать. Конечно, это особого рода иллюзия, вы увидите лишь возможный вариант предстоящих событий. Но стоит эгрегору отойти в сторону от дерева – снова перед вами затишье, солнышко светит, листья шелестят.

Субтильное тело Огненной Стихии слегка окрашено золотистым свечением. Снаружи оно искрится крапинками, а если посмотреть сквозь него, то все предметы окажутся излучающими тепловизорное пламя: кругом затрепещут огоньки мерцающей, расцвеченной радугой ауры.

Тело Земли способно зрительно расщепить любой предмет до уровня клеточно-молекулярной структуры. То есть земной эгрегор – это одновременно и микроскоп, и рентген. И здесь вы можете использовать его по полной программе – если, конечно, договоритесь с ним. Например, ты, Конкордия, могла бы изучать сквозь эгрегор Земли больных животных – справа от объекта будет выводиться гистограмма. А ты, Этьен, через него же смог бы узреть великую силу любви Земли к Солнцу, взирая на распадающуюся урановую руду, посылающую свои излучения в космос. И так далее, и тому подобное.

Что касается твоего отца, Коко, то его «воздушное» тело будет достаточно плотным, потому как Лилиана подпитывает его еще и приличной порцией энергии Огня.

– Ни фиги себе! – вырвалось у меня. – Но ведь это довольно болезненная процедура, насколько я понимаю. А папу Лилиана, часом, не испепелит?

– Ничего страшного, – деланно равнодушным и слегка ироничным тоном произнесла мама, – у твоего бесшабашного папочки при жизни был длиннющий период общения с этой любвеобильной и весьма темпераментной особой – одного десятка таких добрых контактов хватило бы за глаза, чтобы приспособиться и притереться телами абсолютно во всех смыслах.

– Мама! – рассердилась я, тревожно взглянув на Этьена. – Как тебе не стыдно!

– Пустяки, – улыбнулся мужчина и развел руками, – что поделать. Она и сейчас такая же темпераментная, все развлекается...

Как я уже упоминала, отправляясь сюда и размышляя в полете о предстоящем разговоре, я никоим образом не могла предположить, что маме известны все мельчайшие подробности и детали отношений моего отца с Шаровой Молнией. В принципе, если уж быть совсем точной, то я вообще до этого дня не подозревала о том, что мама от меня что-то скрывает. Почему она раньше мне никогда не рассказывала об Иване, Этьене, тайных знаниях? Потихоньку бы вводила в курс дела – я бы привыкла. Я бы все поняла!.. Однако события развивались с такой скоростью, что удивляться, обижаться или анализировать мне было некогда.

Так как же все-таки мама относится к Лилиане: ревнует ли она отца к ней? Ненавидит ли ее, умело скрывая при этом свои чувства? Что означает это последнее, вскользь брошенное, довольно циничное и саркастичное мамино замечание? Ведь Лилиана, если вдуматься, невольно стала причиной гибели целого самолета от того, что в ее лоне молниеносно столкнулись два зародыша, два заряда, а потом, вследствие аккреции, один малыш нейтрализовал и поглотил другого. Одновременно сдетонировал и взорвался мой отец, которого не предупредил обещанный телефонный звонок – иначе бы он не сел в самолет, а ушел бы в безопасное для окружающих место. И как мама относится к моей дружбе с Этьеном?..

– Мы с Лилианой сотни раз все это обсуждали, – словно читая мои мысли, произнесла мама, – мы с ней, если можно так выразиться, сроднились в общей горе, и она уже много лет помогает мне в работе, используя свои Силы. А я, в свою очередь, убеждаю ее не винить себя в случившемся: роды Шаровой Молнии ведь так непредсказуемы! Только представьте: вначале роженица с невероятной скоростью мечется по мирам, без конца пересекая настоящее, про-

шлое и будущее. Ей становится все теснее и теснее в пространстве. Потом она, наконец, выстреливает своим плодом, куда ни попадая, интуитивно обратив свой взор в место, которое у нее вызывает особо романтические воспоминания. По завершении родов энергия Молнии иссякает, и она разряжается, как отработанная аккумуляторная батарея, угасая на долгое время. И так распорядилась судьба, что Лилиана угодила твоим братом-близнецом, Этьен, именно в «Конкорд» – в область неизбежной детонации Арсения. После чего ты исчез, и мы полагали, что ты тоже взорвался вместе с самолетом – по сути ведь, мог произойти двойной взрыв – словом, мы сочли, что ты погиб. И не сразу сообразили, что это не так.

Губы у моего товарища задрожали, но он заговорил твердым и звонким голосом, донесшимся словно откуда-то из глубины, из центра Вселенной:

– Я тоже несколько месяцев... или лет... считал себя мертвым. Метался туда-сюда, путешествовал меж звезд. Длительное время жил то в прошлом, то в будущем, на различных планетах, которые считал своими родными домами. Не имея ни малейшего понятия, из какой я эпохи! Мне было очень одиноко, и у меня совершенно не было друзей: большинство людей в ужасе разбегались от меня, принимая за привидение, когда я возникал прямо в воздухе на короткую жизнь в несколько минут дождя... Трудно сказать, сколько мне лет. Я измеряю возраст лишь накопленным опытом. Правда, лишь однажды, в детстве – а надо сказать, что до десяти лет я вообще ни разу не развоплощался благодаря огненному молоку матери – помнится, я умудрился подружиться с одним пилотом. Даже попросил его нарисовать мне барашка. То был удивительный человек. Он очень серьезно воспринял мою просьбу и разговаривал со мною на равных, а не как с ребенком – другие взрослые вряд ли бы на такое пошли. Но он очень быстро улетел по своему спецзаданию, а позже я узнал, что его самолет разбился. Герой утонул в океане, исчез бесследно, и вот я опять остался один...

– Да! Именно благодаря тому знаменитому летчику, изучив его рассказ и сопоставив все факты, мы впервые тебя и опознали, – вставила мама, – и поняли, что ты жив. Лилиана сообразила, что тебя забросило не так уж далеко – всего лишь в 1942 год, о чем поведала мне и Ивану. Мы втроем занялись поисками, напали на след...

... – а потом я встретил Глорию, – продолжал Этьен, словно не замечая маминой реплики. Я с трудом сдержалась, чтобы не вздохнуть, и лишь крепче стиснула руки: не стоит посвящать маму в это дикое безумие любовных грез Этьена, – и тогда у меня появился смысл жизни!

– Глория? А кто это? – наморщила лоб мама.

– Это девушка Этьена, – быстро ответила я, – блондинка с веснушками.

– Что ж, Этьен. Я от души надеюсь, что она для тебя подходящая пара, и у вас все сложится хорошо.

Я поспешила вновь заняться рассматриванием альбомов со снимками, громко шелестя страницами, чтобы как-нибудь отвлечь внимание матери от лирических фантазий Этьена. Похоже, в их электрической семейке страсти протекают особенно бурно и весьма оригинально. Впрочем, чувства Этьена достаточно юны и чисты – не то, что пикантные извращения импульсивной дамочки Лилианы...

Однако маме о страданиях молодого сына Шаровой Молнии лучше не знать. Хватит с того, что она разумно и с пониманием отнеслась к прошлому моего отца и нашла в себе мужество подружиться с матерью Этьена. Редчайшая рассудительность с ее стороны.

А между тем, мама, как ни в чем не бывало, продолжала отвечать на самые каверзные вопросы Этьена.

Оказывается, еще при жизни моего отца обе они – Мирорада и Лилиана – просили Ивана переселиться к нам, в гостевую спальню, расположенную рядом с моей детской: мол, мы могли бы жить все вместе, вчетвером, в одном большом доме. В планы родителей входило, чтобы Шаровая Молния периодически навещала нас, а на ночь останавливалась у Ивана в его комнатке – если он того пожелает. Но робкий и застенчивый отец Этьена, как объяснила мать,

не смог вынести дружбы с обычной семейной четой на фоне своей неопределенности в отношениях с Лилианой, не мог простить моим родителям ироничного отношения к той возвышенной страсти, которой он жил и которую боготворил. Иван слишком любил Лилиану, несмотря на ее похотливую натуру. И он предпочел уйти в тень.

– Ах да, совсем забыла, – воскликнула мама, и, выхватив из моих рук альбом, сделала то, о чем я едва успела подумать, – вот это тебе на память, держи! – и она протянула моему другу несколько старых товарищеских снимков, похожих на тот, что был у меня. Молодой человек с благодарностью их принял.

Молодой человек... Теперь я понимаю, что это лишь внешняя оболочка. А вообще, есть ли способ определить точный возраст Этьена? Принц Грозы кажется едва ли не пареньком из-за худобы и нежной улыбки озорных глаз, но в то же время его лицо совершенно не имело признаков возраста. Двадцать девять ему или пятьдесят? Это только женщины по-настоящему владеют искусством быть вечно молодыми – особенно теперь, когда разработана оздоравливающая сыворотка для увеличения продолжительности жизни. Все, кому удалось наскрести денег на процедуры омоложения организма – восстановили тургор кожи... Интересно, как я буду выглядеть, когда рожу? Да и рожу ли? Вряд ли. Эрик-то детей не хочет...

– Ну а теперь, дорогие мои, сходите, погуляйте. Да: не забудьте взять фонарик на обратную дорожку, а то скоро темнеть начнет, – прервала мои размышления мама. И возвращайтесь приблизительно часам к девяти. Тогда мы и свяжемся с отцом. А сейчас, с вашего позволения, – и она встала, поворачиваясь к двери, – пойду работать. У меня в питомнике лисята, оставшиеся без матери, не кормлены. Уже три лисицы умерли, не вынеся жары нынешнего лета. Когда же оно кончится, бесконечно вечное Глобальное Потепление? – с этими словами мама покинула библиотеку. Сквозь окно мы успели заметить, как она быстрым шагом направилась по тропинке к метеостанции, возвышавшейся над клетками с животными, с яркой дамской сумкой в одной руке и старым корабельным фонарем – в другой.

Мы не спеша двинулись вдоль холла. В помещении было прохладно, и не хотелось его покидать. Я вообще любила это обиталище мамы, старинную усадьбу Медуницыных, ее предков. Славный дом с исконно русским укладом. Таких почти не водится с тех пор, как из-за климатических перемен приличная часть населения Земного шара, оставшаяся в живых, переселилась в Россию, превратив ее центральную полосу в космополитический проходной двор, а Сибирь и тундру – в Новую Европу. Даже здесь на, юге, посреди неровного горного рельефа, умудрились понастроить на каждой крыше пентхаузы и кафэшки, ангары и гидропонические парки. Цивилизация – это, конечно, хорошо, да вот только не уединишься теперь в своем частном владении за высоким забором: сверху ты, как на ладони. Загораешь, а тебя снимают! Поэтому-то я так и люблю свою засиженную голубями «недостройку», одну из немногих в нашем интернациональном северном городке, еще не облюбованную ни людьми из высшего общества, ни дикарями-руфферами, предпочитающими в нынешнее жаркое лето ютиться на крышах.

*Милый друг, увези меня в горы,
В край бездонный, где возраста нет,
Где рождается в синих озерах
Льдистых глаз твоих утренний свет,
В край, где зелень свежа и умыта,
Без окурков, бутылок, фольги,
Где леса и луга не побиты
Отпечатком жлобовской ноги!
В край, где в вечности тонут мгновенья —
Ты идешь, а как будто стоишь!*

*Впереди только горы забвенья,
Впереди только радуги тишь.
Ты один. Столько таинства в этом.
И еще: столько жизни вокруг!
Позабудь полимерное лето
Над помойкой шакаливших мух,
Где считают дурной, второсортной,
Неудачной родную страну
И винят во всем климат суровый,
Дань монголам да дуру-жену.
Так пойдем остужать наши раны
В талых водах заснеженных крыш,
Нам одеждками станут туманы,
Водопады. И радуги тишь.*

Неплохо получилось. Кому мне это посвятить? Эрику, что ли? Перебьется! Подпишу лучше «Для Этьена». В конце концов, у него тоже голубые глаза. Вот только показывать не буду, а то еще неправильно поймет, возомнит о себе невесть что...

*****

Я устроила Этьену небольшую экскурсию по комнатам, показывая старые портреты своих предков по материнской линии. В холле стоял приятный запах сырости с легким налетом затхлости, характерный для имений, которым свыше трехсот лет. Здесь на стеллажах из красного дерева хранились огромные фолианты с пожелтевшими страницами рукописей, коими прежде зачитывался мой дед, с перестроечных времен и до самой смерти работавший сторожем заповедника – собственно, большинство послереволюционных Медуницыных, за исключением, пожалуй, моей мамы, вообще никогда не покидали имения, живя и трудясь неподалеку. А строгие лица прежних обитателей дома, смотрящие с писанных маслом портретов, заставляют меня и по сей день беречь эти тома-фолианты, как зеницу ока. Если верить рассказам матери, то в них имеются древние сведения, составленные еще учеными донесторовской эпохи и начертанные древнерусским руническим текстом на камне, а затем умело расшифрованные и скопированные православными летописцами. И писались они якобы намного раньше знаменитых индийских вед.

Вскоре мы вышли из темного холла в залитый вечерним солнцем сад и побрели вверх по вымощенным камнем дорожкам, огибающим искусственные прудики и ручей, стекающий по мраморным порогам в рукав небольшой речушки. Среди густых деревьев было множество причудливых трав, мхов и лишайников, от чего сад казался немного запущенным и древним. Речные и морские камни, фигуры, статуэтки и пирамиды открывались в самых неожиданных закутках, лишь порою уступая место роскошным цветникам и клумбам. Виноград оплетал решетки, создавая естественные шпалеры, а в наиболее сырых тенистых уголках благоухали только что распустившиеся ятрышники. Я так давно не была в саду! Жаль, что прежде, в детстве, когда я жила здесь с матерью и дедом, или гостила на каникулах, приезжая из Франции, я так редко обращала внимание на сад, считая его чем-то само собой разумеющимся. Но лишь потом, когда уехала с Эриком в город недостроенных, помоек и замусоренных урочищ, я стала по-настоящему ценить и любить красоту родного края. Прежде я могла забежать в сад лишь затем, чтобы нарвать винограду или слив с айвой, предпочитая ему наш заповедный лес и общение с любимыми питомцами. Зато сейчас с удивлением заметила, что голубые и зеле-

ные сосны, грабы и кипарисы заметно подросли, и небольшая белая мраморная беседка теперь почти не видна из-за их высоких стволов.

– Наверное, где-то здесь и состоится встреча, – задумчиво произнес Этьен, когда мы, нарвав полную корзину яблок и груш, уселись внутри беседки и принялись усердно жевать, кидая огрызки в большую глиняную урну.

– Нет, скорее всего, под навесом, рядом с фонарной аллеей.

– Фонарной аллеей? – удивился Этьен.

– Именно. Коллекционирование причудливых фонарных столбов, особенно старинных, было страстью моего деда. И он, капитан дальнего плавания, привозил их сюда со всех уголков мира. Видел пару круглых фонарей, в форме глобусов, рядом с домом?

Этьен молча кивнул, жуя грушу.

– То английские. А следом шли французские – я имею в виду те, под которыми мы недавно проходили! А вот эти, по бокам беседки, итальянские *рикурвы*, газовые, хотя на самом деле в них ввинчены обыкновенные лампочки. Пока я не уговорила маминых подсобных рабочих переместить *рикурвы* с аллеи сюда, они исправно работали...

– Хочешь, я их прямо сейчас, без тока включу?

– Экономь энергию, я тебе включу! Тоже мне, Никола Тесла нашелся!

– Но ты наверняка позабыла, как они горят! – настаивал Этьен, улыбаясь, как ребенок. – Они же, теперь... как это правильно называется... бутафорские.

– Еще как горят, – возмутилась я, – просто провода кое-где отошли – подпаять надо, раньше-то я под ними свободно читала! Тут кругом проложены кабели, и ночью может становиться светло, как днем. А иногда мы подключаем газовое освещение. Вдобавок, здесь полно масляных фонарей и всяких жирандолей, канделябров, шандалов – понятия не имею, в чем между ними разница...

– Столько огня! Мне это по душе, особенно после полумрака, царящего в доме.

– Ну еще бы! Наверное, в доме полно привидений. Надо попросить отца: пусть он их разгонит, чтоб не подслушивали наши секреты, – развеселилась я.

– Да я и сам смогу, – сказал Этьен. – А дом, что ни говори, чудной.

– Это имение принадлежало моей прапрабабке еще при царе. Говорят, их в семье было пятнадцать человек домочадцев, и все ходили перед ней по струнке, боясь пикнуть. Потом, в период революции, часть родичей спешно эмигрировали, и в России нашей родни осталось – раз-два и обчелся, а выжить после гражданской войны сумел только мой прадед. Он-то и основал заповедник. Но лишь спустя многие годы, в конце восьмидесятых, маме удалось восстановить свои права законной наследницы. На ее счастье, нашлись подлинные документы, фото и прочие доказательства – все благодаря дряхлым заграничным родственникам, которые так и жили со времен революции во Франции, зарабатывая переводами бульварных статей из русских газет и журналов. Выяснилось, что они вывезли из России целый архив и устроили в своих парижских апартаментах русский уголок, эдакий музей – даже выпустили томик мемуаров! Дедушка с ними связался, и кое-кто из парижской родни приехал к нам в гости, захватив все необходимые свидетельства для нотариальной конторы. Но, увы, несмотря на долгую канитель, окончательно восстановить полное право над имением маме и деду тогда так и не удалось. Правда, ни снести какие-либо постройки, ни выселить-вселить кого-либо без их подписей уже никто не мог. Возможно, именно тогда у мамы, привыкшей полагаться на себя, сложился очень независимый характер, и она, под стать лучшим представителям своего семейного древа, твердо решила остаться работать в заповеднике, вечерами обучаясь на ветеринара и мечтая о том, что когда-нибудь все здесь станет нашим. Параллельно корпела над книгами по химии и экологии. И если бы кто-нибудь в то время осмелился бы ей сказать, что она встретит моего отца, выйдет замуж да улетит в другую страну – она бы рассмеялась ему в лицо. Однако все

сложилось так, как сложилось. Но, даже живя за границей, мама продолжала решать вопрос с наследством, ища деньги хотя бы на частичный выкуп земли...

И до сих пор она не сбавила темпа, моя мадам «не перечь»: не терпит чьих-либо возражений, любит трудиться в глубочайшей тишине, выполняя в одиночку даже самую кропотливую работу.

– Этим ты пошла вся в нее, – ввернул Принц Грозы.

– Однако лишь после удачного знакомства с Эриком и благодаря его вмешательству маме удалось полностью выкупить поместье, включая сад и прилегающие земли, – продолжала я, – но с условием, что она восстановит начавший хиреть заповедник и возьмет все руководство-шефство над ним, всю ответственность и все последующие расходы, на себя. Тогда мама наняла помощников из числа таких же ветеринаров, какой прежде она была сама, да плюс студентов, аспирантов естественных наук!.. Кстати, они по-прежнему проводят всевозможные научные исследования, наблюдения, эксперименты! Мама и рада: наконец-то она добилась своего: имение наше, можно продолжить образование, всерьез заняться наукой...

Видишь вон те строения, темнеющие на горизонте? – указала я рукой на низенькие деревянные сарайчики, выглядывающие между деревьев по другую сторону бухты, – в них содержатся волки, лани, маралы, а левее, в бамбуковой теплице живут две пары малых австралийских панд, вывезенных из горящего леса. Еще дальше, по загону гуляют старый лев Селифан и пума Агафья. Они также поступили к нам больными и израненными. А вон то блестящее пятно слева – стеклянный террариум, и он лично мой, равно как и пруд с тритонами. Я с детства обожаю всяких земноводных и ящерок – позднее у меня еще завелись аксолотли, игуаны и хамелеоны. Правда, как я уехала к Эрику, заботится о них, в основном, мама. А местная детвора ловит для моих питомцев насекомых – за бесплатное посещение и полноценный обед. Ну что? Пошли, навестим меньших друзей?

– Всенепременно, – сказал Этьен в своей обычной высокопарной манере, сверкнув повлажневшими сияющими глазами.

– Тогда разувайся, если не хочешь набрать полные ботинки песка!

Оставив пустую корзину в беседке, я запихнула бумажный пакет с остатками фруктов в рюкзачок, где на самом дне лежала наша обувь, а в кармашке – походный фонарик, и затем передала ношу представителю сильного пола. Мы вышли из беседки и медленно направились по тропинке. Вскоре она начала круто спускаться, и мы босиком побежали вниз, по песчано-земляному склону, в сторону косы, где на горизонте небо и лиман сливаются воедино, а в малиново-лазоревой дымке из тумана выглядывают огромные сизые каменные осколки древних складчато-глыбовых скал. Пробежав немного по извилистому берегу бухты, мы свернули вправо и вновь взяли вверх по откосу, а затем, поднявшись по узкой змеистой дорожке, нырнули в заросли. Чувствовался крепкий запах животных.

– Хорошо, что на этой неделе будет мало туристов, а то бы не удалось вот так свободно погулять, посидеть, поболтать – пришлось бы успокаивать братьев наших меньших. Обычно, когда кругом полно народу, обитатели загонов становятся ужасно раздражительными.

– Но ведь особенно большой наплыв туристов бывает в летний период?

– Круглый год. Мы вынуждены принимать гостей постоянно, устраивая лишь недельные отпуска четыре раза в год, иначе просто не потянем все это имение. Налоги на землю слишком высоки. Ну вот, мы и пришли.

Маленькие волчата спали, а лисята с радостным лаем носились по вольеру. Мама уже успела их накормить. Лишь один щенок печально сидел возле поилки. При нашем приближении он уставился на Этьена грустными глазами.

– Это Кузя, – сказала я, – возьми его на руки, ты ему понравился. Но только осторожно – лапка перебита. Видишь: шина.

Оленят мы решили вывести на прогулку. Мамы пятнистых детенышей встревожено провожали нас глазами и не выпускали из виду, пока их детки послушно и доверчиво переходили от одного молодого деревца к другому. Отдельные телятки тянулись к нам, то и дело норовя потереться носами и лбами о наши ладони.

– Осторожно, не позволяй им приближаться к тебе слишком близко, – предупредила я Этьена, – у теляток начинают прорезаться рога, и они могут тебя поцарапать.

Однако мечтательный музыкант, казалось, не слышал меня. Он с минуту заворожено смотрел на пятнистых красавцев, а затем, подняв голову, стал рассматривать лес, поворачиваясь кругом. И, в конце концов, словно что-то отметив про себя, мужчина вперил свой взор далеко в море, сверкающее голубизной сквозь кружево кроны деревьев. Лицо его стало не то просветленным, не то ошеломленным.

– Что с тобой? – полюбопытствовала я.

– Не знаю. Не в состоянии сейчас понять, но, кажется, со мной творится что-то странное... – не сразу смог выговорить Этьен. Помедлив мгновение, он тряхнул головой, пожал плечами и снова повторил, – не знаю.

– А у Тишки бедного температура, – показала я на подошедшего к нам двухгодовалого марала, – недавно ему впервые отпилили панты, и он это очень тяжело перенес. Мама делает ему успокоительные компрессы. У нас несколько таких болезненных... Этьен! Да что тобой? Может, пойдем все-таки к моим тритонам и рептилиям?

Сын Шаровой Молнии вдруг резко схватил меня за руку и с силой сжал ее, точно стараясь через пальцы передать какую-то мысль. Глаза его стали ошалелыми. Я в упор посмотрела на друга, морщаась от боли. Но неожиданно на смену боли пришли тепло, легкость во всем теле и ощутимый прилив энергии. От наших рук стали отскакивать искры. Между пальцами раздался электрический треск и замерцали дуги, как на электродах свечи зажигания. Я вырвала свою ладонь из рук восторженного Принца Грозы и, не в силах удержаться, закружилась на лугу, точно в древнем сакральном танце.

Мне вдруг стало смешно: вид остолбеневшего по непонятной причине товарища немного позабавил меня. Что такого особенного он только что осознал? Нет, определенно, есть в Этьене крупницы сумасшествия, наивности, и плюс ко всему, немного сумасбродства и озорства, словно он любит пошутить и подурачиться, прекрасно осознавая, что именно так ведут себя малые дети.

А двухмесячный лосенок Гришка загарцевал вокруг меня, подражая моим па и то и дело подфутболивая мои ладони носом.

– Стой! – Этьен мягко, но настойчиво меня остановил, и веселье на его лице сменилось серьезным выражением, а глаза заблестели так сильно, словно готовы были изрыгнуть молнии. Я приготовилась ждать, пока он соберется с мыслями, дабы произнести пространную пафосную речь в своей старомодной манере. Но Этьен вдруг неожиданно выпалил, – Конкордия! Это было здесь и это все отсюда: и лес, и танцы, и олени. И это было прежде. Ты была моей Глорией. Да, так и есть! Ты – моя Глория! – повторил он уверенно.

– Но я же не блондинка с веснушками, и вообще...

– Главное, не внешность! Ты блондинка душой!..

– А по виду, случайно, не философ? – рассмеялась я.

– Ты светлая, положительная, правильная...

– Но меня зовут совсем иначе, – запротестовала, было, я и умолкла, чувствуя, что на этом иссяк весь мой запас аргументов.

– Знаю. Это потому, что я сам выбрал тебе такое имя. Я назвал тебя Глорией...

– Да ты вообще все выдумал!

– ... и ты была такой чистой, юной, нежной, непорочной...

– А сейчас, значит, нет! Вот спасибо!

– Я имею в виду девственность души. Ее беззаботность и безмятежность, необремененность. Но ты для меня навсегда останешься такой, и наши отношения навсегда останутся светлыми и трогательными...

– *Останутся?* То есть уйдут в небытие?

– ... чистыми и добрыми.

– Звучит, как на похоронах, – попробовала отшутиться я, – «и светлая память об ушедших навсегда останется в наших сердцах».

Но Этьен стоял и глуповато улыбался, не слушая меня, отчего я слегка разозлилась: этот упертый эгоист несет откровенный вздор. И тем самым невольно ранит меня. Никогда не думала, что даже такое безобидное существо, как Этьен, способно выдать элементарную бестактность: я утратила чистоту, девственность души и что еще там – нежный слюнявый возраст?

– Наконец-то я нашел тебя! – победоносно произнес он. – Осталось найти отца...

– Послушай, Этьен, – твердо сказала я, немного повысив голос, – Глория – это Глория, а я – это я. Не знаю, что ты там выдумал, но я никогда не была такой, как ты выражаешься, невинной овечкой, безоблачной хохотушкой и все такое. Я живой человек, а не вымышленный персонаж. И далеко не идеал. Я вовсе не хочу подстраиваться под твои стандарты и чему-то соответствовать. Или воспринимай меня такой, какая я есть, или до свиданья!

– Я тебя чем-то обидел, прости, – растерянно пробормотал Этьен, – я вовсе не собираюсь тебя преследовать и домогаться...

– Я не это хочу сказать, – как можно мягче попыталась я объяснить, – но пойми: ты ставишь меня в неловкое положение. Получается, что я должна подгонять себя под параметры Глории и вечно плясать на лугу, как древнегреческая пастушка? А если меня сломит какое-нибудь горе, и я стану сварливой, или годы возьмут свое, и лицо утратит краски. Что тогда?

– Мы состаримся одновременно, – улыбнулся Этьен, – и потому я ничего не замечу. Я готов оставаться лишь другом, кротко стоя в стороне... Хотя, надо признать, твой Эрик кажется мне опасным. Не вызывает он почему-то доверия...

– Я сделала свой выбор. Если б не Эрик, не видать нам заповедника, как своих ушей! Это он отписывал разные прошения в Москву ради моей мамы, это он оформлял мне постоянное российское гражданство. Это благодаря его связям мы вернули свое имение. Мама жила здесь едва ли не на птичьих правах, пока Эрик хлопотал ради нас, таскаясь по инстанциям, а я временно воспитывалась во французском пансионе, куда меня поместили ее родственнички. Ему уже шестьдесят лет, и он вполне заслуживает доверия и признательности.

– Я не стану тебя разубеждать, – печально улыбнулся Этьен, – просто не забывай: все-таки я скорее дух, нежели плоть. А вот в нем я духовного ничего не вижу.

– А когда ты полностью превратишься в человека, ты по-прежнему сможешь видеть духовное начало? И кого же ты тогда станешь видеть во мне – невесомую Глорию или темпераментную женщину? – с легкой издевкой спросила я.

– Я могу и сейчас доказать тебе, что я мужчина и на что я способен, – многозначительно сказал Этьен, – но не стану: поскольку мне это может причинить боль, а ты после случившегося будешь чувствовать неловкость и стыд.

Долгожданная встреча

Вечер опускал на землю длинные синеватые тени. Мы с Этьеном до самой темноты бродили, держась за руки – то по морскому побережью вдаль, поднявшись к пансионатам, то по лесным холмам, снова возвратившись на территорию заповедника. И я чувствовала, что не была настолько счастлива с тех пор, как погиб мой самый близкий друг и боевой товарищ – мой отец. Мы с Принцем Грозы впервые так много говорили на самые различные темы, и оказалось, что и я, и он, можем понимать друг друга с полуслова. Вскоре окрестности перестали просматриваться, и мы по дорожке, освещенной портативной этьеновской луной, поспешили к фонарной аллее, примыкающей к дому с восточной стороны. Там, под высоким тентом цвета слоновой кости стоял длинный стол со скамьями, где мои предки Медуницыны некогда отмечали семейные праздники. Причудливой формы фонари зажгли свои разноцветные купола, плафоны и чаши. Неожиданно мне вспомнилось стихотворение из далекого детства – «Исповедь старого деревянного дома»:

*Вечерний друг, фонарный столб,
Я пред тобою преклоняюсь,
Достичь твоих стальных высот
В стараньях тщетных я пытаюсь.
Пусть дождик льет на спину мне,
И листья к стеклам прилипают,
Стою, часами повторяя:
– Мир твоей светлой голове!*

– Какой-то необычной свежестью пахнет подле дома – аж привкус лимона остается на губах, – прервал мои воспоминания Этьен, – ты не находишь, Коко? Может быть, это от перекопанной клумбы? В вечерней тишине все кажется настолько загадочным...

– Полагаю, это обострение чувств на нервной почве. Так всегда бывает, когда ты ждешь чего-то необыкновенного, неизведанного, важного.

– Не думаю, здесь дело в чем-то другом... Ага, ну конечно: я уже чувствую знакомый запах примеси озона в воздухе и ощущаю перемещения свободных электронов в нижних подуровнях силовых полей! Что-то, определенно, происходит в атмосфере, Конкордия, и надо полагать, мы с тобою знаем, что именно.

По бокам изысканного тента матовыми огоньками светилась гирлянда, поющая музыку водопада, и ее тихий мелодичный всплеск перекликался с шелестом листьев берез, склоняющих свои ветви к узорчатым скатам навеса. Мы сели за стол, и вскоре по каменистой дорожке зацокали каблучки мамы. Она появилась из-за угла в серебристом, словно сотканном из тумана, платье, и ее облик показался мне не от мира сего. Волосы, окаймлявшие смуглое от загара лицо, в свете фонарей напоминали румяное облако. Подойдя к нам, мама, казалось, хотела что-то сказать, но вдруг посмотрела мимо, за наши спины, и широко улыбнулась.

Позади нас стоял в ореоле золотистого свечения мой отец, Арсений Зимоглядов. В легкой курточке, клетчатой ковбойке, с летними очками, поднятыми на шлемофон – прямо точь-в-точь, как на фотографии. Отец казался таким бодрым, веселым и молодым, словно он никогда не болел и не умирал вовсе. Кивнув матери, пилот окинул нас теплым, ласковым взглядом и сделал шаг вперед.

– Ну, здравствуйте, дети, – произнес Арсений полусинтетическим и в то же время родным, незабываемым голосом, – наконец-то мы встретились. Жаль, что не могу вас обнять: это не безопасно, особенно для тебя, дочка. Спасибо тебе, Миролада, за то, что привела их. А я-то

думал, ты все еще опасаясь: мол, наши чада покамест слишком юны для того, чтобы узнать правду.

– Дети приехали сюда в надежде разыскать Ивана и получить ответы на все вопросы, решить загадки и найти недостающие звенья цепочки. То есть я хочу сказать, что они *сами* познакомились друг с другом, еще в Заполярске, без моего вмешательства! – ответила мать ему в тон – вежливо и миролюбиво. Однако было заметно, что оба моих родителя не так давно спорили на эту тему.

– Я в курсе. Ну, раз так, значит они уже достаточно зрелые и самостоятельные, дабы самим во всем разобраться. Верно, Конкордия? Что скажешь?

– Да, папа, – только и смогла вымолвить я, неожиданно растеряв все слова.

Мы уселись за стол.

– Конкордия, я летел за вами от самого ангара и оберегал вас. Не гоняй с такой скоростью, садись более плавно, и, в конце концов, сколько раз я произносил это в своих видеоуроках: никогда и ни при каких обстоятельствах не меняй угол атаки при планировании! – произнес он, слегка раздражаясь. – Тебе еще учиться и учиться. А вообще, я горжусь тобой, дочка. Как лучшей аэробайкершей своего времени. Сейчас на личном транспорте летают три четверти жителей земли, выживших после Наводнений, Торнадо, Вулканов и Землетрясений – мне легко вести учет: ведь живут-то они теперь в России, под моим наблюдением. Но ты среди них – одна из первых. Собственноручно заново собрать микролайт, да еще такой стильный!..

– Мне просто повезло, папа, – скромно ответила я, – все дело лишь в том, что я – *твоя* дочь. И потом, в нашем аэроклубе хранится много железа, так что я еще и дирижабль сколочу, вот увидишь. Знаешь, мы с подругами с десятков старых фюзеляжей, найденных на местах катастроф, превратили в забегаловки, и сейчас у меня имеется небольшой доход, которого хватит на то, чтобы заказать последнюю модель двигателя от Maybach! А мои однокурсницы с экологического факультета – так те вообще собственноручно полностью собрали себе мотодельтапланы, предварительно выехав на джипах за кордон, в пустыню, и разыскав на свалках бывших мегаполисов незаржавевшие остатки автомобилей. Некоторые даже, разбогатев на подселении к себе в дом зажиточных финских беженцев, слетали в то, что осталось от несчастных Штатов, где наткнулись на ряд брошенных ангаров. Теперь у них такие крылышки, о которых я могу только мечтать. И все перебиралось и тюнингдовалось на топорных стапелях в обычных гаражах!..

– Про подруг твоих я знаю, – прервал отец мой рассказ довольно сурово, – раздолбайки! Мы с Лилианой и двумя ее огненными сестрами с трудом удерживали воздушные потоки в нужном направлении – пусть скажут спасибо, что не разбились, безбашенные малолетки. Как же их трясло! Особенно тех, у которых микролайты с обратно стреловидными крыльями, срубленными из фанеры и грубого самопального перкаля. Такой дивергенции не было даже у Flaying scissors-15.5 Eos во время неудачного распарашютирования треклятых «ножниц»! А чего стоило сооружение воздушной подушки над туманными трясины и болотами, а охрана хайвзев во время Торнадо, когда эти горе-курсистки вздумали пересечь континент на двух колесах! Пришлось задействовать столько энергосил, истощая экзосферу! Если и дальше будем так тратиться, то климат на земле восстановить будет невозможно. Озоновые дыры разрастутся до одной четвертой воздушной оболочки. К тому времени беженцы и иммигранты выпотрошат российские недра, как когда-то американская солдатня – мой холодильник. И все растащат по своим закоулкам. А вы будете сидеть голодные, с полными кошельками никому не нужных денег...

– Но прежде ты говорил совсем другое – я помню ваш с мамой разговор, хотя мне тогда было четыре с половиной года... – я запнулась, осознав, что припоминаю время перед самой гибелью отца, – *мол, когда приблизится конец света, и катастрофа пожрет континенты,*

то выживет только Россия – страна, которая предоставит убежище жителям всего мира. И в благодарность за свое спасение уцелевшие люди сделают ее богаче, чище, цивилизованнее.

– Это древнее тибетское пророчество, – вздохнул отец, – но кто знает, как его правильно истолковать? Возможно, в нем говорится о тех временах, которые еще впереди? Ну, хватит об этом. Дай же мне познакомиться с твоим товарищем, – и он ободряюще улыбнулся Этьену, а потом, помедлив, протянул ему руку. Принц Грозы ответил взаимным рукопожатием, и на мгновение его ладонь осветилась голубоватыми с золотистыми вкраплениями языками пламени, – наконец-то мы нашли тебя, Этьен. Я и твоя мать долго не могли понять, где ты находишься. Лишь пару месяцев назад впервые обнаружился твой след.

Сын Шаровой Молнии молчал, но его красноречивый взгляд был вполне понятен моему отцу.

– Ты не должен на нее сердиться, – мягко сказал Арсений, – Лилиана не бросала тебя, – просто вы потеряли друг друга – у порождений Стихий такое случается, это заложено в самой вашей природе. Разве ты порою не чувствуешь хаоса и полнейшей путаницы в голове, когда пытаешься вспомнить свое прошлое?

– Да, – нахмутив лоб, медленно проговорил Этьен, – иногда мне кажется, что я не могу собрать разрозненные воспоминания воедино и определить их последовательность. Мне мешают лакуны в памяти, временные и пространственные. И когда я пытаюсь наверстать недостающее, восстановить очередность тех или иных событий, у меня даже начинает немного побаливать голова.

– Все правильно, мой мальчик, но тебе нечего бояться – это ведь не какая-нибудь опухоль, свойственная людям. Попробую объяснить тебе, почему так происходит. Видишь ли, Шаровые Молнии вынашивают детей очень долго, но производят на свет... как бы это поточнее выразиться... не новорожденных. Впервые ребенок может видеть небо и солнце, будучи еще чуть ли не яйцеклеткой, начиная с полутора лет от зачатия, реже – с пяти лет, крайне редко – только лишь к одиннадцатому году срока вынашивания. Представляешь себе такой вот одиннадцатилетний эмбрион? А между тем, он крохотулечка, как и всякое дитя! Все это время он связан с пуповиной Молнии, через которую, помимо жизненно необходимых химвеществ, в его мозг поступают воспоминания матери, опыт предков, интуиция, рефлексy. Таким образом, дитя познает мир и учится видеть жизнь глазами матери, будучи в состоянии зародыша. Время от времени малыш покидает материнское чрево, отдаляясь на миллионы парсеков и столетий – порезвиться, попутешествовать, набраться опыта, пуповина же при этом натягивается незримой нитью до напряжения и треска. Порой она вспыхивает яркой и мощной молнией в совершенно ясном солнечном небе, нередко вызывая замыкания в электроцепях. А если у матери образуется двойня, то подобные натяжения пуповины накапливают избыточное количество зарядов, что приводит к взрывам. Но самый мощный взрыв – это роды и разрыв пуповины. Если постараться, ты можешь даже припомнить это событие, похожее на зарождение новой Вселенной. Вас с Лилианой раскидало по разным измерениям. Очевидно, ты попал в параллельный мир, где сразу стал старше на три года, то есть, по сути, родился трехлетним, – Арсений сел за стол напротив нас, глядя в упор на приоткрывшего рот от напряженного внимания Этьена, и лицо отца осветилось разноцветным светом гирлянд, – а затем ты очутился в сороковых годах прошлого столетия – уже в нашей реальности. Очнувшись, Лилиана сразу же поспешила к месту катастрофы, но тебя там более не было. Какое-то время она пыталась тебя искать, да и ты, я думаю, тоже пробовал с ней связаться.

– Да, – ответил Этьен и, подумав, добавил, – но тогда мне казалось, что мы уже встречались с нею после моего рождения, и притом, неоднократно. Так, выходит, эти встречи происходили не после, а до моего рождения, во время так называемых временных родов. То есть, я хочу сказать, все Молнии всегда «выгуливают» своих чад, выводя из утробы подышать свежим воздухом?

– Так уж устроено ваше естество, – развел руками Арсений. Но никто не думал, что при родах ты покинешь нашу реальность – такое случается раз в миллион лет. Обычно детей Молний отбрасывает на другой конец Галактики.

– Теперь понимаю. Думаю, что не только я, но и абсолютно все служители Начала Огня помнят момент своего рождения, в отличие от людей. Пусть даже слабо и путано. А после отделения от матери через некоторое время мы переходим в новую форму существования – затем, чтобы появляться в дождь и таять в солнечную погоду. И тогда с нашей памятью начинают происходить странные вещи.

– Увы, – печально проговорил отец, – вступая в переходный возраст, вы утрачиваете материнскую защиту – легко развоплощаетесь, теряете многие воспоминания. Однако ты, Этьен, взамен приобрел другие чудесные свойства, коими прежде никто из детей Молний не обладал. Очевидно, на тебя повлияли не зависящие от Лилианы источники питания, да плюс свет иной реальности, поскольку в тебе проснулась предрасположенность к трансформации плотного человеческого тела и даже к некоторым изменениям во внешности – стабилизирующее устройство Конкордии дало лишь небольшой толчок. А также появилась способность к длительному сохранению полученной на земле информации.

Дело в том, Этьен, что, начиная от сотворения мира, существуют лишь четыре типа гибридов человека и Стихии, среди которых два отличаются нестабильностью – это Архангелы Огня и Воздуха. Дети Шаровых Молний, рожденные от земных мужчин, силой мысли и разряда могут преобразовывать себя, принимая subtilный человеческий облик, и своим поведением напоминать людей. Иногда они выглядят плотными, реже – полупрозрачными, что пугает окружающих – о призраках дождя сложено немало легенд и страшилок. Но нестабильна у служителей Начала Огня вовсе не жизнь, которая, собственно, не прерывается, а лишь временно меняет форму существования – нестабильна у детей Молний память. Абсолютно все Архангелы Огня с утратой человеческой оболочки каждый раз начисто забывают все, увиденное на земле. Ты же, Этьен, исключение. Ты стал запоминать образ Конкордии, ваши с ней беседы. Это совершенно новое в мире Архангелов...

– Но я точно Архангел? Дело в том, что иногда я в этом...

– Вне всякого сомнения, Этьен, ты Архангел!

– Но тогда почему я один такой особенный? Может быть, другие Архангелы Огня тоже могут запоминать свои прошлые жизни...

– В том-то и дело, что ты один-единственный за все вре...

– А в чем тогда проявляется нестабильность Архангелов Воздуха? – перебил Арсения Этьен.

– В смене тел. Если ты появляешься каждый раз с одной и той же внешностью, то служители Начала Воздуха не тают, а меняют лица, словно маски. Но не будем уходить от темы – речь сейчас идет о тебе, Этьен. Итак, в ближайшие дни вековой опыт твоих предков вместе со всеми тайными знаниями вернется к тебе.

Твое периодическое рождение в плотском телесном человеческом облике – не сказать, чтобы было аномальным, но то, что случалось с тобой – совершенно феноменально. Ты не просто мог становиться видимым для человеческого глаза, ты каждый раз появлялся в одежде и обуви, умел поднимать с земли и удерживать предметы, мог поздороваться за руку с Конкордией, не ударив ее при этом током. А эта твоя гитара! Откуда она взялась? Что с тобой не так? Что ты такое? Ты загадка, Этьен. Для меня, Мироледы, Лилианы, ее родни, для других Архангелов, ты – нечто, из ряда вон выходящее. Но разгадать эту тайну теперь, после окончательной стабилизации тебя Конкордией, не представляется возможным: путь в бестелесное закрыт.

Прежде, едва напав на твой след, мы тотчас вновь теряли его из виду – ты, как и положено Архангелу Огня, перемещался с места на место, из мира в мир. Или таял, чисто снег. А поскольку ты таял, нам так и не удалось вступить с тобой в контакт, получить ответы на свои

вопросы. Порой даже казалось: вдруг это нечто вроде детской игры, которую ты с нами затеял, да еще пытаешься вовлечь в это Конкордию – ты ведь частенько вился вокруг нее. Мы не знали, как к тебе подступиться, просто наблюдали. К счастью, поначалу еще Лилиана хорошо могла нащупывать твой след даже в твоём незримом облике...

– Да, – протянул Этьен, растерянно оглядывая себя и смотря по сторонам, словно ища защиты, – видимо, я болен. Мне не следовало становиться человеком.

– Напротив, – улыбнулся Арсений, – тебе обязательно следует навсегда остаться человеком, ибо ты уникален в своем роде.

И Арсений похлопал Принца Грозы по плечу, отчего над головой Этьена возник сноп рассыпавшихся искр.

– На всякий случай скажу еще во что, – добавил он, – не вздумай считать себя калек или эдаким разнесчастным одиночкой на всем белом свете. Счастье, что ты у нас есть, и мы ни за что не оставим тебя.

Этьен улыбнулся и виновато опустил глаза.

– Папа, а есть ли способ сделать Этьена таким, как все? Ну, то есть обычным *человеком*, чтобы ему не надо было всякий раз заряжаться через игнито пояс? – наконец-таки задала я так давно волновавший меня вопрос. – Ведь наверняка все эти развоплощения и восстановления физически очень болезненны, хотя я думаю, что Этьен все равно мне в этом никогда не признается.

– Разумеется, я, собственно, для этого здесь и нахожусь, – оживился отец, – мне известно, как сделать вечную аккумуляторную батарею прямо в своем сердце. Она будет подпитываться автоматически и от грозы, и от солнца, и от фонарных столбов – словом, от всех существующих в природе источников! – тут Арсений Зимоглядов сделал паузу и задумался, подбирая нужные слова. – Дело в том, что, получив недостаточное количество материнской любви и огненного молока, недоношенный ребенок Молнии гораздо быстрее, чем родившийся своевременно, разряжается и остывает. И после каждого воплощения с прекращением дождя тает все стремительнее и стремительнее, сажая аккумулятор своего сердца, – отец мельком взглянул в глаза Этьену и вновь обратился ко мне, – а в случае аномалии Этьена дела обстоят еще хуже. Поскольку он не просто проекция, вроде уплотненной непрозрачной голограммы, а, как я уже говорил, существо из плоти и крови, скелета и мышц, гитары, одежды и всего остального прочего – то он уязвим и подвержен старению. Ведь его возникновение – это переход из плазменного состояния в плотную материю, что требует колоссальных энергозатрат. Еще немного, и сердце Этьена износилось бы окончательно, мы бы навсегда его потеряли. К счастью, ты подросла вовремя и спасла его. Этьен уже не разрядится до конца.

– Я?! Спасла?

Вот оно что. Мне и в голову не приходило, что Этьен с каждым разом терял свои жизненные силы, стораю, как спичка. Я считала его неуязвимым и могущественным сверхчеловеком. Страшно подумать, что я могла его потерять – особенно сейчас, после того как он окрестил меня своей Глорией, и это «назначение» наделило меня определенной долей ответственности. Хотя, впрочем, даже если бы Этьен умер у меня на глазах, я бы о его трагическом конце так и не узнала. Подумала бы, что он всего лишь развоплотился. А позже бы просто решила, что я надоела ему, вот и не объявляется больше – обычное дело, мне тоже частенько многие надоели. Я бы ни капельки не обиделась. Забыла бы о нем, и все тут.

Забыла бы? Вряд ли. Не то, чтобы мы поклялись друг другу в вечной дружбе и скрепили союз кровью – нет. Но тем не менее Этьен сделал меня особенной, не такой как все. Благодаря ему у меня теперь есть своя сказка, своя романтическая тайна. Иду я, типа, по улице, вся такая задумчивая, а прохожие глядят на меня тупо, как пешки, не догадываясь о моей великой миссии – быть задушевной подружкой Архангела! Ах, до чего же возвышенно и красиво считаться

его Глорией! Пожалуй, мое самомнение раздувается все больше и больше, как бы ни лопнуть от важности. Ха!..

Нет уж, никогда не быть мне прежней.

Но какой бы соблазнительной ни была сама мысль об этом, я ни за что не стану даже пытаться соответствовать вымышленному идеалу вечного романтика. Я останусь собой. Конкордией. И буду присматривать за своим огненным другом в оба, кабы не стряслось с ним какой беды. Мы вернемся в Заполярск, я представлю мужу Этьена, как случайно нашедшегося родственничка со стороны мамы – звучит правдоподобно и отчасти соответствует действительности. Он будет жить у нас в одной из пустующих комнат, найдет занятие по душе, устроится на работу – и только потом съедет в квартирку неподалеку. Впрочем, я, пожалуй, тоже начну трудиться с ним за компанию. Хватит зависеть от мужа, тем более что у меня есть теперь свой тайный счет в банке. Если Эрик будет против, то пусть он катится к черту! А что, если мне принять участие в гандикапе воздушных гонок или стать первой в мире женщиной-аэротаксисткой?..

Все эти мысли пронеслись у меня в голове в течение каких-нибудь нескольких секунд. Очевидно, что-то отразилось на моем лице: я заметила, как Этьен внимательно наблюдает за мной и улыбается. Я улыбнулась ему в ответ и подмигнула: мол, видишь, каков он в действительности – мой отец! Просто мировой! Так что не унывай. Прорвемся. Все будет хорошо.

У меня возникло странное ощущение, будто мы с Этьеном состоим в родстве: скажем, как кузен и кузина. И сегодня, в долгожданный час, мы собрались у одной из наших общих тетюшек, дабы вместе отметить какой-нибудь большой семейный праздник – Жаворонки там или Ярилин день. Царит атмосфера радушия, тепла и приятной суеты, какая бывает, когда все вместе лепят пирожки, украшают стены веточками и вспоминают старые добрые времена. А все лишь потому, что годы, проведенные в воинской части, общие тайны и общее прошлое – все это породнило и сблизило наших отцов и матерей. Кажется, и Этьен чувствует то же самое. Складки на его лбу разгладились, и лицо приняло умиротворенное выражение: ведь мы с родителями поможем ему и ни за что не оставим его. Я сделаю все, что смогу...

Последнюю фразу я произнесла вслух, и Этьен посмотрел на меня глазами ребенка, увидевшего живого Деда Мороза. Я тотчас вернулась в реальность: знал бы мой герой, какой я бываю иногда вредной, ленивой, грустной, скучной, занудной и посредственной! Впрочем, я позабочусь, чтоб он узнал об этом как можно скорее. Пожалуй, устрой-ка я ему проверку на вшивость...

А отец между тем все продолжал нас удивлять.

– Конечно, мы с матерью возьмем на себя часть ваших проблем. В последнее время мы, собственно, только этим и занимаемся. Насчет стабилизации Этьена ты, дочка, не беспокойся. Но каких трудов стоили нам все наши бесполезные попытки свести вас вместе и познакомить, если бы ты знала!.. Да-да, я и Миронида неоднократно прикладывала к этому руку, но все оказывалось тщетно. Пока вы сами... подождите, не все сразу, – выставил отец вперед руки в протестующем жесте, видя, что мы с Этьеном приготовились закидать его вопросами, – да, на самом деле это была наша идея, хотя потом мы и стали сомневаться в возможности ее реализовать. Но я знал, Конкордия, что если вы все-таки встретитесь, то ты непременно захочешь стабилизировать Этьена, подсоединив к нему аккумулятор, магнето и тому подобное. Я ведь слишком хорошо тебя знаю несмотря на то, что вместе мы пробыли совсем недолго. Зато потом, *после ухода из жизни*, я всегда находился рядом с тобой, хотя ты об этом и не подозревала. И когда Лилиана в очередной раз обнаружила тебя, Этьен, – отец снисходительно улыбнулся моему товарищу, – надо было срочно что-то предпринимать. Ведь твоя мать, Шаровая Молния, не без оснований опасалась вторгаться в твою магнитную сферу, параметры которой могли быть выстроены оборонительно по отношению к ней, ибо если бы она в этом случае попыталась вступить с тобой в контакт, то это стоило бы Земле тысячи жизней вследствие

мощного взрыва. Тогда-то у меня и родился план. Я не стал сразу посвящать в него Мироладу: она бы не одобрила его из каких-нибудь этических соображений...

– Глупости! – бросила мая мать.

– ...она не из тех, кто любит рискованные предприятия. А посему я ограничился лишь тем, что сказал ей: «Мироладушка, я напал на след Этьена». Тем более что она и так знала об этом от Лилианы. И вот тогда мне пришлось обратиться за помощью к своему старому другу Ивану Гейне...

– К моему отцу? – воскликнул Этьен, и я, сидящая рядом с ним, почувствовала, как напряглась и наэлектризовалась его рука.

А я, в свою очередь, добавила:

– Так Иван все это время находился рядом с нами, поблизости?! Но где именно? Ведь мы вознамерились отправиться на его поиски.

– Далеко ходить не надо, – лукаво подмигнул отец, – помнишь сторожа с автостоянки, – который заметил, что ты часами ошиваешься на заброшенной стройке. Такой любопытный, липучий, везде нос сует. Кажется он тебя, Конкордия, раздражал.

– Вон оно что, – засмеялась я, – а я-то думала, что это за странный тип, чего это он вдруг ко мне прицепился? Ужасно смешной, но все же не подозрительный. Если б я тогда знала, что это отец Этьена, я бы была с ним поразговорчивее и повежливее. Но почему он напрямую не сказал, кто он такой? Не представился? – удивилась я.

– Действительно, странно, – согласился Этьен, однако было заметно, что он с трудом подавляем желание сказать, что это вовсе не странно, а обидно.

– Поймите же, дети, – терпеливо начал отец, – Иван по натуре человек скромный, деликатный, застенчивый и, вдобавок, очень чувствительный. Ему неловко вспоминать прошлое и делиться происходящим с кем бы то ни было – с вами ли, с Мироладой ли. А если уж откроешься кому-нибудь, доверишься, то обсуждать и ворошить все это, хочешь – не хочешь, а придется. Ну, сами представьте: вы стоите под дождем, где-нибудь на крыше, и вдруг подваливает незнакомый сторож с автостоянки да говорит: «Здрасьте, дети. Этьен, я твой отец». Тут такое начнется...

А еще он по-прежнему любит твою мать, Этьен, они до сих пор периодически встречаются. Именно серьезность их отношений и заставила меня уйти в сторону. Вообще, до встречи с Мироладой я был еще тот ловелас... – самоиронично усмехнулся отец, но сразу же вновь посерьезнел, – словом, сейчас многое зависит от вас. Иван на самом деле вовсе не такая уж деморализованная развалина, каким он себя считает или какой старается казаться, нет. И эта дурацкая работа на стоянке абсолютно ему не под стать – не в его она духе. Молодых пацанов учить летать – вот, что ему нужно! Как-нибудь общими усилиями мы Ивана встряхнем. А то ведет себя, понимаете ли, как ветеран, потерявший обе ноги, взвод солдат да в придачу родную хату, которую сожгли враги! Даже со мной молчит. Нет, сказал он мне, как-то надысь, вот какую фразу: «Ты останешься вечно молодым, Арсений, а я давным-давно рохла, и у меня свои заботы, незачем тебе про них знать». Надо же! А то, что я вообще уже не человек, об этом он не подумал. Эх, старина Иван...

Вот так-то вот, – подытожил Арсений Зимоглядов, – теперь давайте поговорим о том, как навсегда стабилизировать тебя, малыш, – улыбнулся отец Этьену, – а уж организацию вашей встречи с Лилианой я возьму на себя.

При этих словах Принц Грозы, прежде облокотившийся на стол и склонивший голову, резко выпрямился и вперил нетерпеливый взгляд в Арсения. Я машинально придвинулась к товарищу локтем.

– Итак, самое важное, что тебе необходимо, – наставительно заговорил Арсений, – это попросить у Высших Сил энергию четырех основных Первостихий. Энергию Огня – у Солнца, поскольку вторая Шаровая Молния уже ничего нового уже дать тебе не сможет. Энергию

Земли – у Вулкана или Полярного Сияния, Воздуха – у Торнадо или Шторма, и энергию Воды – у Водопада. Ну, или как вариант – у Цунами. Впитав ее, ты, Этьен, сможешь пребывать в человеческом теле как в солнечный, так и в пасмурный день. И даже останешься «на связи» где-нибудь под землей в метро. Все батареи мира будут питать тебя одновременно – по две суп-плетивно. И как только четыре разного рода Стихии в тебе уравновесятся, как только процесс «утряски» завершится, ты станешь самым обычным человеком. Но человеком... как бы это выразиться поточнее, с шунтированным сердцем, или с кардиостимулятором что ли? А игнитопояс можно будет спрятать подальше в шкаф. Впрочем, лишний аккумулятор иметь про запас под рукой тоже на всякий случай не помешает.

Итак, стабилизироваться тебе, Этьен, несложно. Для начала вам с Конкордией следует подобрать команду опытных товарищей и отправиться в такие места...

Но, увы, что за это места, узнать нам не удалось. Недосказанные слова так и замерли на устах отца. Он вдруг резко дернулся и задрожал, его тело принялось пульсировать, испускающая протуберанцы. Тогда ему ничего не осталось, как вскочить со скамьи и отбежать от нас на безопасное расстояние.

– Простите, я, кажется, заговорился, а энергия моя на исходе, – слышался дрожащий голос Арсения Зимоглядова, который завибрировал и стал растворяться в воздухе, – к счастью, главное я сказал, а дальше по ходу дела вы сами сообразите...

Там, где только что стоял отец, теперь клубилось золотое облачко.

– Мы встретимся снова... – пронеслось в воздухе, и облачко рассеялось.

Ледяной душ будничной реальности

Мама предложила Этьену еще раз осмотреть дом и выбрать себе комнату. Он остановился на моей любимой мансарде, куда я в детстве любила убегать вечерами. Похоже, что у моего приятеля тоже врожденная любовь ко всяким там крышам, чердакам, башням, смотровым площадкам и вышкам. Впрочем, комната и, впрямь, была уютной – мама, не кривя душой, похвалила вкус Этьена. Часть потолка представляла собой стеклянный купол – лантерну. Она автоматически распаивалась, когда я поднималась от пола на платформе, закрепленной на червяке, прямо на крышу – а то и выше ее уровня. Створки ланternы были выполнены в виде лепестков бутона, и зачастую они все лето стояли распутившимися. Случалось, я засыпала меж них, подобно игрушечной заводной дюймовочке, под россыпью ярких огней, упав на плед подле телескопа. А просыпалась, уже позолоченная первыми лучами солнца. Так на меня изо дня в день нарастали все новые и новые слои загара.

Стены мансарды были оклеены старинными картами мореходов, моими детскими рисунками и фотографиями. На полу у стены и под кроватью громоздились ящики с игрушками, яркими цветными книжками и складными спортивными тренажерами. А на книжной полке над письменным столом теснились глобус и теллурий – оба в позолоченном обрамлении – а также старинная дедова навигация, закрепленная на полированном основании: гирокомпас, гирогоризонт и секстан. Ниже, среди книг, располагались, принадлежащие ему, кортик, ордена, медали, кубки. Этьена сразу же заинтересовала буквально каждая мелочь в этой комнате, что мне было очень приятно.

– Когда я летал среди звезд, – разоткровенничался мой друг при виде приборов, – то не нуждался ни в какой навигации. Мне казалось, что я точно знаю, где какая планета находится – я мог охватить своим сознанием всю Вселенную! Это то же самое, как, закрыв глаза, почувствовать свою почку, сердце, легкие: ты знаешь о них, хотя никогда их не видел, и они никогда не давали о себе знать. Просто призываешь на вооружение интуицию, сосредотачиваешься, мысленно сгущаешь тепло внутри тела именно там, где находится искомый орган, раз – и ты уже «видишь» селезенку и понимаешь, для чего она тебе дана, плохо ли ей или хорошо. Так я слушаю нашу Галактику и сотни других Галактик. Между ними сложнейшие парамагнитные поля в виде волн и нитей, подобно паутине. Дергаешь за одну нить – звенят остальные. Это неповторимая музыка! И я чувствую все взгляды, направленные вверх, в пространство, вижу все приборы, меряющие межзвездную пыль и делящие небосвод на квадранты. Из-за этих нелепых замеров люди нередко представляются мне слепцами с белыми тросточками. Они ощупывают то, что я вижу шестым чувством. Ни разу я еще не плыл в небесах по приборам. Но зато ощущал, как взрезают слои атмосферы всевозможные летательные аппараты. Громче всех создают какофонию космические корабли. Выйдет «Шаттл» на орбиту, а за миллионы парсеков раздастся эхо – такой вот магнитный резонанс...

– Это правда, или это только твое предположение? – поинтересовалась я, заправляя кровать для Этьена свежей простыней.

Малыш ведь верит в свои фантазии. А еще он любит красивые метафоры.

– Если где-то что-то убавляется – значит, где-то что-то прибавляется. Это я про такую ничтожнейшую пылинку мироздания, как модуль, покидающий земную орбиту и уносящийся в космический вакуум, в котором все системы изолированы и уравновешены. Пылинка весом в десять тонн оторвалась от Земли и улетела, а целая Вселенная вздрогнула: на Земле – дожди, на Солнце – бури.

– Никогда об этом не думала, – честно призналась я и случайно зевнула.

– Ну вот, ложись и подумай.

– Спокойной ночи, Этьен!

– И тебе спокойной ночи, Конкордия!

Оставив Этьена в мансарде, я, прежде чем лечь, завернула к маме пожелать ей приятных сновидений, но тотчас почувствовала, что от серьезных разговоров мне не отвертеться. Пройдя через мамину спальню и заглянув в ее рабочий кабинет, я убедилась, что хозяйка заповедника пока еще не думает ложиться, а беседует по видеомосту, делая записи в органайзере. Мама подала мне знак рукой, и я уселась ждать ее на пуфике у трюмо, машинально считывая надписи на склянках с духами и кремами.

– Утром звонил Эрик, – укоризненно сообщила мама, заходя в спальню, – он вчера вечером приехал из экспедиции и уже сутки как обеспокоен твоим отсутствием, а еще тем, что у тебя выключен телефон. Мне пришлось изворачиваться и придумывать разные небылицы, – мама скорчила недовольную гримасу, – где ты ночевала?

– Не дома, естественно. Ведь я была с Этьеном на крыше, как и сказал отец. И что ты ответила Эрику?

– Что сломала ногу, а ты за мной ухаживаешь.

– Здорово! – вырвалось у меня. Сказав это, я оторопела: вот уж не думала, будто мне придется Эрику так нагло лгать, да еще и радоваться этому. – Спасибо, мамочка! И как ты додумалась отмазать меня на такой длительный срок – кости ноги могут срастаться целых три месяца!

– Сама не знаю, – снисходительно, словно ставя «тройку» двоечнику, ответила мать, – но учти: это в последний раз. Выкручивайся сама, как хочешь.

– Ты считаешь, что я не права, помогая Этьену?

– Просто не лги.

– Но Эрик не поймет меня, я уже пыталась говорить ему правду! – возмутилась я.

– Когда подстраиваешься под кого-то, изворачиваешься, ты перестаешь быть лично-стью, – наставительно сказала мама, вскидывая и без того высокие изящные брови, – но твоя задача сейчас – хотя бы просто позвонить ему.

– Ерунда! Если ему нейдет – сам пусть и звонит, пока не дозвонится. И вообще, где не надо, он проявляет упорство, а где надо быть жестким – он размазня.

– Родная моя, ты не справедлива к мужу, – терпеливо сказала мама, садясь на постель, – Эрик тебя просто очень любит и готов закрывать глаза на многие вещи, что ты творишь. Он согласен мириться с чем угодно, лишь бы тебя не потерять.

– Работу он любит, а не меня! А если бы любил, то позволил бы завести ребенка! – я чуть не задохнулась от обиды. – И он... он просто не хочет смириться с существованием Этьена. Он считает меня психически больной!

– Может, стоит запастись терпением?

– Я уже достаточно терпела, – горячо возразила я, – Эрик краснеет от гнева до корней своих мышинных волос, лишь стоит мне заговорить о ребенке, об Этьене, о том, что я чувствую, о дедушке с его книгами, о заповеднике! Он меня даже не слушает, и не пытается понять. Ученый, видите ли!

– Может, он тебя просто ревнует, – не сдавалась мама, – к Этьену, к твоему внутреннему миру, который ты так тщательно от всех оберегаешь?

– Но мама, это же смешно. Он мой, как ты выражаешься, мир, всерьез не воспринимает. А Этьен для него – якобы плод моего навязчивого воображения. К тому же такому прагматiku и материалисту, каким является Эрик, Принц Розы может показаться слишком эфемерным, чтобы к нему ревновать.

– Однако же теперь ты его природу сделала достаточно земной и осязаемой, материали-стичной.

– К чему ты клонишь? – не поняла я.

– Да все к тому же. Что ты сейчас чувствуешь, – на лице мамы появилась легкая улыбка, – эфемерность или запах мужской рубашки на разгоряченном теле?

Опять двадцать пять! Как всегда, мама неверно истолковывает мои слова и действия. Когда же она, наконец, поймет: я не совершаю опрометчивых поступков под влиянием эмоций!

– Что ты хочешь этим сказать?! – возмутилась я.

– Только то, что, в конце концов, Эрик выследит вас с Этьеном, и тогда вам обоим ни за что не выкрутиться: в историю, будто бы этот очаровательный Архангел некогда был бесплотным духом, Эрик в жизни не поверит! Решит, что ты бесстыдно наставляешь ему рога. Об этом ты не подумала?

И мама многозначительно посмотрела на меня: мол, мне тоже с трудом верится в вашу платоническую дружбу.

– Думаю, что тебе пора спать, – сухо ответила я.

Миролада Мстиславна глубоко вздохнула и молча сняла халат.

В ночной рубашке в мелкий цветочек мама вдруг показалась мне такой хрупкой и нежной, что исходящая от нее волна спокойствия захлестнула меня с головой, и мне неожиданно вновь захотелось стать маленькой девочкой и зарыться у нее на груди от всех невзгод. У меня защипало в глазах. Я взяла из маминых рук халат и повесила на спинку старинной кровати.

– Спокойной ночи, мама!

– Позвони Эрику!

– Обязательно.

Поцеловав маму, я поскорее вышла из ее апартаментов, но спать уже расхотелось, и я потихоньку спустилась на цыпочках вниз по лестнице, осторожно открыла скрипучую дверь, выбралась на террасу, уселась на крылечке и задумалась.

****

Мама совершенно не знает Эрика. Ведь я ей половины всего не рассказываю. С чего ему ревновать меня – мой муж до тошноты уверен в своей неотразимости! И тут дело не только в омолаживающей сыворотке, благодаря которой он выглядит так, что ему никто более тридцати семи лет не дает – слишком уж он весь такой правильный: не курит, не пьет, не волочится за женщинами – словом, ведет здоровый образ жизни. Защищает диссертации, выступает на телеканалах с докладами, пользуется успехом в определенных ученых кругах... Эрик удачливее и умнее большинства своих коллег, и по его глубокому убеждению жена – собственность, трофей и награда, заслуженная им по праву. Когда-то я дарила Эрику лучшие чувства, но в ответ вместо знаков внимания и ласковых слов получала следующее: «Дорогая, ты меня вдохновляешь своей любовью на небывалые подвиги! Никто еще никогда не наделял меня такой силой. Лишь благодаря тебе я сделал наиважнейшие научные открытия. И дабы проверить их, уезжаю на полгода к новым месторождениям...» Да он просто лицемер, который не способен оценивать достоинства других! Конечно же, я не буду ему перезванивать. Пусть поволнуется, понервничает, поревнует, авось до него дойдет, что он может потерять мое доброе расположение!

Ну а как быть с Этьеном, его фантазиями и желаниями относительно меня? Я стараюсь не задумываться об этом. Мне лишь искренне хочется, чтобы семья Гейне воссоединилась, чтобы все они были вместе и счастливы. Однако, несмотря на заверения в дружбе, Этьен теперь не сводит с меня глаз, и взгляд его отнюдь не платонический. Отныне я больше не воспринимаю всерьез байки о Глории, считая ее образ прекрасным вымыслом. И это только потому, что Этьен имел неосторожность признаться, будто видел в ней меня. Или ее во мне. Но самое интересное во всем этом то, что, в действительности, рассказы Этьена о своей так называемой музе вызывают у меня в памяти картины из моего детства. Так и есть, в четыре года от роду

я танцевала среди оленят. Как факт, я пачкала мордашку соком от земляники, когда набивала рот горстями. (Это происходило здесь, в заповеднике, где мой дед работал, когда ушел в отставку). Я была озорницей и все время хохотала. Кажется, у меня вскакивали веснушки. Все это правда. Однако детство давным-давно закончилось, а вместе с ним прошла и моя беззаботность. И потом, я гораздо слабее и беззащитнее Глории, что бы там Этьен ни говорил. Мне постоянно нужна поддержка, необходимо, чтобы кто-то указывал мне путь, принимал за меня решения.

В этом отношении я за Эриком, как за каменной стеной. Он очень надежный, адекватный и предсказуемый человек. Работает почти всегда на крайнем Севере, привозя домой деньги. Мы очень редко видимся и никогда не ссоримся. Что еще надо для счастья? И так идеальные условия. Я предоставлена самой себе, живу в достатке, гуляю, где захочу, встречаюсь с друзьями, в том числе и ребятами из воинской части, с аэродрома – экстремалами. Правда, нас объединяет исключительно спортивный интерес – аэробатика. А еще я лазаю по крышам, и нет ни одного здания, где бы я не побывала. Гуляю по стройкам, особенно вечерами. Беру с собой подзорную трубу, дабы с высоты понаблюдать мир, огни ночного города. Там, в Заполярске или Нью-Лэнде, как его называют беженцы, на высотах и высотках, у меня завелись особые друзья – руфферы, любители обустраивать бесхозные крыши и проводить на них все свободное время. Некоторые так и живут в стеклянных надстройках с голубыми или же устанавливают палатки подальше от антенн: в наш век перемены климата квартиры не нужны, достаточно спальников да тентов на зиму. А вообще, они постоянно странствуют по свету, занимаясь косплеем и одновременно работая в сети – удаленно. Лидер руфферов Севера Наташа Миротворец в свое время отвоевала у собратьев для меня право неприкосновенности моей недостройки. А я для них, в знак благодарности, стащила из потайного сейфа Эрика схему подземной канализации, дабы руфферы смогли проникнуть к диггерам и отомстить им за ограбление четырех африканских подростков. Муж долго потом рылся во всех своих ящиках в поисках чертежа, но так ничего не заподозрил. Какое счастье, что Эрик не знает о моем круге общения! Иначе он, не раздумывая, поместил бы меня в психушку. А пока что я совершенно счастлива. Ну, или почти счастлива: на «северный», так сказать, лад...

Но странное дело. Всякий раз, когда я нахожусь здесь, рядом с мамой, в родном доме, замужество и жизнь в Заполярске кажутся мне далекими и нереальными, словно ничего из этого не было и нет. Оказывается, так легко стереть Эрика из памяти и не вспомнить о нем вовсе. Вот и сейчас я снова чувствую облегчение, какое обычно наступает после продолжительной болезни. Точно я проснулась и сбросила с плеч тяжелую ношу. Или внезапно наступило отрезвление ума. Или нахлынули слезы примирения после тяжелой ссоры. Или парное молоко из теплой груди, или баня с долгой дороги, или первое зарождение жизни в утробном коконе...

Раньше я ничего подобного не ощущала, принимая тягостные будни как должное. Но тут вдруг появился Этьен и перевернул все с ног на голову. Я сразу поняла, что он, его родители и мои родители – это единое целое. Один мир, организм, одна экосистема. А поставь Эрика рядом с моими родителями – это небо и земля. Эрик из иного теста, он инородное тело. У его родичей, Эрикссонов наверняка другой уклад жизни, другие ценности. Среди них я буду чувствовать себя чужой, как Миклухо-Маклай среди папуасов. Если, конечно, мы с ними когда-нибудь встретимся.

Уже совсем скоро, решив проблемы Этьена, я должна буду покинуть родной дом и уехать отсюда к Эрику, обратно, за две тысячи километров. А так не хочется. При одной лишь мысли о возвращении в Заполярек я чувствую, как ледяная, непосильно тяжелая глыба прижимает меня к земле, как стальной обруч сдавливает мне плечи и грудь. Должна. Лишь только осознание того, что я вновь увижу высотные дома, недостройки и старых друзей, немного утешает меня.

****

...А если обойти аэродром справа и продолжать брести по узкой дорожке, то через пару километров начинают вырастать уже настоящие северные леса – красивые, сизые, болотистые. Без свалок и следов пикников, с гатями посреди топей. С приспособившимися к повышенной температуре клюквой и морошкой, черникой и голубикой. Стройные гордые леса. Со стволами, покрытыми мхами и лишайниками, с листьями, теряющимися высоко над головой...

Порою стволы стоят так тесно, что ветви, переплетаясь, срстаются друг с другом. Где-то в глубине кричит птица, и эхо разносит ее уханье по оврагам. Тропинки теряются во тьме, впереди – там, откуда пары волчьих глаз глядят на тебя настороженно, но в то же время настойчиво...

Только ради этих сказочных мест, пожалуй, и стоит вернуться к Эрику. Вот единственная причина, примиряющая меня с ним.

Нет, все это как-то неправильно. Странно и неестественно. Кошка, живущая инстинктами, привязывается к дому, но отнюдь не здравомыслящий человек. Ну, тогда как же должно быть правильно? Я, честно говоря, не знаю.

Может быть, мне необходимо, подобно Эрику, посвятить себя целиком и полностью карьере, войти в модный и престижный бизнес? Нет, Боже упаси! С коллегами только чай пить хорошо, да и то, коли среди них найдутся родственные души, а не зверье. Но в наше время это редкость: в офисах царит унылая атмосфера скуки, сплетен, интриг. Всюду гадюшник. Да и потом, я сама по себе – безвылазная дикарка, которая ни с кем из чужаков не уживется. Словом, как я уже решила, мы с Этьеном откроем службу аэротакси – скажу Эрику, будто мне совестно висеть у него на шее, обременяя лишними затратами. Будем развозить пассажиров по турбазам, дачам, курортам, санаториям – за копейки, взимая плату лишь за топливо. Знаю, не особо прибыльно – зато весело. К тому же, у меня уже есть собственный счет, о котором Эрик никогда не узнает.

****

К счастью, на мою долю хватает подружек и приятельниц – в основном, среди аэробайкерш, косплееров и руфферов. Лучшая из подруг – Наташа Миротворец – «завелась» у меня лет пятнадцать назад на крыше самого высокого здания, что в центре города, куда я люблю иногда приезжать, дабы вечерами, лежа у парапета, подолгу взирать вниз на сверкающие фарами проезжающие мимо машины да на желтые лужи, отражающие огни расцвеченных окон.

Наташа подошла ко мне и сказала без обиняков:

– Привет! Ты уже решила, за кого будешь сражаться? Ты с диггерами или с нами, на стороне Белых Богов? (Это было еще задолго до серьезной ссоры «высотников» с «подземниками»).

Я повернула голову и увидела светловолосую конопатую девчушку с доверчивыми удивленными глазами, немного жалобными, как у котеночка или щеночка.

– В смысле, что значит «сражаться», ты о чем вообще? – не поняла я.

– Разве ты не участвуешь в войнушке? – конопушка непринужденно уселась на парапет, свесив ноги с высоты пятнадцатого этажа.

– В какой еще войнушке?

– Где быются не на жизнь, а на смерть Высота и Глубина, День и Ночь, Свет и Тьма – то есть две противоборствующие силы. Мы Белые Боги, они Черные. У нас игрища. Это, между прочим, наша крыша, и здесь ведущие мастера обычно прячут артефакты. Вот я тебя и приглядела, видать, за одну из этих... в смысле, новичков.

– Послушай, милочка, – меня взбесило, что эта пигалица мне «тыкает», – к твоему сведению, мне тридцать семь лет! – я прекрасно осознавала, что мне больше семнадцати не дают, и не упускала случая похвастаться своим видом. – И я в ваших дурацких забавах не участвую!

– Ну и что с того, а мне тридцать девять.

Меня задело, что «косплеерша» выглядит ничуть не хуже меня, хотя в те времена для получения сыворотки молодости надо было обладать средствами и связями, как у Эрика.

А потом я узнала, что «Миротворец» – ее настоящая фамилия.

****

Со времени нашего знакомства Наташа ни разу не задала мне ни одного фамиллярного вопроса ни о моей частной жизни – типа, сколько у вас комнат, сколько получает муж, кому свекровь подписала дом – ни о соседской черезстеночной бытовухе. Мы с ней дорожим иными ценностями, меряем человеческие отношения схожими категориями, и между нами заключен негласный договор: обывательские темы под строжайшим запретом. Но столь нелюбопытные, не сующие нос в чужую личную жизнь, люди, вроде Наташи – увы, редкость.

****

...Также я иногда участвую для отвода души в одном очень интересном и увлекательном мероприятии – летаю с ребятами на выходные на их стареньком «кукурузнике» в карельские леса, где оборудована сигнальными огнями самодельная ВПП. Там чудесные кристально чистые озера, высокие ели, причудливые березы. А грибы – одной шляпки подосиновика на котелок супа хватит за глаза! Притом и аромат какой стоит!.. А ушица! А дым костра! А песни под укулеле до утра...

В начале нашей совместной жизни Эрик уделял мне куда больше внимания, чем сейчас, хотя и говорили мы, в основном, о его путешествиях в Арктику, в экзотические исландские города – тем не менее, муж обещал свозить меня и туда, и туда, и туда... Он умел красочно описать природу мест, где побывал в экспедициях. Помнится, я выбрала для свадебного путешествия свой любимый Калининград и все близлежащее, что выпадет по маршруту. На ночлег запланировала останавливаться в кемпингах на янтарном побережье. Мое пожелание тотчас было исполнено. И мы истоптали пешком с рюкзаками балтийские берега, заходя в Светлогорск, Зеленоградск, Балтийск, посетили Ниду, Клайпеду... Это было еще до их затопления. Я внимала рассказам Эрика о древних днях, представляя себе то образы Рюрика, Синеуса и Трувора, то лица варяжских и полабских наемников. Видела быстроходный вооруженный корабль Эрика Рыжего и торговые кнорры. И подобно осколкам янтаря – желтого, черного, голубого и красного – проходящим сквозь пальцы – в моем воображении мелькали тени Одина, Фрейи и валькирий бок о бок с силуэтами Сварога, Свентовида, Перуна и Мокоши.

– О чем это ты задумалась? – полюбопытствовал Эрик.

Я честно призналась ему.

– Делать тебе нечего, – засмеялся он.

Увы, я тогда не обратила внимания на его циничный тон.

Отдых перед дорогой

Засидевшись на крылечке, я не заметила, как луна повисла прямо передо мной среди россыпи крупных южных звезд, кокетливо выглядывающих между ветвей густых садовых деревьев. И вдруг среди всего этого великолепия вальяжно и не спеша поплыл спутник. Но что это был за спутник! Огромный, золотистый, в виде буквы «Н». Мне показалось, что я вижу на нем неоновые лучевидные антенны. Я вскочила и выбежала из тени на открытое пространство. И тотчас следом за первым спутником показался второй, в форме песочных часов. Потом третий, с перекрещивающимися солнечными батареями, очертания которых светились белым ореолом, а в центре корпуса отчетливо выделялся каждый светящийся сигнальный огонек. Картина была невероятной и напоминала скорее иллюзию, анимацию. Как такое может быть? Разве спутники летают столь низко? Или, может быть, они такие огромные, что их так хорошо видно? Но кто их тогда запустил, и почему об этом нигде не писали? Интересно, что на это скажет Этьен?

Я невольно повернула голову в сторону мансарды. Так, вот, оказывается, в чем дело! Из ромбовидного окна свесилась фигурка Принца Грозы, судя по всему, причастного к происходящему. Руки мужчины были приподняты и обращены ладонями вверх, от них исходило легкое серебристое свечение.

Увидев мой, устремленный к нему, взор, Этьен широко осклабился.

– Ну как, нравится?

– Ах, Этьен, конечно же, это красиво, но предупреждать надо! – свистящим полусшепотом проговорила я.

– А что такое? – удивился он.

– Я и не знала, что думать, – притворно возмутилась я, – решила, вдруг нас завоевывают инопланетяне...

– Извини, пожалуйста, мне и в голову не пришло, что ты можешь испугаться.

Всю мою тоску, угрюмость и усталость, как рукой сняло. Вот бы сейчас прогуляться босиком по теплomu мокрому песку, блестящему в лунном свете, и чтобы ноги омывала набегающая пена!

– А тебе что, тоже не спится? – из вежливости спросила я, страстно желая услышать утвердительный ответ.

На этот раз Этьен, видимо, не разобрал слов, но явно догадался, на что я намекаю – пожал плечами и улыбнулся, уставившись на меня выжидающе. Лицо Архангела розоватым светом освещал изогнутый итальянский фонарь, и по его блестящим глазам было видно, что он не прочь отнять у меня оставшееся время, отведенное на сон, если я приглашу его, скажем, посидеть рядышком или побродить по тропинкам, выхваченным луной из темной чаши.

– Спускайся сюда! – я махнула рукой и подвинулась, уступив приятелю часть места на коврике.

Этьен сделал одобрителный жест ладонью и утонул в потемках комнаты. Через пару минут он появился внизу, присел рядом со мной и задумался. Хотелось бы мне знать, о чем? Впрочем, я и так прекрасно знала, да не нашлась, что сказать. Принц Грозы обычно предпочитает решать свои проблемы сам, и что еще важнее, он гораздо лучше других знает, как ему их разгрести.

Спустя несколько минут я участливо приобняла его и потрепала по плечу:

– Может, поплаваем?

Этьен охотно кивнул, на что я, собственно, и рассчитывала. Я давно заметила, что наши желания, как правило, совпадали. И нисколько этому не удивлялась. Ведь принц Грозы был одним из тех немногих людей, с которыми приятно не только разговаривать, но и мол-

чать. А порою, поддерживая молчаливый диалог, обмениваясь одними взглядами, наслаждаясь врожденным знанием и ощущением друг друга, можно вести долгие беседы, куда более содержательные и эмоциональные, чем те, которые мы ведем словами. Молча можно ссориться и мириться, вести баталии, смеяться и плакать. И однажды в этой тишине ты вдруг осознаешь, что вы знакомы всю жизнь.

Так и сейчас: я в точности понимала, что Этьену, как и мне, необходимо немного отвлечься и забыться – побарахтаться в море, снять стресс.

Осторожно съехав с откоса, ступая впотьмах по каменистой пологой дороге, держась за руки, мы вышли на песчаный пляж, где привязанные лодчонки покачивались на слабо колышущихся волнах. Стоял штиль; пенные барашки, отливающие неестественной зеленью, расцвечивала луна, перед диском которой Этьен, по его словам, поставил светофильтр «Карибская трава». Сам фильтр незрим, видим только спецэффект. Вскоре вокруг луны закружились сиреневые спутники, а потом появились еще три луны, размерами покрупнее – голубая, розовая и фиолетовая.

– Этьен, пожалуйста, хватит, подумай о людях! – взмолилась я. – Если кто и не вспомнит главы Писания о конце света, так это наверняка те, которые решат, будто у них белая горячка.

– Ничего страшного, – шутливо отмахнулся от меня Этьен, – людям иногда очень полезны такие встряски. Одни начнут молиться, другие бросят пить, – наставительно заметил он.

– А третьи плюнут на все и срочно начнут кутить, прожигая последние деньги, дабы нагуляться в оставшиеся минуты жизни. А потом, когда тревога окажется ложной, от обиды и нищеты сойдут с ума, – со смехом ответила я, раздевшись и неторопливо ступив в воду, игриво обдав при этом Этьена солеными брызгами.

– Что ж, туда им и дорога, – заключил он и с разбега плюхнулся в море, по пути толкнув меня столь энергично, что я опрокинулась с головой.

Меня возмутила такая наглость. Я обогнула дерзкого мужчину под водой и со спины исподтишка набросилась на него, пытаясь отомстить тем же. Но Этьен словно этого и ждал. Сделав мне подсечку, он ловко подхватил меня под коленями и вскинул себе на спину, словно рюкзак-кенгуру с малышом, после чего стал кружить в воде с невероятной скоростью. Мне осталось лишь крепче обхватить его за шею, дабы не свалиться. Я визжала и смеялась одновременно. Но тут Архангел резко остановился, а я дернулась и по инерции налетела на него. Столкнувшись, мы звонко стукнулись лбами. Я захохотала, а Принц Грозы смутился и покраснел. Мне стало не по себе. Смех замер на моих губах, и я порывисто отвернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.